

научный журнал
Издается с 2018 г.

Ex jure

ISSN: 2619-0648

2026. № 1

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя
и издателя:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
юридический факультет

Тел. +7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Урал-пресс»
[https://www.ural-press.ru/
catalog/97266/8650364/?
sphrases_id=396140](https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrases_id=396140).
Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Бакулина Лилия Талгатовна – д. ю. н., профессор, декан юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мичиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Виноградова Елена Валерьевна – д. ю. н., профессор, и.о. первого заместителя Директора Института государства и права РАН, г. Москва;

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, директор Центра экономического правосудия, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (гл. редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Килина Ирина Владимировна (заместитель гл. редактора) – к. ю. н., доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой конституционного и административного права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор департамента публичного права Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сыроевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Самара;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российского государственного университета правосудия, г. Москва;

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург.

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068

Address of the Editorial
Staff and Editorial Office:

Faculty of Law,
15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068
Phon.+7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

EDITORIAL BOARD

Valery G. Golubtsov (*Head of the Editorial Board*) – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Lilia T. Bakulina, Doctor of Juridical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Andrey V. Gabov – Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;

Svetlana Yu. Golovina – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Bronislav M. Gongalo – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Ural Branch of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation Named after S. S. Alexeev, Ekaterinburg;

Yevgeniy V. Vavilin – Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Elena V. Vinogradova, Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Inna V. Yershova – Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Vladimir V. Zaitsev – Doctor of Juridical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow;

Sergey V. Zapolskiy – Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;

Sergei V. Zuev – Doctor of Juridical Sciences, South Ural State University, Chelyabinsk;

Vladimir A. Kochev – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Ildar A. Tarkhanov – Doctor of Juridical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Vladimir A. Tolstik – Doctor of Juridical Sciences, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Olga A. Kuznetsova (Editor-in-Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Perm State University, Perm;

Irina V. Kilina (Deputy Editor-in-Chief) – Candidate of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Evgeny V. Aristov – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Sergey S. Bezrukov – Doctor of Juridical Sciences, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Damir K. Valeev – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm; Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Yuliya V. Vasileva – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Andrei I. Kaplunov – Doctor of Juridical Sciences, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Elena G. Komissarova – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Dmitriy A. Lipinsky – Doctor of Juridical Sciences, Togliatti State University, Togliatti;

Natalya A. Lopashenko – Doctor of Juridical Sciences, Saratov State Law Academy, Saratov;

Anton G. Matveev – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Zinaida A. Neznamova – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pavel S. Pastukhov – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm;

Sergei B. Polyakov – Doctor of Juridical Sciences, Perm;

Georgiy B. Romanovskiy – Doctor of Juridical Sciences, the Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk;

Aleksandr I. Stakhov – Doctor of Juridical Sciences, Russian State University of Justice, Moscow;

Marina Yu. Fedorova – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University Named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кузнецова О. А., Харина К. С.

Двенадцать первых: профессор Пермского университета

Василий Федорович Глушков 7

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Виноградова Е. В.

Конституционная дипломатия Российской империи: историографический
анализ правовых инструментов влияния на Европу в XIX веке 16

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Глухов Е. А.

О причинах вынесения аттестационными комиссиями необъективных решений ... 27

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ананьева А. А.

Нотариальный контроль за сделками, заключаемыми хозяйственными
обществами (на примере договора конвертируемого займа) 38

Кокова Д. А.

Генезис правового регулирования семейных отношений 49

Крыцула А. А.

Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка
(B2B-сегмент) 65

Сятчихин А. В.

О понятии «функция права» и функционализме
как методологической основе изучения гражданского права 78

Шайхутдинов Е. М.

Некоторые проблемы правоприменения в делах о банкротстве граждан
при рассмотрении обособленных споров, заявителями по которым являются
физические лица, не осуществляющие предпринимательской деятельности 91

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Закидальский Д. Е.

Актуальные проблемы применения статьи 237 УПК РФ: анализ практики
2025 года в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ 98

Кардашевская М. В.

Научно-методическое обеспечение расследования преступлений,
совершенных несовершеннолетними 109

Якубина Ю. П., Сорокин А. И.

Особенности правовой оценки диверсии на современном этапе:
уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты 123

Правила направления и опубликования научных статей в EX JURE 135

CONTENTS

TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE LAW FACULTY AT PERM UNIVERSITY

Kuznetsova O. A., Kharina K. S.

The First Twelve: Vasily Fedorovich Glushkov, Professor of Perm University 7

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Vinogradova E. V.

Constitutional Diplomacy of the Russian Empire: a Historiographical Analysis
of Legal Instruments of Influence on Europe in the 19th Century 16

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Glukhov E. A.

On the Determinants of Certification Commissions of Biased Decisions 27

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Ananyeva A. A.

Notarial Control over Transactions Concluded by Business Companies
(Using the Example of a Convertible Loan Agreement) 38

Kokova D. A.

Genesis of Legal Regulation of Family Relations 49

Krytsula A. A.

Digital Platforms for Interaction of Professional Market Participants (B2B Segment) 65

Syatchikhin A. V.

On the Concept of “Function of Law” and Functionalism as a Methodological Basis
for the Study of Civil Law 78

Shaykhutdinov E. M.

Some Problems of Law Enforcement in Bankruptcy Cases of Citizens
When Considering Separate Disputes, the Applicant for Which Is an Individual
Who Does Not Engage in Entrepreneurial Activity 91

CRIMINAL LAW SCIENCES

Zakidalsky D. E.

Current Issues in the Application of Article 237 of the Russian Criminal Procedure
Code: Analysis of 2025 Practice in Light of the New Explanations by the Plenum
of the Supreme Court of the Russian Federation 98

Kardashevskaya M. V.

Scientific and Methodological Support for the Investigation of Crimes Committed
by Minors 109

Yakubina Yu. P., Sorokin A. I.

Features of the Legal Assessment of Sabotage at the Present Stage:
Criminal Law and Criminal Procedure Aspects 123

Rules of Submission and Publication of Scientific Articles in EX JURE 136

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 347.0

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-7-15

Двенадцать первых: профессор Пермского университета Василий Федорович Глушков

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданского права

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

К. С. Харина

Ассистент кафедры трудового и международного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: xxenios@mail.ru

© Кузнецова О. А., Харина К. С., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация: юридическому факультету Пермского университета в 2026 году исполняется 110 лет, и мы продолжаем цикл публикаций, посвященных двенадцати первым профессорам, создавшим факультет и заложившим основу его научной школы в суровые послереволюционные годы и годы Гражданской войны (1916–1920). Очередная статья посвящена профессору Василию Федоровичу Глушкову (1882–1966), его биографии, географии жизненного пути (Симбирск, Казань, Пермь, Томск, снова Пермь) и научному наследию. В. Ф. Глушков являлся профессором Пермского университета с 15 октября 1916 года по 1 сентября 1929-го, работал в университете в других должностях с 1 октября 1944 года по 1 октября 1956-го. В статье приводится уточненный список рукописей его научных работ.

Ключевые слова: пермская научная юридическая школа; первые пермские профессора-юристы; профессор В. Ф. Глушков

The First Twelve: Vasily Fedorovich Glushkov, Professor of Perm University

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123242, Russia

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

K. S. Kharina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: xxenios@mail.ru

Abstract: the Faculty of Law of Perm University will celebrate its 110th anniversary in 2026. This article continues a series of articles dedicated to the first twelve law professors who created the faculty and laid a foundation for its scientific school in the harsh post-revolutionary years and the years of the Civil war (1916–1920). The article is devoted to Professor Vasily Fyodorovich Glushkov (1882–1966), to his biography and life geography (Simbirsk, Kazan, Perm, Tomsk, Perm), and to his scientific legacy. V. F. Glushkov held a professorship at the Perm University from October 15, 1916 to September 1, 1929, and worked at the university in other positions from October 1, 1944 to October 1, 1956. The article provides an updated list of the manuscripts of his scientific works.

Keywords: Perm scientific law school; the first Perm law professors; Professor V. F. Glushkov

В октябре 1916 года по распоряжению Министерства народного просвещения из Казанского университета в Пермский университет на должность приват-доцента был направлен **Василий Федорович Глушков** (1882–1966), специалист по римскому праву и античной истории, глубокий знаток латинского языка.

Родился В. Ф. Глушков в Симбирске 13 января 1883 года (31 декабря 1882 г.) в семье госслужащего, «из мещан». Окончил с медалью Симбирскую классическую гимназию (1894–1902), затем юридический факультет Казанского университета с дипломом первой степени (№ 6586 от 11 апреля 1909 г.). На третьем курсе был исключен на год за участие в студенческой забастовке.

По окончании университета по представлению профессора Г. Ф. Дормидонтова был оставлен при кафедре римского права для приготовления к профессорскому званию. В 1912 году выдержал магистерские экзамены и был направлен в научную командировку для подготовки магистерской диссертации сначала в Париж (15 сентября 1912 г. – 1 апреля 1913 г.), позднее в Берлин (1 апреля 1913 г. – 1 июля 1914 г.). В Парижском университете прослушал курс лекций по эпиграфике у профессора-историка, специалиста по латинской эпиграфике Рене Канья. В Берлине его научными руководителями были профессора Берлинского университета: юрист-романист и историк права Эмиль Зеккель и филолог, германист Рихард Мейер, у которого он изучал папирологию.

Находясь в заграничной научной командировке, В. Ф. Глушков подготовил рукописи четырех научных работ: «Tributum – древнейший вид обладания в Римской республике и империи», «Систематический обзор источников римского права, части 1 и 2»; «Culpa в римском праве в связи с ответственностью должника»; «Nexum. К вопросу о древнейшем обязательственном праве Рима». Однако эти рукописи так и не увидели свет: с началом войны они были конфискованы у автора германскими властями вместе с другими вещами¹.

В сентябре 1914 года В. Ф. Глушков прочел две пробные лекции «Ответственность наследника по долгам наследодателя в римском праве» и «Натуральные обязательства» и 24 ноября того же года был назначен приват-доцентом Казанского университета по кафедре римского права. С 3 сентября 1915 года он работает в должности младшего ассистента, потом приват-доцента при этой же кафедре и помощником заведующего факультетской библиотекой. В 1914/15 учебном году читает факультативный курс по истории римского гражданского процесса, в 1915/16 учебном году ведет семинары для студентов второго и третьего курсов по истории римского права.

В этот период им были написаны следующие научные работы: «Имущественный ущерб, причиненный животным, по римскому праву (action de pauperie)» (рекомендована к изданию в Ученых записках Казанского университета), «Новейшие учения итальянской юриспруденции о личных сервитутах в римском праве», «Правовая природа закупничества в русском праве (к теории самозалога должника)», «Ответственность наследника в римском праве». Однако все они также не были опубликованы.

В 1917 году Василия Федоровича Глушкова командировали в Пермское отделение Петроградского университета с сохранением должности ассистента при Казан-

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 80. Л. 8.

ском университете. С 1 июля 1917 года Министерством народного просвещения он был утвержден в должности экстраординарного профессора по кафедре римского права, заведовал кабинетом гражданского права². В июле – сентябре 1918-го, после отъезда М. В. Птухи, временно исполнял обязанности декана юридического факультета. 4 октября 1918 года был единогласно избран секретарем юридического факультета (присутствовали профессора В. Н. Дурденевский, С. Ф. Кечекьян, А. Н. Круглевский, Н. Н. Фиолетов, приват-доцент Н. В. Устрялов).

С января 1919 года, в связи с отъездом из Перми недавно избранного деканом Н. Н. Фиолетова и отказом А. Н. Круглевского, В. Ф. Глушков временно исполнял обязанности декана, а с 15 марта по итогам голосования стал деканом юридического факультета Пермского университета (утвержден Министерством народного просвещения 3 мая 1919 г.)³. Как оказалось, последним из четырех деканов юрфака до его слияния с историко-филологическим факультетом в 1919/20 учебном году. Секретарем факультета вместо него был единогласно избран профессор В. Н. Дурденевский.

В июне 1919 года на фоне начавшейся Гражданской войны В. Ф. Глушков вместе с университетом эвакуировался в Томск. С 17 декабря он приват-доцент по кафедре римского права юридического факультета Томского университета, читает курс лекций по догме римского права. В конце декабря 1919 года юридический факультет Томского университета упраздняют, а на его базе в апреле следующего года организуют факультет общественных наук (ФОН)⁴.

В июне 1920 года Пермский университет возвращается в Пермь, но Василий Федорович остается в Томске и в августе подает заявление с просьбой командировать его в Томский университет на осенний семестр 1920/21 учебного года для чтения лекций⁵. Заявление было Пермским университетом удовлетворено, однако семестровая командировка затянулась до середины 1922 года.

В Томске после преобразования юридического факультета университета в правовое отделение факультета общественных наук профессор В. Ф. Глушков с 1 июня 1920 года по 16 июля 1922-го состоял профессором, заведовал кафедрой общей теории и истории права, а по совместительству исполнял обязанности заведующего кафедрами описательной экономики, социологии и этнологии. На правовом, экономическом и социально-философском отделениях ФОНа читал курсы «История права древних народов», «Туземное право», «История права новых народов», «История экономической мысли», «Учение о развитии общественных форм», «Хозяйство и право в их историческом взаимоотношении»⁶. А кроме того, был председателем правового

² Личный состав Пермского Государственного Университета на 1917–1918 уч. год. Пермь: 2-я Гос. тип., 1918. С. 9. URL: <https://lib.permkrai.ru/node/2932?fragment=page-11>; Приказ по Министерству народного просвещения от 14 авг. 1917 г. № 127 // Вестник Временного Правительства. 1917. № 137 (183). 23 авг.

³ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 80. Л. 7.

⁴ Юридический факультет (институт) Томского государственного университета: 1898–2018: история и современность / сост. Т. А. Дедкова; под ред. В. А. Уткина, Т. А. Дедковой. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018.

⁵ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 80. Л. 68.

⁶ Профессора Томского университета: биограф. слов. / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун [и др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2: 1917–1945. С. 101–102.

отделения ФОНа и вел занятия по советскому гражданскому праву с работниками прокуратуры по приглашению Томского губюста⁷.

В период своего пребывания в Томске Василий Федорович занимался также переводом работы известного немецкого правоведа Генриха Бруннера «Основные положения истории немецкого права»⁸, однако перевод этот не был завершен⁹.

Летом 1922 года на имя профессора из Перми пришла телеграмма с предложением вернуться «из командировки в Томский университет» к месту службы, и с 1 октября В. Ф. Глушков продолжил занятия в Пермском университете¹⁰. К этому времени в учебном заведении не было ни юридического факультета, ни правового отделения факультета общественных наук, поэтому с 9 октября 1922 года он получил должность профессора по кафедре истории педагогического факультета, которую занимал до 1 сентября 1929 года.

В биографии В. Ф. Глушкова есть и такой интересный факт: 23 октября 1923 года он был утвержден Государственным ученым советом профессором по кафедре частного права Саратовского государственного университета¹¹, и оттуда ему неоднократно приходили требования прибыть к месту службы. Однако в своей автобиографии ученый пишет, что в Саратов он так и не поехал, «по семейным обстоятельствам остался в Перми»¹².

За время работы в университете В. Ф. Глушков неоднократно (четырежды за период с 1924 по 1949 год!) пытался добиться утверждения в звании и должности профессора. 9 сентября 1924 года Главное управление профессионального образования отклонило ходатайство университета утвердить его в звании профессора по кафедре государственного права педагогического факультета по причине отсутствия печатных научных работ¹³. Поэтому в сентябре 1925 года в деканат педфака ученым была представлена работа «Советское право: систематический указатель действующего советского права» объемом восемьсот страниц. Василий Федорович предпринял попытку издать ее в Свердловске, где ему было отказано в связи с «нецелесообразностью издавать ее в уральском масштабе» и рекомендовано обратиться в московское издательство¹⁴. В итоге издать работу так и не удалось, а рукопись, видимо, впоследствии была утрачена. 2 февраля 1926 года университет повторно направил в Москву документы В. Ф. Глушкова с приложением указанной рукописи и с ходатайством утвердить его в должности профессора педагогического факультета по курсу «Государственное строительство и основы советского права». 26 июля того же года Народный комиссариат по просвещению вновь отказал в утверждении «ввиду отсутствия научных работ по преподаваемому предмету», пояснив, что «представленная работа не может рассматриваться как научная»¹⁵.

⁷ Отдел юстиции Томского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

⁸ *Brunner H. Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig: Duncker u. Humblot, 1901.*

⁹ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 80. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 69–72.

¹¹ Там же. Д. 80. Л. 76. (См. также: Распоряжение Главпрофобра от 8 нояб. 1923 г. № 17815.)

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 78.

¹⁴ Там же. Л. 83, 98.

¹⁵ Там же. Л. 96.

На общественно-экономическом отделении педфака Пермского университета В. Ф. Глушков преподавал частно-хозяйственное право, историю Рима, историю права, экономическую историю, учение о происхождении и развитии общественных форм, государственное устройство РСФСР и СССР; на всех факультетах читал курс «Советское государство и право в связи с учением В. И. Ленина о государстве». Несмотря на то что в этот период ученый работал на кафедре истории и занимался преимущественно со студентами-историками, римское право он любил и изучал до конца своих дней: по воспоминаниям одного из его коллег-историков, после тяжелой болезни «Василий Федорович пришел в норму и снова взялся за студии над корпусом Юстиниана»¹⁶.

В 1926 и 1928 годах В. Ф. Глушков был председателем общественно-экономического отделения педагогического факультета. Тогда же он подготовил две работы: «Историю советского государственного и административного права с 1917–1927 гг.» (1927) и «Советское гражданское право. Общая часть, вещное право» (1927). Однако и они не были опубликованы.

С 1 сентября 1929 года В. Ф. Глушков был отчислен из Пермского университета в связи с упразднением в 1929/30 учебном году курса «Государственное устройство СССР». После отчисления до сентября 1932 года работал преимущественно юрисконсультom в государственных организациях и учреждениях (1929–1930 гг. – Пермский губисполком; 1930–1931 гг. – Горсовет; с 1931 г. по февраль 1932 г. – Пермский судозавод (экономист по труду); февраль – июль 1932 г. – 16-й Госстройтрест; с 20 сентября 1932 г. – Государственное Камское речное пароходство).

Затем ученый вернулся к преподавательской работе. С 15 ноября 1932 года он профессор по кафедре истории народов СССР Пермского государственного педагогического института, из которого 10 мая 1933 года был отчислен «за неимением учебных поручений»¹⁷.

Важно отметить, что Василий Федорович был полиглотом: он знал и древние языки (латинский, греческий), и новые (французский, английский, немецкий, итальянский). Это позволило ему работать преподавателем немецкого языка (с 1 сентября 1932 г.) и латыни (с 1 сентября 1934 г.) в Пермском медицинском институте. В этом же институте 23 февраля 1934 года он был назначен по совместительству юрисконсультom. 1 февраля 1937 года он уволился из Пермского медицинского института в связи с переходом в Пермский фармацевтический институт¹⁸, где также преподавал немецкий язык.

С 1 сентября 1937 года по 1 июля 1938-го В. Ф. Глушков трудился заведующим фондами и переводчиком в тресте «Прикамнефть», затем снова занялся преподава-

¹⁶ Капсалыкова К. Р. «Германистам нужно дать битву»: переписка В. Т. Сиротенко и М. Я. Сюзюмова (1960–1970-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4. С. 32. URL: <https://www.nojournal.ru/vak/2021-4-29/article-0299>.

¹⁷ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 80. Л. 106.

¹⁸ Личное дело В. Ф. Глушкова № 84 (начато 01.09.1932 – завершено 24.10.1944) // Архив Пермского государственного медицинского университета им. академика Е. А. Вагнера. Л. 6.

нием языков (1 июля 1938 г. – 1 октября 1944 г.). С 1 сентября 1940 года он старший преподаватель немецкого и латинского языков в Молотовском¹⁹ медицинском институте, а с 13 апреля 1941 года – и французского языка «в связи с отсутствием в штате института специалиста»²⁰. 1 июля 1941 года ему назначается академическая пенсия за выслугу лет, а 30 апреля 1942 года объявляется благодарность как одному из сотрудников института, «давших лучшие показатели в работе за период Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками»²¹.

С 1 октября 1944 года в связи с созданием в Молотовском университете историко-филологического факультета В. Ф. Глушкова приглашают в качестве профессора для преподавания истории Рима и латинского языка на историческом отделении факультета. И хотя в мединституте он переведен работать по совместительству, однако уже с 23 октября 1944 года прекращает учить будущих медиков ввиду «невозможности совмещать учебные поручения в университете и медицинском институте»²².

Работая в университете, Василий Федорович предпринимает еще две попытки получить звание профессора, и снова безуспешно: 19 августа 1948 года и 4 февраля 1949 года Президиум Высшей аттестационной комиссии отказывает ему в утверждении, мотивируя оба решения тем, что это звание «может быть присвоено лишь после защиты докторской диссертации»²³. За отказами следует понижение в должности: с 1 октября 1944 года он заведующий кафедрой, и.о. профессора и старший преподаватель кафедры всеобщей истории, а с февраля 1950 года – старший преподаватель кафедры языкознания, преподаватель латинского языка на юридическом факультете Молотовского университета. В середине 1940-х университет неоднократно дает характеристики на В. Ф. Глушкова (вероятно, для нужд получения ученого звания), указывая, что за время работы в университете он «зарекомендовал себя хорошим научным работником, ведущим занятия со студентами на высоком научно-теоретическом уровне», «во всех мероприятиях, проводимых факультетом... принимает активное участие», «идеологически устойчив и выдержан», «заслуженно пользуется авторитетом и уважением как среди научных работников, так и среди студентов»²⁴.

В сентябре 1956 года Василий Федорович Глушков обратился с просьбой об увольнении по состоянию здоровья и с 1 октября 1956 года был уволен из Пермского университета в связи с «переходом на пенсию по старости».

¹⁹ Город Пермь был переименован в Молотов в марте 1940 года. Прежнее название вернули в 1957-м.

²⁰ Личное дело В. Ф. Глушкова № 84. Л. 21.

²¹ Там же. Л. 40.

²² Там же. Л. 46.

²³ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 80. Л. 35, 38.

²⁴ Там же. Л. 15, 41.

Был женат с 3 февраля 1906 года «первым браком на девице» Валентине Николаевне Степановой, имел двух дочерей – Наталью²⁵ и Людмилу. Награжден орденом Святой Анны третьей степени (1917), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Так случилось, что Василий Федорович Глушков оказался единственным из первых университетских профессоров-юристов, кто остался в Перми до конца своих дней. Скончался он 21 июля 1966 года.

В. Ф. Глушков – профессор Пермского университета с 15 октября 1916 года по 1 сентября 1929 года, работал в университете с 1 октября 1944 года по 1 октября 1956 года.

Список рукописей научных работ Василия Федоровича Глушкова²⁶

Глушков В. Ф. Систематический обзор источников римского права, части 1 и 2. Париж – Берлин, 1913–1914.

Глушков В. Ф. *Culpa* в римском праве в связи с ответственностью должника. Париж – Берлин, 1913–1914.

Глушков В. Ф. *Nexum*. К вопросу о древнейшем обязательственном праве Рима (*Nexum* и кабальные сделки). Париж – Берлин, 1913–1914.

Глушков В. Ф. *Tributum* – древнейший вид обладания в Римской республике и империи. Париж – Берлин, 1913–1914. 108 с.

Глушков В. Ф. Вопросы владения в римской классической юриспруденции. Казань, 1914–1917. 50 с.

Глушков В. Ф. Имущественный ущерб, причиненный животным, по римскому праву (*action de pauperie*). Казань, 1914–1917. 30 с.

Глушков В. Ф. Новейшие учения итальянской юриспруденции о личных сервитутах в римском праве. Казань, 1914–1917. 63 с.

Глушков В. Ф. Ответственность наследника в римском праве. Казань, 1914–1917. 16 с.

Глушков В. Ф. Правовая природа закупничества в русском праве (к теории самозалога должника). Казань, 1914–1917.

²⁵ Наталья Васильевна Глушкова (Кузьмичева-Глушкова) (12(25).03.1912 – 01.03.1988) родилась в Казани, в 1929 г. окончила медицинский факультет Пермского университета. Ветеран Великой Отечественной войны, майор медицинской службы (1941–1946), майор медицинской службы запаса. В мирное время сорок лет (1946–1987) проработала в детской инфекционной больнице № 10 г. Перми (ныне это детский стационар Пермской краевой клинической инфекционной больницы, расположенный по адресу: ул. Соловьева, 9а), на здании которой в 2012 г., в честь столетия со дня рождения Натальи Васильевны, была установлена памятная доска. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. Похоронена на Аллее ветеранов ВОВ на Северном кладбище в Перми.

²⁶ Восстановлены по архивным материалам. Сами рукописи не найдены, ни одна из них не была опубликована.

Глушков В. Ф. [Перевод с нем.: *Brunner H. Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte*. Leipzig: Duncker u. Humblot, 1901. 298 p.]. Томск, 1920–1922.

Глушков В. Ф. Советское право: систематический указатель действующего советского права. Пермь, 1925. 800 с.

Глушков В. Ф. История советского государственного и административного права с 1917–1927 гг. Пермь, 1927.

Глушков В. Ф. Советское гражданское право. Общая часть, вещное право. Пермь, 1927.

Глушков В. Ф. Краткая хрестоматия немецкого языка для химических вузов. Пермь, 1938.

Глушков В. Ф. Deutsche syntax и хрестоматия к нему. Ч. 1. Пермь, 1944.

Глушков В. Ф. Развитие государственного права в Древнем Риме. Пермь, 1946.

Глушков В. Ф. Право преторской собственности. Пермь, 1948.

Библиографический список

Капсалыкова К. Р. «Германистам нужно дать битву»: переписка В. Т. Сиротенко и М. Я. Сюзюмова (1960–1970-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4. С. 32. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2021-4-29/article-0299>. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-4-32-32.

Личный состав Пермского Государственного Университета на 1917–1918 уч. год. Пермь: 2-я Гос. тип., 1918. URL: <https://lib.permkrai.ru/node/2932?fragment=page-11>.

Профессора Томского университета: биограф. слов. / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун [и др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2: 1917–1945.

Юридический факультет (институт) Томского государственного университета: 1898–2018: история и современность / сост. Т. А. Дедкова; под ред. В. А. Уткина, Т. А. Дедковой. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018.

Информация для цитирования

Кузнецова О. А., Харина К. С. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Василий Федорович Глушков // *Ex jure*. 2026. № 1. С. 7–15. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-7-15

Kuznetsova O. A., Kharina K. S. The First Twelve: Vasily Fedorovich Glushkov, Professor of Perm University. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 7–15. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-7-15

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-16-26

Конституционная дипломатия Российской империи: историографический анализ правовых инструментов влияния на Европу в XIX веке

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)

Е. В. Виноградова

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

E-mail: evsfrf@gmail.com

Аннотация: *создание российской историографической модели политико-правовых знаний предопределяет необходимость комплексных исследований, влияющих на выстраивание международных отношений. В этом контексте весьма важной частью научных изысканий следует считать конституционно-правовой анализ социально-правовых явлений, формирующих стратегии взаимодействия между странами. Одно из таких явлений – конституционная дипломатия: изучение ее конституционно-правового содержания позволит сформулировать идеи для исследований, определяющих особенности политико-правового развития государств. До настоящего времени в научной литературе освещались исторические и политологические аспекты конституционной дипломатии, но как предмет конституционно-правового*

© Виноградова Е. В., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

анализа этот институт не был востребован. Цель данной работы – создание на основе изучения источников, отражающих отечественный опыт конституционного проектирования в XIX веке, модели политико-правовых знаний, в которой сквозь призму конституционной дипломатии можно проследить эволюцию подходов к стратегии участия России в международных отношениях. Для достижения поставленной цели был применен междисциплинарный подход, использованы основополагающие исследовательские принципы гуманитарных наук, институционально-структурного и системного анализа, общенаучные методы познания (диалектический, методы системного анализа, аналогии, синтеза, обобщения, сравнения) и правовые методы (формально-юридический, методы правового моделирования и сравнительного правоведения). Актуальность темы исследования предопределена тем, что институционализация доктрины конституционализма в современной России обусловлена междисциплинарными конституционно-правовыми, историческими, философскими, политологическими, социологическими исследованиями вопросов, которые оказывают влияние на международные отношения, эволюционирующие в условиях трансформации парадигм отношений между странами. Проведенный анализ значительного корпуса источников позволил сделать вывод о том, что отечественная конституционная дипломатия в XIX веке упрочила российский авторитет на международной арене. При этом ею применялись разные механизмы: от прямого создания государств под протекторатом с дарованием конституций до влияния через правовое регулирование поддержки национально-освободительных движений. Целью конституционной дипломатии была легитимация российского влияния и последующее его укрепление посредством использования инструментов «мягкой силы», что позволило России вовлекать новые территории и целые страны в орбиту своих интересов, одновременно встраиваясь в усложняющуюся систему международных отношений.

Ключевые слова: конституция; конституционная дипломатия; отечественные конституционные проекты; международная интеграция; международные отношения; Венский конгресс; внешняя политика; политико-правовая модель; историографический анализ

Constitutional Diplomacy of the Russian Empire: a Historiographical Analysis of Legal Instruments of Influence on Europe in the 19th Century

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

E-mail: evsfrf@gmail.com

Abstract: *the development of a national historiographic model of political and legal knowledge necessitates comprehensive research that influences the formation of international relations. In this context, a constitutional and legal analysis of the socio-legal phenomena that shape strategies for interaction between countries should be considered a crucial part of the research conducted in this area. Constitutional diplomacy can be considered one such tool; studying its constitutional and legal content will allow for the formulation of ideas relevant to research that determines the specific features of the political and legal development of states. Until now, the historical and political science aspects of constitutional diplomacy have been explored in the academic literature, but this institution has remained under researched as a subject of constitutional and legal analysis. The purpose of this work is to create, by examining sources reflecting Russian experience in constitutional drafting in the 19th century, a model of political and legal knowledge that, through the prism of constitutional diplomacy, can be used to trace the evolution of approaches to the strategy of Russia's participation in international relations. The study utilized an interdisciplinary approach, drawing on fundamental research principles of the humanities, institutional-structural and systemic analysis, and general scientific methods of cognition (dialectical, systemic analysis, analogy, synthesis, generalization, comparison), as well as legal methods (formal legal, legal modeling, and comparative law). The article examines the experience of Russian constitutional diplomacy, which has had a significant impact on the state and legal structure of many European countries. The relevance of this research topic is determined by the fact that the institutionalization of the doctrine of constitutionalism in modern Russia is driven by interdisciplinary constitutional-legal, historical, philosophical, political, and sociological research on issues affecting international relations, which are evolving amidst the transformation of paradigms of relations between countries. The analysis of a significant body of sources leads to the conclusion that domestic constitutional diplomacy in the 19th century strengthened Russia's authority on the international stage. Various mechanisms were employed, ranging from the direct creation of protectorate states with the granting of constitutions to influencing national liberation movements through legal regulation. Its goal was to legitimize and strengthen Russian influence through the use of "soft power" instruments. Constitutional diplomacy allowed Russia to integrate new territories and entire countries into its orbit of interests, while simultaneously integrating into the increasingly complex system of international relations.*

Keywords: *constitution; constitutional diplomacy; domestic constitutional projects; international integration; international relations; Vienna Congress; foreign policy; political and legal model, historiographic analysis*

Конституция не только правовой документ, устанавливающий политико-правовые начала государства; в ней отражаются нравственные императивы, основанные на исторических, философских, мировоззренческих ценностях, влияющих на эволюцию государственного устройства. На протяжении многих десятилетий историографическая модель политико-правовых знаний, касающихся конституционно-правовых институтов, формировалась, за редким исключением, без учета вклада отечественных

философов, историков, юристов, представителей иных гуманитарных наук. В связи с актуальностью формирования новой отечественной историографической модели политико-правовых знаний, которая опирается на работы академиков А. Н. Савенкова, Т. Я. Хабриевой, известных российских ученых В. Е. Чиркина, В. Н. Плигина, В. С. Горбаня¹ и других, исследования конституционно-правовых институтов, определяющих особенности социального и политико-правового развития страны, представляют не только серьезный теоретический интерес, но создают фундамент конституционного регулирования общественных отношений, отражающих определенное мировоззрение и уровень правового сознания в обществе. Анализ конституционно-правовых институтов всегда отформатирован комплексным изучением философских, мировоззренческих, политологических, социологических идей и концепций. Выводы такого рода исследований не имеют должной степени репрезентативности без исторического контекста.

Предметное поле данного исследования ограничено рядом фактов. В первую очередь необходимо отметить, что в научной литературе отнесение тех или иных проектов к конституционным носит спорный характер, что обусловлено различиями источников, перечня регулируемых вопросов, процедуры принятия и т.п. Кроме того, позволим себе абстрагироваться от раскрытия правового содержания понятия «конституционализм», учитывая, что в отечественной конституционно-правовой науке изучению этого вопроса посвящено большое количество работ.

Целью данной статьи было создание на основе анализа опыта Российской империи XIX века модели, позволяющей сквозь призму конституционной дипломатии увидеть эволюцию политико-правовых подходов, в соответствии с которыми Россия в течение всего столетия не только участвовала в интеграционных процессах, но сама активно их формировала. В реалиях сегодняшнего дня такой анализ обосновывает стратегии участия России в международных отношениях. Учитывая исторический опыт, в котором, по мнению Президента РФ В. В. Путина, мы имеем неоспоримые преимущества, и «опираясь на фундамент того, что сделано предыдущими поколениями»², наша страна использует собственный конституционно-правовой опыт как инструмент поиска баланса международной интеграции.

¹ Савенков А. Н. Значение идей Н. Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16; Он же. Философия права и становление российского государства-цивилизации: моногр. М.: Наука, 2024; Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: Монографии: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. М., 2018. С. 190–191; Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998; Плигин В. Н. Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7. С. 93–99; Он же. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021; Горбань В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22; Он же. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101.

² Встреча с участниками Общероссийского исторического собрания 22 июня 2016 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/52201>.

Своеобразие отечественного конституционализма XIX века очень ярко проявляется в проектах и конституциях, которые в Российской империи разрабатывались для принятия в других странах. Как отмечают исследователи, «начинателями» здесь были Павел I и Александр I. Они видели «в этом одно из важнейших направлений внешней политики»³ и были, безусловно, правы: стратегия, при которой *конституционный акт перестает быть сугубо внутренним делом государства и становится заметным фактором в международных отношениях*, позволяет достигать внешнеполитических целей не столько силой оружия, сколько с помощью конституционно-правовых инструментов, формирующих благоприятную для страны правовую и политическую среду в других странах и регионах.

Такая стратегия в научно-политической литературе получила название «конституционная дипломатия». Однако сам термин «конституционная дипломатия», политика которой, как отмечает в своей работе В. Ю. Захаров, «стала одним из проявлений правительственного конституционализма в сфере внешней политики»⁴, использовался главным образом в работах по отечественной истории (впервые он был введен в научный оборот специалистом по международным отношениям А. М. Станиславской еще в 60-е годы прошлого века⁵), но оказался невостребованным специалистами в области права.

Конституционная дипломатия предполагает интеграцию новых территорий и включение присоединенных или освобожденных земель в правовую и политическую орбиту страны. Основная цель отечественной конституционной дипломатии состояла в легитимации и укреплении российского влияния. Она была инструментом «мягкой силы», позволявшим Российской империи вовлекать новые территории и целые страны в орбиту своих интересов, одновременно встраиваясь в усложняющуюся систему международных отношений. При этом использовались разные механизмы – от прямого создания государств под протекторатом с дарованием им конституций до влияния через правовое регулирование поддержки национально-освободительных движений.

Среди самых ярких примеров российской конституционной дипломатии следует назвать конституционные проекты, определившие влияние нашей страны на европейские конституционные процессы в XIX веке.

Один из первых «пилотных проектов» – инициированная императором Павлом I работа над Конституцией Ионических островов, освобожденных от французских войск

³ Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент: моногр. / А. И. Александров, С. Н. Бабурин, Е. В. Виноградова [и др.]; под общ. ред. А. И. Александрова. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 95.

⁴ Захаров В. Ю. Политика «конституционной дипломатии» Александра I в Польше и ее результаты // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 15 марта 2019 г.) / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. М.: МПГУ, 2019. С. 137.

⁵ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века // История СССР. 1960. № 1. С. 59–76. Она же. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1798–1807 гг. / отв. ред. С. А. Фейгина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962; Она же. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века: Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976.

русской эскадрой под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. Фактически Россия создала первое в истории Греции независимое государство Нового времени, но под своим протекторатом. В 1799 году был разработан «План об учреждении правления на освобожденных от французов прежде бывших Венецианских островах и об установлении во оных порядка»⁶. Это был способ легитимировать российское присутствие в Средиземноморье и создать плацдарм для дальнейшего влияния на Османскую империю. Так называемая конституция Ушакова – результат совместного творчества участников конституционного процесса. Один из них, барон Г. А. Розенкампф, признавался: «Не могу сказать, чтобы эта работа была удачна, но я старался на сколько мог сохранить своеобразие этой страны и ее обывателей»⁷. Конституционно-правовое содержание этому документу должно было придать создание Сената – высшего законодательного и исполнительного органа, который избирался бы представителями каждого из семи островов, формировался выборным путем и возглавлялся президентом (конституцию Ушакова не поддержала турецкая сторона, и она не была принята). Важно отметить, что созданное в 1801 году Собрание народных представителей острова Корфу объявило себя Временным правительством и разработало собственную конституцию⁸ – вероятно, более «левую», чем конституция Ушакова. Александр I, который, по мнению К. Маркса, будучи ярко выраженным абсолютным монархом, «разыгрывал... роль героя либерализма во всей Европе»⁹, поручил подготовить новый проект, который 29 ноября 1803 года единогласно утвердило Законодательное собрание¹⁰. Таким образом, очевидно, что реальное влияние России на подготовку и принятие Конституции Ионических островов было решающим. Она стала проектом, задуманным и реализованным Министерством иностранных дел Российской империи. Острова были включены в сферу влияния России, что позволяло империи участвовать в сложной системе международных отношений Средиземноморья наравне с Великобританией, Францией и Османской империей.

Еще одной формой российской конституционной дипломатии в начале XIX века можно считать проекты и конституции, которые разрабатывались и принимались для национальных окраин государства. Финляндия, войдя в состав Российской империи, получила свою конституцию и парламент – сейм¹¹. Вместе с тем вопрос о наличии Основного закона у Финляндии в XIX веке в рамках научного дискурса сегодня по-прежнему остается спорным. Основные аргументы сводятся к тому, что термин «конституция» для Финляндии означал сохранение в ней прежнего политического

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 379. Л. 274.

⁷ Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. 1904. Кн. 11. С. 373.

⁸ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века...

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 14: Июль 1857 – ноябрь 1860 / [подгот. к печати Б. А. Крылов и Е. И. Удальцов]. М.: Госполитиздат, 1959. С. 511.

¹⁰ Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая: 1801–1815 гг. Т. 1: Март 1801 г. – апрель 1804 г. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1960. С. 57.

¹¹ Виноградова Е. В., Раттур М. В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 184–208.

строю, который существовал, когда она была в составе Швеции. Между тем слово «конституция» в том значении, в каком его употреблял Александр I (как синоним слов «установление», «учреждение», «устав», «уложение»), предполагает исключительно парламентское устройство, то есть создание сейма¹². Позднее Николай I, вступая на престол, повторил ряд положений актов 1809 года, установив «утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по конституциям их досель пользовались»¹³. Таким образом, можно заключить, что Александр I в 1809 году даровал вошедшей в состав Российской империи Финляндии конституцию, что позволило ей получить статус автономного Великого княжества Финляндского со своим сеймом и законодательством. Это была успешная модель интеграции, позволившая региону гармонично развиваться в составе империи.

В документах Венского конгресса 1814–1815 годов был отражен ряд договоренностей. Свидетельством соблюдения Россией своих обязательств стало выполнение соглашения о том, что всем польским территориям, отошедшим к различным странам, в соответствии с положениями Заключительного генерального акта от 9 июня 1815 г. и Договора о разделе Польши от 21 апреля 1815 г., должна быть предоставлена автономия¹⁴. Следует отметить, что это предписание было выполнено только одной страной: 15 ноября 1815 года Россия даровала Польше конституцию – Конституционную Хартию Царства Польского¹⁵. Поправки к тексту, предложенному поляками, вносились Александром I и Н. Н. Новосильцевым. Отныне Царство Польское признавалось государством, которое соединилось «с Россией посредством передачи русским монархам совокупности полномочий польских королей, в том числе и их власти учредительной»¹⁶. Войдя в состав Российской империи, Царство Польское получило особое управление и определенные черты автономии. Хартия устанавливала «порядок, принципы осуществления верховной власти (ст. 4.)»¹⁷. Объективно ее конституционно-правовое содержание определялось созывом Сейма – национального народного представительства. В Хартии были закреплены нормы избирательного права и гарантии гражданских, политических свобод, соответствовавших требованиям своего времени. Эти и другие положения позволяли оценивать принятый документ как один из самых либеральных конституционных актов в Европе¹⁸. Предоставление конституции

¹² См. об этом подробнее: *Нольде Б. Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 475–493; *Коркунов Н. М.* Русское государственное право: [в 2 т.] / под ред. и с доп. М. Б. Горенберга. Изд. 6-е. СПб., 1909. Т. 1: Введение и общая часть. С. 198.

¹³ Собрание постановлений финляндских: [в 3 т.]. Т. 1: Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839. СПб.: Гос. тип., 1902.

¹⁴ Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. Кн. 2: Международные отношения в 1648–1918 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 112–116.

¹⁵ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб.: изд. Н. Д. Сергеевского, 1907. С. 41–108.

¹⁶ *Нольде Б. Э.* Указ. соч. С. 283.

¹⁷ Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент. С. 77.

¹⁸ См.: Книга для чтения по истории Нового времени: [в 5 т.]. Т. 3 / [под ред. М. В. Бердоносина, А. М. Васютинского, А. К. Джигелегова и др.]. М.: Т-во И. Д. Сытина: Сотрудник школ (Залеская), 1912.

Царству Польскому в 1815 году было уникальным актом для абсолютной монархии. Несмотря на последующие восстания и отмену Хартии, этот опыт стал важной вехой в истории европейского конституционализма и попыткой интеграции польских земель в Российскую империю на особых правах.

Усилия России, определяющие вектор ее влияния на другие государства через правовые акты, были весьма активными. Современные исследователи отмечают, что внешнеполитическая конституционно-уставная деятельность России заключалась в ее участии в подготовке и принятии сербской конституции 1838 года, получившей название Устава Сербии, в решении конституционных вопросов ряда германских государств в 1814–1815 годах¹⁹. Только с помощью Российской империи в течение двух лет (1814–1815) были решены проблемы государственного устройства Швейцарии²⁰. Однако, как указывает Ю. Л. Шульженко, конституционные проекты, созданные для других государств, «предусматривали то, чего не было в самой России»²¹.

При этом позиция России, проявленная при создании независимых государств – Греции, Сербии, Румынии, – способствовала дезинтеграции Османской империи и одновременной интеграции христианских народов в общеевропейскую политическую и правовую систему. Российские юридические и административные модели активно заимствовались этими молодыми государствами. В частности, проект первой конституции Болгарии, так называемой Тырновской конституции 1879 года²², тоже был разработан нашими соотечественниками, которые взяли за основу Органический регламент Дунайских княжеств, созданный группой под руководством П. Д. Киселева, а также конституции Сербии, Румынии и Бельгии. Проект обсуждался на Особом совещании при Министерстве иностранных дел в Петербурге и был принят Учредительным собранием Болгарии 16 апреля 1879 года. Тырновская конституция стала итогом вековой борьбы болгарского народа за национальное и политическое освобождение. Она утвердила болгарскую государственно-правовую организацию, закрепила принципы, которые лежат в основе конституционной государственности.

Сам процесс подготовки и принятия Тырновской конституции можно рассматривать как демонстрацию эволюции конституционной дипломатии второй половины XIX века. После победы в Русско-турецкой войне (1877–1878) Россия активно участвовала в создании нового Болгарского княжества. Российская администрация во главе с князем А. М. Дондуковым-Корсаковым оказала прямое влияние на работу Учредительного собрания в Тырново. За основу Тырновской конституции, как указывалось выше, был взят либеральный бельгийский конституционный образец 1831 года, в то же время ее текст был предопределен стремлением сохранить стабильность и рычаги влияния. Способствуя появлению и становлению независимого болгарского государства, Россия пыталась использовать правовые инструменты для решения своих стратегических задач, главной из которых было ослабление Османской империи. Кроме того, создание дружественного сателлита на Балканах имело целью обеспечить

¹⁹ Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент. С. 97.

²⁰ Виноградова Е. В., Раттур М. В. Указ. соч.

²¹ Шульженко Ю. Л. Отечественный конституционализм: ист.-юрид. исслед. / отв. ред. М. М. Славин. М.: Ин-т государства и права РАН, 2010. С. 35.

²² Конституция на Българското Царство. София, 1945.

России выход к Эгейскому морю и контроль над проливами. Активность России на Балканах и стремление контролировать проливы вызывали острое противодействие Великобритании и Австро-Венгрии, что привело в результате к Крымской и Русско-турецкой войнам. Это была конкурирующая интеграция – борьба за сферы влияния.

Действия России – хрестоматийный пример конституционной дипломатии. Конституция Ионических островов (1800 г.), создав республику под протекторатом Российской империи, закрепила военно-политическое присутствие в Средиземноморье: Российская империя получила плацдарм для влияния на Османскую империю и Балканы. Принятие этого документа сделало возможным восприятие России как гаранта законности и порядка в регионе. Конституции Великого княжества Финляндского и Царства Польского, направленные на их интеграцию в империю на особых, но подконтрольных условиях, позволили манифестировать Россию как «просвещенную монархию», идущую в ногу со временем. Активное участие в подготовке Основного закона освобожденной Болгарии позволило России сформировать дружественный, лояльный режим, встроить Болгарию в сферу своих геополитических интересов, создав противовес другим великим державам.

Таким образом, можно выделить следующие основные цели российской конституционной дипломатии в XX веке. Во-первых, это усиление влияния с помощью «мягкой силы» – демонстрации собственной политической системы как передовой и привлекательной. Во-вторых, создание зоны стабильности и лояльных режимов путем продвижения дружественных политических элит и моделей управления в соседних странах, с тем чтобы обезопасить свои границы. В-третьих, легитимация экспансии или вмешательства, то есть обоснование своих действий, например создания протектората, через механизмы защиты законности, правопорядка или определенных ценностей.

Тезисно остановимся на проектах конституционной дипломатии в других странах. В этом ключе можно напомнить конституционно-правовой дискурс о Конституции Индии, появление которой было одним из условий выхода Индии из-под влияния Великобритании. Серьезные исследования по подготовке конституционных проектов стран так называемой народной демократии проводились и в СССР. Сегодня конституционная дипломатия проявляется иначе, сохраняя при этом свою правовую природу. Процесс вступления в Европейский союз требует от стран-кандидатов приведения своего законодательства, включая конституционные нормы, в соответствие с правом ЕС (*acquis communautaire*). Это мощнейший инструмент экспорта правовых стандартов.

В заключение следует отметить, что изучение паттернов российского конституционализма предполагает проведение комплексных исследований. Между тем на сегодняшний день, несмотря на наличие в отечественной социально-политической литературе исследований исторического и политологического аспектов конституционной дипломатии, работ, которые были бы посвящены изучению правового содержания конституционной дипломатии, нет. Актуализация внимания к возможностям использования этого правового механизма «мягкой силы», обладающего значительным потенциалом обеспечения устойчивости функционирования политико-правовой системы, позволит утверждать, что отечественные политико-правовые идеи и концепции незаслуженно игнорируются историографами в рамках государствоведческих исследований.

Библиографический список

Виноградова Е. В., Раттур М. В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 184–208. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_2_184.

Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая: 1801–1815 гг. Т. 1: Март 1801 г. – апрель 1804 г. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1960.

Горбань В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22. DOI: 10.31857/S1026945224110017.

Горбань В. С. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101.

Гросул В. Я. Российский внешнеполитический конституционализм и Балканы (XVIII–XIX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 60–70.

Захаров В. Ю. Политика «конституционной дипломатии» Александра I в Польше и ее результаты // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 15 марта 2019 г.) / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. М.: МПГУ, 2019. С. 135–149.

Книга для чтения по истории Нового времени: [в 5 т.]. Т. 3 / [под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова и др.]. М.: Т-во И. Д. Сытина: Сотрудник школ (Залесская), 1912.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб.: изд. Н. Д. Сергеевского, 1907.

Конституция на Българското царство. София, 1945.

Коркунов Н. М. Русское государственное право: [в 2 т.]. Т. 1: Введение и общая часть / под ред. и с доп. М. Б. Горенберга. Изд. 6-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.

Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкамф // Русская старина. 1904. Кн. 10. С. 140–185; Кн. 11. С. 371–429.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 14: Июль 1857 – ноябрь 1860 / [подгот. к печати Б. А. Крылов и Е. И. Удальцов]. М.: Госполитиздат, 1959.

Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Тип. «Правда», 1911.

Плигин В. Н. Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7. С. 93–99. DOI: 10.31857/S102694520010711-3.

Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

Савенков А. Н. Значение идей Н. Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16. DOI: 10.31857/S102694520028158-4.

Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: моногр. М.: Наука, 2024.

Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент: моногр. / А. И. Александров, С. Н. Бабурин, Е. В. Виноградова [и др.]; под общ. ред. А. И. Александрова. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024.

Собрание постановлений финляндских: [в 3 т.]. Т. 1: Узаконония, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839. СПб.: Гос. тип., 1902.

Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века // История СССР. 1960. № 1. С. 59–76.

Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века: Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976.

Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1798–1807 гг. / отв. ред. С. А. Фейгина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: Монографии: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. М., 2018.

Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. Кн. 2: Международные отношения в 1648–1918 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010.

Чернов А. В. Ионическая конституция 1799 г. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 120–129. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-120-129.

Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998.

Шульженко Ю. Л. Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование / отв. ред. М. М. Славин. М.: Ин-т государства и права РАН, 2010.

Информация для цитирования

Ex jure

Виноградова Е. В. Конституционная дипломатия Российской империи: историографический анализ правовых инструментов влияния на Европу в XIX веке // Ex jure. 2026. № 1. С. 16–26. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-16-26

Vinogradova E. V. Constitutional Diplomacy of the Russian Empire: a Historiographical Analysis of Legal Instruments of Influence on Europe in the 19th Century. Ex jure. 2026. № 1. Pp. 16–26. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-16-26

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.98

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-27-37

О причинах вынесения аттестационными комиссиями необъективных решений

Е. А. Глухов

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и административного права

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
197022, Россия, г. Санкт-Петербург, Каменноостровский пр-т, 66

E-mail: glukhov-ea@ranepa.ru

Аннотация: в статье анализируется возможность влияния руководителей органов государственной власти на деятельность подведомственных им аттестационных комиссий. Это влияние может осуществляться по двум направлениям: через назначение в состав коллегиального органа лояльных руководителю лиц (непотизм) и посредством угрозы создания проблем по службе в будущем за игнорирование позиции руководства при аттестации. На основе материалов судебной практики изучены стандартные ошибки, которые были допущены при оценке сотрудников со стороны аттестационных комиссий и впоследствии привели к вынесению решений о несоответствии их замещаемой должности и увольнению. Автор приходит к выводу о высокой степени зависимости членов аттестационных комиссий и вынесении ими в связи с этим необъективных решений и предлагает меры по повышению самостоятельности данного коллегиального органа.

Ключевые слова: государственная гражданская служба; субъективизм; единоначалие; аттестационная комиссия; коллегиальные органы; конформизм; объективность решений; соответствие должности; вторжение в компетенцию; тайна голосования

© Глухов Е. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

On the Determinants of Certification Commissions of Biased Decisions

E. A. Glukhov

North-Western Institute of Management (RANEPA branch)
66, Kamennooostrovsky prospekt, Saint Petersburg, 197022, Russia

E-mail: glukhov-ea@ranepa.ru

Abstract: *the article analyzes the possibility of the influence of the heads of state authorities on the activities of their subordinate attestation commissions. The influence of the head on the members of the attestation commissions can be carried out in two directions: the appointment of persons loyal to him to the collegial body (nepotism) and the threat of creating problems in the service in the future by ignoring the position of the leadership during attestation. Based on the materials of judicial practice, fairly standard errors in the evaluation of employees by attestation commissions are studied, which subsequently led to decisions on the inconsistency of their position and dismissal. The author comes to the conclusion about the high degree of dependence of the members of the attestation commissions and their making of biased decisions in this regard. Thus, the attestation commissions translate and legally formalize the decisions of the head of the public administration body. Proposals are being made on the need for secret voting by members of the commissions in order to minimize possible pressure on them from the leadership of the organization.*

Keywords: *state civil service; subjectivism; unity of command; attestation commission; conformity; collegial bodies; objectivity of decisions; conformity to position; intrusion into competence; secrecy of voting*

Предмет исследования настоящей статьи – правовые нормы, регламентирующие работу аттестационных комиссий органов и учреждений государственной власти с государственными гражданскими служащими.

Прежде всего отметим, что институт аттестации для российского законодательства не является чем-то новым, он существовал в СССР, а для офицеров и некоторых категорий государственных служащих – еще в Российской империи. И всегда основными целями аттестации были совершенствование подбора и расстановки кадров, стимулирование карьерного роста государственных служащих, отстранение от службы дилетантов и не справившихся с возложенными обязанностями. То есть при аттестации штатного сотрудника оценивались его деловые качества, уровень квалификации, организаторские способности, эффективность исполнения обязанностей и поручений и, как результат оценки обозначенных характеристик, принималось решение о соответствии либо несоответствии сотрудника занимаемой должности.

Правовым основанием проведения аттестаций государственных гражданских служащих в настоящее время является статья 48 Федерального закона «О государ-

ственной гражданской службе Российской Федерации»¹. В данном законе нет нормы-дефиниции аттестации, но заложена ее цель – определение соответствия служащего замещаемой должности. Вполне приемлемой, на наш взгляд, является дефиниция, предложенная А. Киселевым: «...аттестация – это регламентированная (упорядоченная) процедура контроля за соответствием уровня знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника требованиям, предъявляемым для занятия какой-либо должности или выполнения поручаемой работы»².

Согласно части 9 статьи 48 Федерального закона «О государственной гражданской службе» (далее – комментируемого закона) «для проведения аттестации гражданских служащих правовым актом государственного органа формируется аттестационная комиссия», которая оценивает профессиональную служебную деятельность гражданского служащего и его профессиональный уровень. Рассмотрение данного вопроса производится на основании мотивированного отзыва, составленного непосредственным руководителем аттестуемого и отражающего результаты исполнения аттестуемым своих обязанностей за отчетный период.

Как указано в пункте 17 Положения о проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации³ (далее – Положение), «обсуждение профессиональной служебной деятельности, профессионального уровня, профессиональных и личностных качеств гражданского служащего должно быть объективным и доброжелательным».

Оценка профессиональной служебной деятельности гражданского служащего предполагает определение степени его участия в решении поставленных перед его структурным подразделением задач, сложности выполняемой им работы, ее эффективности и результативности. Таким образом, при аттестации должны сопоставляться цели и задачи, стоящие перед структурным подразделением учреждения-работодателя, и степень их реализации со стороны аттестуемого. Однако при таком подходе аттестационная комиссия изначально должна быть более благосклонна к тем сотрудникам, которые по должности выполняют задачи, совпадающие с задачами своей организации, и менее благосклонна к тем должностным лицам, которые обеспечивают внутреннее функционирование организации (подразделений финансовых, тыловых служб). Профессиональный уровень гражданского служащего оценивается на основе определения его соответствия квалификационным требованиям и с учетом результатов участия служащего в мероприятиях по профессиональному развитию.

В зависимости от специфики должностных обязанностей гражданских служащих в государственном органе может быть создано несколько аттестационных комиссий.

Состав и порядок работы аттестационной комиссии определяются приказом руководителя государственного органа, и этот порядок может различаться для разных организаций одного и того же министерства (ведомства). В приказе могут быть

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ: принят Гос. Думой 7 июля 2004 г.: одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 г. (ред. от 29.09.2025).

² Киселев А. Главное правило аттестации // ЭЖ-Юрист. 2015. № 45. С. 6.

³ О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 февр. 2005 г. № 110.

перечислены подготовительные действия перед аттестацией – например, можно ли проводить аттестацию в отношении одного сотрудника, необходимо ли перед ее проведением организовать тестирование сотрудников или в иных формах проверять их навыки и компетенцию.

Тем же приказом распределяются роли председателя, секретаря, их заместителей и членов комиссии. Согласно части 10 статьи 48 комментируемого закона в состав комиссии в обязательном порядке включаются сотрудник кадрового органа и сотрудник того подразделения, в котором служит аттестуемый, а также эксперты, независимые от данного работодателя («представители научных, образовательных и иных организаций, являющиеся специалистами в соответствующих областях и видах профессиональной служебной деятельности гражданских служащих, по вопросам кадровых технологий и гражданской службы»).

Из анализа приведенной правовой нормы следует, что, поскольку аттестуемым может стать любой служащий любого подразделения, в составе аттестационной комиссии должны быть представители всех структурных подразделений учреждения. Иначе аттестация сотрудника того структурного подразделения, представитель которого не входит в аттестационную комиссию, будет невозможна.

Представители общественности не из числа сотрудников данного учреждения назначаются в состав аттестационной комиссии по согласованию с ними. Не будучи подчиненными в классическом понимании, они являются теми, на кого не распространяются сила и обязательность внутренних приказов данного руководителя. Вводя в состав органа, принимающего решения, независимых лиц, законодатель тем самым предпринял попытку устранить влияние администрации учреждения на характер принимаемых аттестационной комиссией решений. Об этом же, но с другого ракурса, говорится в части 12 статьи 48 комментируемого закона: «Состав аттестационной комиссии формируется таким образом, чтобы была исключена возможность возникновения конфликтов интересов, которые могли бы повлиять на принимаемые аттестационной комиссией решения».

Смысл понятия «конфликт интересов» раскрыт в антикоррупционном законодательстве⁴. В самом общем виде это ситуация, при которой у служащего одновременно имеются два противоположных мотива действий: один – добросовестно исполнять свои служебные обязанности, второй – извлечь личную выгоду. Причем личная выгода вовсе не сводится к получению взяток и личному обогащению, выгодой может являться также продвижение и покровительство по службе, попустительство со стороны руководства, прощение ошибок и недочетов при исполнении обязанностей и т.п. Заинтересованность служащего в получении выгоды может быть и косвенной; более того, она необязательно должна привести к наступлению вреда, она всего лишь гипотетически может влиять на его объективность, честность и беспристрастность при исполнении служебных обязанностей. Однако такие неформальные взаимоотношения практически никогда не влекут самоустранения членов аттестационных комиссий от участия в голосовании.

⁴ О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2008 г.: одобрен Советом Федерации 22 дек. 2008 г. (ред. от 28.12.2024).

Сам руководитель организации не должен входить в состав аттестационной комиссии, поскольку именно он является представителем нанимателя, издает приказы о порядке проведения аттестации, участвует в расстановке кадров и готовит приказ об итогах аттестации. Более того, руководитель публичного учреждения в ряде случаев готовит либо визирует характеристики на аттестуемых лиц, что, по сути, является отражением его субъективного взгляда на профессиональную деятельность, деловые и нравственные качества аттестуемого⁵.

В самом общем виде работа аттестационных комиссий сводится к определению качества исполнения служебных обязанностей конкретным сотрудником, установлению юридических фактов по рассматриваемому вопросу и вынесению на основе этих фактов и действующего законодательства решения. В обязательном порядке решение аттестационной комиссии о несоответствии гражданского служащего занимаемой должности требуется для последующего его увольнения ввиду «недостаточного профессионального уровня» (пп. «б» п. 1 ч. 1 ст. 37 комментируемого закона).

Аттестационные комиссии принимают решения по всем вопросам своей компетенции большинством голосов своих членов, причем голос председателя коллективного органа, выражающий его личное мнение, не является главным и единственным верным при принятии решения⁶.

Процесс принятия решения в коллегиальном органе в широком смысле слова включает в себя две стадии:

1) представление предложения, которое образует потенциальное содержание решения;

2) голосование по представленному предложению – процесс, охватывающий подачу голосов участвующих в принятии решения членов органа (процесс принятия решения (образования воли юридического лица) в узком смысле слова)⁷.

В юридической науке сегодня нет единого мнения по вопросу о вступлении в силу решения аттестационной комиссии. Здесь возможны три варианта:

1) подсчет результатов голосования членами комиссии;

2) утверждение решения комиссии руководителем государственного учреждения, в котором она создана;

3) издание руководителем государственного учреждения приказа по результатам работы аттестационной комиссии.

По мнению автора статьи, применительно к системе государственной гражданской службы предпочтительнее первый из приведенных вариантов, поскольку законодательство не содержит нормы об обязательности утверждения такого решения или иных санкционирований (в отличие от процедуры аттестации военнослужащих). В поддержку первого варианта свидетельствует и пункт 21 Положения, согласно которому

⁵ Кирющенко И. И. Предложения по совершенствованию правовых основ квалификационной аттестации судей // *Ex iure*. 2023. № 2. С. 36.

⁶ Глухов Е. А. Орган военного управления vs командир (начальник): соотношение понятий // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2024. № 4 (321). С. 37.

⁷ Вилкин С. С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 66.

«результаты аттестации сообщаются аттестованным гражданским служащим непосредственно после подведения итогов голосования». Эти результаты, принимая во внимание принцип правовой определенности, уже не могут быть изменены иными лицами впоследствии. С другой стороны, исходя из принципа единоначалия, работодатель не обязан соглашаться с решением, вынесенным подведомственной ему аттестационной комиссией, и результаты аттестации носят для него лишь рекомендательный характер.

Учитывая изложенное, приходим к промежуточному выводу: несмотря на рекомендательный характер решений аттестационной комиссии, они являются основой для принятия руководителем окончательного решения относительно перспектив кадрового использования аттестуемого сотрудника. Более того, сам руководитель не вправе переделать представленное ему на утверждение решение, дать противоположное заключение вместо коллегиального органа. Однако он может проигнорировать выводы аттестационной комиссии в части изменения существующего правового положения аттестуемого (например, не снижать того в должности, не увольнять, не наказывать, не предлагать вышестоящую должность) или дисциплинарной практики (например, не привлекать к дисциплинарной ответственности при наличии в выводах аттестационной комиссии такой рекомендации).

Поэтому во избежание возможных противоречий в мнениях и оценках аттестуемого опытный руководитель старается просто не допустить ситуаций вынесения аттестационной комиссией неудобных для него решений. Это достигается, например, путем предварительного обсуждения с председателем аттестационной комиссии, представителем кадрового подразделения или непосредственным начальником аттестуемого характеристик сотрудника на предмет его дальнейшего служебного назначения. Выработанную руководством позицию непосредственный начальник отразит в аттестационном листе, а председатель аттестационной комиссии в завуалированной или открытой форме выскажет членам комиссии на ее заседании или перед заседанием. При таком подходе весьма высока вероятность принятия аттестационной комиссией необходимого руководителю решения, даже если члены коллегиального органа изначально считали иначе.

Каким образом это достигается?

Во-первых, в силу конформизма, зависимости и боязни наказания со стороны руководства многие члены аттестационной комиссии готовы пойти навстречу его пожеланиям. Хотя, конечно, каждый из них может проявить принципиальность и занять при голосовании позицию, противоположную позиции органа власти. Но поскольку такого рода голосование открытое, фамилия неконформиста станет известна руководителю организации, который в дальнейшем на вполне законных основаниях может принципиально и жестко подойти к оценке его собственной служебной деятельности и наказать в дисциплинарном порядке за небольшие огрехи, причем в ситуации, в которой другие его коллеги, допускающие аналогичные нарушения, отделяются лишь устными нравоучениями. Наличие причинно-следственной связи между «неправильным голосованием» в качестве члена аттестационной комиссии и последующим наказанием такой сотрудник вряд ли сможет утверждать (а тем более доказать в судебном порядке), однако многие окружающие об этой связи будут догадываться, что лишний раз подтвердит необходимость прислушиваться к мнению начальства.

Во-вторых, в ходе самой аттестации члены комиссии вправе задавать аттестуемому вопросы, в том числе и по знанию последним любых руководящих документов, своих обязанностей, состояния дел в курируемой сфере деятельности. В ситуации, когда нормативно закреплённых критериев оценки ответов аттестуемого правовыми актами федеральных органов власти не установлено⁸, аттестуемого несложно поставить в уязвимое положение, подготовив для него достаточно сложные вопросы и фиксируя любые неточности в его ответах. Такого рода негативная информация, занесённая в аттестационный лист, затем может быть использована для принятия нужного руководству решения.

Характерным примером вышеизложенного является судебное дело, рассмотренное одним из областных судов. Из материалов дела следует, что истица была уволена в связи с несоответствием занимаемой должности по причине недостаточной квалификации, подтвержденной в ходе аттестации. Суд счел, что результаты непосредственного опроса истицы на заседании аттестационной комиссии не дают оснований для вывода об отсутствии у нее необходимого уровня квалификации для работы в должности. Задаваемые членами комиссии вопросы касались формального знания должностной инструкции, точного наименования выполняемых функций. При этом истица хотя и сбивалась при изложении тех или иных обстоятельств, но в общих чертах ответила на поставленные вопросы. Тот факт, что истица не воспроизвела дословно все обязанности, предусмотренные ее должностной инструкцией, не означает, что ей не были известны предмет ее профессиональной деятельности и перечень собственных обязанностей⁹.

Вообще, обсуждение негативных проступков довольно часто подменяет собой рассмотрение и оценку профессиональной служебной деятельности аттестуемого, ее эффективности и результативности. Поэтому при рассмотрении подобных споров у судов нередко отсутствует возможность установить, по каким именно основаниям истец признан не соответствующим занимаемой должности¹⁰ и почему аттестационная комиссия рекомендует его уволить.

Приведенное выше судебное постановление подтверждает, что четких критериев вынесения аттестационной комиссией определенных решений не существует и руководитель организации под предлогом решения кадровых вопросов имеет возможность косвенно вмешиваться в деятельность органа, который должен самостоятельно, объективно и беспристрастно вынести именно свое решение, основанное на личном взгляде каждого из его членов.

В юридической литературе также озвучивалось мнение о том, что на практике процедура аттестации расценивается в большей степени как один из инструментов избавления от неугодных работников или как формальность и в гораздо меньшей – как реально действенный и систематически применяемый механизм оценки персонала

⁸ Климкина Е. В. Правовое регулирование прав сотрудника органов внутренних дел в рамках процедуры аттестации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 99.

⁹ Апелляционное определение Омского областного суда от 22 апр. 2015 г. по делу № 33-2611/2015.

¹⁰ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 окт. 2022 г. № 88-23841/2022.

в процессе труда¹¹. Оценка профессиональных качеств аттестуемых часто зависит от субъективного мнения членов аттестационной комиссии или руководителя, «при этом субъективность может быть выражена в различных формах»: предвзятости, необъективности, влияния внешних факторов¹².

Такое положение дел объясняется главным образом конформизмом и зависимостью членов аттестационной комиссии от руководителя организации, в которой эта аттестационная комиссия функционирует. От руководителя организации, например, зависят дотошность и частота последующих проверок самих членов аттестационных комиссий (состояния дел в их подразделениях и курируемых ими направлениях деятельности), даты отпусков, графики командировок, строгость и длительность возможных взысканий, вид возможного поощрения, регулярность и размер премирования, интенсивность служебной нагрузки, постановка внезапных обременительных задач и привлечение к внештатным обязанностям, а также многие иные вопросы, в том числе социального обеспечения. Стоит ли удивляться, что интерес члена комиссии честно, справедливо и законно выполнить свою обязанность, да еще внештатную, отходит на второй план по сравнению с интересом не портить отношения с начальством, поскольку своя рубашка ближе к телу. В условиях единоначалия и строгой регламентации деятельности, получения многих благ по усмотрению начальства вполне объяснимо желание угодить начальнику и тем самым зарекомендовать себя с положительной стороны. Угодничество и nepотизм оказываются не менее, а порой и более эффективными инструментами подъема по карьерной лестнице, чем компетентность и трудолюбие¹³.

Как отмечает ряд исследователей, личностно-ролевая подстройка подчиненного под руководителя, связанная со стремлением завоевать его внимание услужливостью, стать лично полезным, весьма распространена в любых иерархических структурах. Это своеобразная транзакция, дополнение рационально-бюрократических отношений личностными. Причем речь идет не о профессиональной «услужливости», то есть наилучшем исполнении служебной, профессиональной роли (для чего необходима компетентность, помноженная на большой труд), а именно об обслуживании начальства, игре на его потребностях, фобиях и желаниях, которые предугадываются подчиненными¹⁴.

Корпоративные правила поведения передаются вновь прибывшим членам коллектива. Любой человек или коллектив, изо дня в день действуя в рамках писанных и неписанных правил, вольно или невольно становится носителем сущности такой системы. И это только подтверждает основополагающий принцип исторического мате-

¹¹ *Парамонова С. В.* Аттестация работников: дефекты дифференцированного подхода // *Трудовое право в России и за рубежом.* 2022. № 4. С. 32.

¹² *Журида А. С., Якунин Д. В.* Аттестация государственных гражданских служащих как инструмент повышения эффективности работы // *Наукосфера.* 2024. № 7-1. С. 382.

¹³ *Ведяшкин С. В., Глухов Е. А.* Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти России // *Вестник Томского государственного университета. Право.* 2023. № 47. С. 47.

¹⁴ *Старостин А. М., Швец Л. Г., Тованчова Е. Н.* Девииации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2018. № 1 (92). С. 33.

риализма, четко сформулированный К. Марксом: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹⁵.

В-третьих, стоит напомнить и о том, что персональный состав аттестационной комиссии во многом зависит от субъективного мнения руководителя государственного органа, ведь именно он издает приказ о включении в комиссию конкретных сотрудников. Уже поэтому, если человек в составе комиссии ведет себя «неправильно», руководитель организации в любой момент может исключить его из состава данной комиссии, издав новый приказ.

Чтобы повысить объективность принимаемых решений, законодателем было задумано рассмотрение вопросов на заседании коллегиального органа с обсуждением различных мнений и точек зрения. В юридической литературе отмечается, что коллегиальность должна способствовать всестороннему обсуждению вопроса на принципе демократизма, что исключает возможность чрезмерной концентрации власти в руках одного должностного лица и незаконного ее присвоения¹⁶. К сожалению, в отличие от партийных собраний и заседаний коллегиальных органов с участием представителей КПСС, современные коллегиальные органы в системе государственной службы не создают противовеса ее руководителю. Поэтому декларируемая коллегиальность и независимость решений комиссий на практике все чаще подменяется волей одного руководителя, создавая только видимость коллективного решения.

Таким образом, вряд ли можно говорить о реальной независимости аттестационных комиссий от руководителей публичных учреждений, чьим приказом эти комиссии и образованы. Как следствие, вызывает сомнение беспристрастность исполнения членами аттестационных комиссий своих обязанностей при заинтересованности руководителей в определенных решениях этих комиссий.

Конституционный Суд РФ в одном из постановлений отметил, что объективность выводов аттестационной комиссии, равно как и соблюдение прав и законных интересов аттестуемого, обеспечивается, помимо прочего, предоставлением последнему возможности ознакомиться с аттестационным листом, заявить в письменной форме о несогласии с отзывом о своей служебной деятельности, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании комиссии, обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации, что позволяет избежать принятия произвольного, необоснованного решения о досрочном увольнении¹⁷. Полагаем, что в приведенном ракурсе речь идет скорее о возможности инициирования самого судебного контроля за вынесенным аттестационной комиссией решением, а не о наличии контроля за критериями объективности при вынесении данного решения.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 13: Январь 1853 – февраль 1860 / подгот. к печати А. Е. Коротеевой. М.: Госполитиздат, 1959. С. 7.

¹⁶ Гончаров В. В. Коллегиальность и единоначалие как принципы формирования и функционирования органов исполнительной власти в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 3. С. 56.

¹⁷ По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р. В. Боскачева, И. В. Овсянникова и Д. А. Савельева: постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П.

Учитывая изложенное, представляется практически полезным обсуждение данной проблематики юридическим сообществом для поиска механизма, обеспечивающего действительную коллегиальность и независимость аттестационных комиссий. Процесс принятия решения не должен зависеть от потенциального воздействия на членов комиссии со стороны руководства органа власти или самого аттестуемого. Поэтому, на наш взгляд, логически оправдано введение в законодательство нормы о тайном голосовании членов аттестационных комиссий.

Предлагаем также в целях повышения независимости аттестационной комиссии (по аналогии с комиссией по профилактике коррупции и рассмотрению конфликта интересов) при решении вопроса о несоответствии должностного лица занимаемой должности в обязательном порядке включать в ее состав не менее $\frac{1}{4}$ членов из числа не подчиненных руководителю данной организации лиц.

Кроме того, целесообразно дополнить пункт 18 статьи 48 комментируемого закона положением о возможности обжаловать результаты аттестации не только в суде, но и в аттестационной комиссии вышестоящего органа государственной власти.

Библиографический список

Ведяшкин С. В., Глухов Е. А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 35–57. DOI: 10.17223/22253513/47/3.

Вилкин С. С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Глухов Е. А. Орган военного управления vs командир (начальник): соотношение понятий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 35–43.

Гончаров В. В. Коллегиальность и единоначалие как принципы формирования и функционирования органов исполнительной власти в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 3. С. 54–59.

Журида А. С., Якунин Д. В. Аттестация государственных гражданских служащих как инструмент повышения эффективности работы // Наукосфера. 2024. № 7-1. С. 380–385. DOI: 10.5281/zenodo.12749567.

Киселев А. Главное правило аттестации // ЭЖ-Юрист. 2015. № 45. С. 6–9.

Кирющенко И. И. Предложения по совершенствованию правовых основ квалификационной аттестации судей // Ex iure. 2023. № 2. С. 30–48. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-2-30-48.

Климкина Е. В. Правовое регулирование прав сотрудника органов внутренних дел в рамках процедуры аттестации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 98–101.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 13: Январь 1853 – февраль 1860 / подгот. к печати А. Е. Коротеевой. М.: Госполитиздат, 1959.

Парамонова С. В. Аттестация работников: дефекты дифференцированного подхода // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 31–34. DOI: 10.18572/2221-3295-2022-4-31-34.

Старостин А. М., Швец Л. Г., Тованчова Е. Н. Девиации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 31–37.

Ex jure

Информация для цитирования

Глухов Е. А. О причинах вынесения аттестационными комиссиями необъективных решений // Ex jure. 2026. № 1. С. 27–37. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-27-37

Glukhov E. A. On the Determinants of Certification Commissions of Biased Decisions. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 27–37. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-27-37

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.41

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-38-48

Нотариальный контроль за сделками, заключаемыми хозяйственными обществами (на примере договора конвертируемого займа)

А. А. Ананьева

Доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права

Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

E-mail: annaslast@mail.ru

Аннотация: позитивация договора конвертируемого займа как правового инструмента, необходимого для организации инвестиционного процесса, направленного прежде всего на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, потребовала научно-практического осмысления не только правовой сущности соответствующей сделки, но и факторов, способствующих включению в процесс исполнения этой сделки нотариуса. Посредничество нотариуса при исполнении обязательства, основанного на договоре конвертируемого займа, не случайность, а очередной законодательный шаг в сторону утверждения концепции нотариального контроля за деятельностью ООО. В настоящей статье содержится краткий обзор законодательной новеллы, обеспечившей отечественный правопорядок конструкцией договора конвертируемого займа, анализ доктринальных позиций относительно понимания нотариального контроля, а также раскрывается авторское представление о том, в чем выражается нотариальный контроль при исполнении договора конвертируемого займа.

© Ананьева А. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: договор конвертируемого займа; инвестиционные сделки; нотариальный контроль; нотариус; хозяйственное общество; общество с ограниченной ответственностью; увеличение уставного капитала хозяйственного общества

Notarial Control over Transactions Concluded by Business Companies (Using the Example of a Convertible Loan Agreement)

A. A. Ananyeva

V. M. Lebedev Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russia

E-mail: annaslast@mail.ru

Abstract: *the positivation of the convertible loan agreement as a legal instrument necessary for organizing an investment process aimed primarily at supporting SMEs required a scientific and practical understanding of not only the legal essence of the relevant transaction, but also the factors that contribute to the inclusion of a notary in the execution of this transaction. The involvement of a notary in the execution of an obligation based on a convertible loan agreement is not an accident, but rather a legislative step towards the establishment of a notary-supervised concept for LLCs. This article provides a brief overview of the legislative novelty that provided the domestic legal system with the concept of a convertible loan agreement, an analysis of the doctrinal positions regarding the understanding of “notary control”, and an exploration of the author’s perspective on the nature of notary control in the execution of a convertible loan agreement.*

Keywords: *convertible loan agreement; investment transactions; notary; notary control; business company; increase in the authorized capital of a business company*

О договоре конвертируемого займа. Появление в отечественном правопорядке норм о новой договорной конструкции – договоре конвертируемого займа (далее по тексту также ДКЗ) – не могло остаться без научного внимания. Примечательно, что нормы о таком гражданско-правовом договоре были включены только в корпоративное законодательство, что позволяет сделать вывод об особом функциональном значении договора конвертируемого займа. По справедливому замечанию М. Н. Илюшиной, ДКЗ – это прежде всего договорно-обязательственный механизм, имплементированный в корпоративные отношения с участием акционерных обществ (АО) и обществ с ограниченной ответственностью (ООО)¹.

¹ Илюшина М. Н. Договор конвертируемого займа как новый договорно-обязательственный механизм регулирования корпоративных отношений в обществах с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2022. № 3. С. 31.

С принятием Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ² (далее – Закон № 354-ФЗ) нормами о ДКЗ были дополнены шесть федеральных законов: Основы законодательства РФ о нотариате³, Закон об АО⁴, Закон о рынке ценных бумаг⁵, Закон об ООО⁶, Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей⁷ и Закон об основах государственного регулирования торговой деятельности⁸. Пять из шести перечисленных законов относятся к сфере предпринимательских отношений, и лишь один – Основы законодательства РФ о нотариате – косвенно касается корпоративной сферы, что предопределяет важность научного осмысления включения нотариата в отношения, основанные на ДКЗ.

Законодательное решение о позитивации ДКЗ обычно объясняется экономико-инвестиционными мотивами: развитие бизнеса, особенно высокотехнологичного, в котором нуждается отечественный рынок, сопряжено с существенными финансовыми вложениями, потребность в которых ощущается сильнее всего на начальных этапах функционирования стартапа⁹. В этот период стратегия молодого бизнеса строится по принципу привлечения внешнего финансирования в обмен на долю (акции) в хозяйственном обществе, получившем инвестиционную поддержку. М. Н. Илюшина связывает появление в нормах корпоративного законодательства конструкции ДКЗ не только с решением сугубо инвестиционных задач, но и с необходимостью поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), оказавшихся в трудной финансовой ситуации, особенно в ковидный и постковидный периоды¹⁰. Действительно, стремясь ко всемерной поддержке предпринимателей, в том числе субъектов МСП, государство не в силах взять на себя функции основного инвестора¹¹, что

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ: принят Гос. Думой 8 июня 2021 г.: одобрен Советом Федерации 23 июня 2021 г.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1 (ред. от 31.07.2025).

⁴ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 1995 г. (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025).

⁵ О рынке ценных бумаг: Федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ: принят Гос. Думой 20 марта 1996 г.: одобрен Советом Федерации 11 апр. 1996 г. (ред. от 31.07.2025).

⁶ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 14 янв. 1998 г.: одобрен Советом Федерации 28 янв. 1998 г. (ред. от 31.07.2025).

⁷ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ: принят Гос. Думой 13 июля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 г. (ред. от 28.12.2024).

⁸ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 28 дек. 2009 г. № 381-ФЗ: принят Гос. Думой 18 дек. 2009 г.: одобрен Советом Федерации 25 дек. 2009 г. (ред. от 31.07.2025).

⁹ См. об этом подробнее: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». / под ред. И. С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 1. С. 322–338. Автор комментария к статье 19.1 – С. Ю. Филиппова.

¹⁰ Илюшина М. Н. Договор конвертируемого займа как новый договорно-обязательственный механизм... С. 32.

¹¹ Хотя до недавнего времени в Российской Федерации действовал подзаконный акт, предусматривавший механизм субсидирования для инвестиций в венчурные проекты. См. об этом: Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета некоммерческой

предопределяет значимость принятия стимулирующих мер, направленных на развитие в Российской Федерации системы внешнего финансирования¹². Создавая благоприятный инвестиционный климат, в том числе за счет мер правового характера, публичный регулятор обеспечивает отечественную экономическую систему самоорганизующейся инвестиционной экосистемой, функционирующей на основе рыночных механизмов.

Разработчики законопроекта о ДКЗ в пояснительной записке подробно объяснили суть вводимых соответствующим законом нововведений. Так, ими была обозначена стимулирующая цель соответствующей законотворческой инициативы, адресатом которой являются в первую очередь субъекты МСП, осуществляющие предпринимательскую деятельность в сфере высокотехнологичных проектов. Вместе с тем подчеркнем, что ДКЗ рассчитан на любые хозяйственные общества, организованные в форме ООО и непубличных АО, независимо от наличия либо отсутствия у них статуса субъекта МСП. В целом логика законодателя, а также разработчиков соответствующего законопроекта ясна: предполагается, что малый и средний бизнес будет функционировать преимущественно в таких организационно-правовых формах, как ООО и непубличные АО. При разработке ДКЗ, помимо сугубо инвестиционной цели, преследовалась также цель правовая, а именно обеспечение баланса участников инвестиционных правоотношений. Безусловно, здесь имеются в виду инвестор и реципиент инвестиций, то есть непосредственные участники инвестиционного процесса. Учитывая рисковый характер инвестирования в стартапы, разработчики анализируемого законопроекта отметили важность охраны интересов инвестора, стремящегося к сохранению и преумножению своего инвестиционного портфеля, что трудно прогнозируемо на этапе начала функционирования бизнес-проекта. При этом особо подчеркивалось, что проблематика инвестирования в венчурные проекты обсуждается на самом высоком уровне: так, 11 марта 2020 года этот вопрос стал предметом обсуждения на встрече В. В. Путина с отечественными инвесторами.

Законодательство европейских стран давно оперирует конструкцией ДКЗ, которая активно используется для опосредования инвестиционных сделок, составляя примерно треть всех совершаемых венчурными фондами инвестиционных сделок. До принятия обсуждаемых в рамках настоящей статьи новелл конструкция ДКЗ, будучи непоименованной, все-таки применялась в рамках индивидуального правового

организации Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий на возмещение части затрат физическим лицам, осуществившим инвестиции на ранних стадиях в юридические лица, получившие статус участника проекта создания и обеспечения функционирования инновационного центра «Сколково», определяемой исходя из объема уплаченного налога на доходы физических лиц и не превышающей 50 процентов таких инвестиций, в рамках подпрограммы «Создание и развитие инновационного центра «Сколково» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: Постановление Правительства РФ от 17 авг. 2019 г. № 1070 (ред. от 01.04.2022). Документ утратил силу.

¹² См. об этом: *Захаркина А. В., Кузнецова О. А.* Развитие инструментов прямого финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 651–671.

регулирования соответствующих договорных правоотношений между участниками гражданского оборота, однако нередко сопровождалась юридическими конфликтами, о чем свидетельствует судебно-арбитражная практика. Трудности применения ДКЗ до момента введения в отечественный правопорядок норм о нем были связаны прежде всего с ограничениями, имеющимися в корпоративном законодательстве и не позволявшими инвестору обеспечить себя необходимым количеством долей (акций) в хозяйственном обществе, получившем его инвестиционную поддержку. В итоге инвестор оказывался в ситуации зависимости от тех или иных корпоративных решений, принятие которых возлагалось на участников хозяйственных обществ. Очевидно, что столь уязвимое положение инвестора на момент конвертации не способствовало привлекательности соответствующей договорной модели и зачастую ориентировало участников инвестиционной сделки в сторону иностранных юрисдикций. Введение норм о ДКЗ, по замыслу разработчиков соответствующего законопроекта, преследовало также цель уравнивания рисков инвесторов и реципиентов инвестиций, обеспечивая тем самым баланс их интересов.

Как следует из анализа норм Закона № 354-ФЗ, ДКЗ является разновидностью договора займа, который отличается тем, что предоставляет займодавцу исключительное право на конвертацию имущественного права требования возврата займа в право требования размещения дополнительных акций или передачи доли. Сложность конструкции ДКЗ, вероятно, предопределила внушительный перечень ее существенных условий, к числу которых, помимо предмета, отнесены также срок, обстоятельства, при которых происходит конвертация, а также цена или порядок ее определения. С точки зрения общих положений об обязательствах конструкция ДКЗ смоделирована как альтернативное обязательство с правом выбора на стороне кредитора¹³. Пример ДКЗ есть наглядное подтверждение того, что в быстро меняющихся условиях рыночной экономики, непредсказуемость которой неоднократно проявляла себя, модель альтернативного обязательства с правом выбора на стороне инвестора гарантирует охрану его инвестиционных интересов, поскольку позволяет ему сделать выбор между двумя или более вариантами исполнений не на момент совершения инвестиционной сделки, когда рентабельность начинающего бизнеса неочевидна, а на момент выхода соответствующего товара/работы/услуги на рынок и занятия на нем определенной ниши.

После краткого рассмотрения модели договора конвертируемого займа нам представляется интересным сфокусироваться на функциональном значении нотариального посредничества в рамках ДКЗ, если заемщиком выступает ООО.

О нотариальном контроле. Рассуждая о нотариальном контроле в контексте ДКЗ, мы должны в первую очередь акцентировать внимание на самом термине «нотариальный контроль». Обозначая его доктринальную сущность, необходимо подчеркнуть его нечастое использование в цивилистических публикациях. На наш взгляд, это обусловлено тем, что понятие контроля принято связывать с публично-правовыми

¹³ См. об этом: Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Конвертируемый заем через призму положений об альтернативных и факультативных обязательствах // Академический юридический журнал. 2019. № 4 (78). С. 22–27.

отношениями, в то время как нотариат традиционно воспринимается как частно-публичный институт гражданского общества. К примеру, в комментаторской литературе отмечается, что нотариальное удостоверение договора ренты по своей сути является примером нотариального контроля за соответствующей сделкой¹⁴. В том же ключе высказалась и М. В. Сазонова, занимавшая ранее пост Президента Федеральной нотариальной палаты. В своем интервью она пояснила, что, удостоверяя сделки с недвижимым имуществом, нотариус контролирует исполнение обязательств сторон соответствующей сделки¹⁵. Аналогичный подход встречается в научных работах других авторов¹⁶.

Несколько иной подход к нотариальному контролю – через призму понимания его применительно к корпорациям – нашел отражение в некоторых исследованиях по частному праву. К примеру, Т. С. Петровская и О. С. Петровская пишут о том, что, новеллизируя отдельные нормативные положения в корпоративной сфере, законодатель преследовал цель установления нотариального контроля над рейдерскими захватами фирм¹⁷. О нотариальном контроле как сугубо корпоративном феномене пишет и Ю. С. Поваров, предлагая изучить проблематику пределов нотариального контроля при внесении сведений в реестр на основании документов, подтверждающих сведения об участниках¹⁸.

Пожалуй, впервые на связь корпоративного контроля с ДКЗ указал Н. Г. Фроловский, подчеркнув, что позитивация этой договорной конструкции в нормах отечественного корпоративного законодательства является закономерным продолжением законодательных шагов в сторону усиления корпоративного контроля за деятельностью ООО¹⁹. Вслед за ним В. П. Ладыгина, рассматривая вопрос о наследовании прав и обязанностей из ДКЗ, отмечает, что нотариальный контроль за деятельностью хозяй-

¹⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Г. Е. Авилов, Б. П. Варнавский, В. В. Глянец [и др.]; под ред. О. Н. Садикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт: Инфра-М: Норма, 1997.

¹⁵ Сазонова М. В. Интервью с Президентом Федеральной нотариальной палаты М. В. Сазоновой / беседу вели Н. Н. Тоцкий, А. А. Оводов // Юридический мир. 2009. № 7. С. 4–10.

¹⁶ См., например: Мурадян Э. М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4. С. 23–28; Зайцева Т. И., Медведев И. Г. Нотариальная практика: ответы на вопросы. М.: Инфотропик Медиа, 2010. Вып. 3; Букшина С. В. Право ребенка на получение содержания от своих родителей: вопросы осуществления // Семейное и жилищное право. 2012. № 3. С. 11–13; Усачева Е. А. Определение состава общего имущества супругов, подлежащего разделу по соглашению: свобода усмотрения сторон и ее ограничения // Нотариус. 2016. № 6. С. 27–30; Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Ред. 1.0] / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018; Доверительное управление наследственным имуществом: моногр. / А. В. Бегичев, Б. А. Булаевский, В. В. Долинская [и др.]. М.: Проспект, 2025.

¹⁷ Петровская Т. С., Петровская О. С. Пять схем по обходу нотариальной формы сделок с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и их многократные риски // Нотариус. 2015. № 3. С. 31–34.

¹⁸ Поваров Ю. С. Нотариальный порядок ведения списка участников общества с ограниченной ответственностью: содержательный и субъектный аспекты // Нотариус. 2017. № 4. С. 15–18.

¹⁹ Фроловский Н. Г. Особенности статистики договора конвертируемого займа в корпоративных обязательствах // Гражданское право. 2021. № 5. С. 28.

ственных обществ важен именно с позиции изменения конфигурации долей в уставном капитале ООО, поэтому законодатель ввел нотариальное посредничество в конструкцию ДКЗ только применительно к ООО, и только к ситуации, при которой инвестор делает выбор в пользу получения доли в уставном капитале²⁰. Наиболее системно к нотариальному контролю подошел А. П. Кожокарь: в своем исследовании он сосредоточился на проблемах правового регулирования при осуществлении такого контроля за выходом участника из ООО²¹.

О нотариальном контроле через призму ДКЗ. Переходя к изложению собственной позиции относительно природы нотариального контроля, осуществляемого посредством ДКЗ, отметим, что общепринятым является взгляд на особое место нотариата в структуре правозащитных институтов современного гражданского общества²². При этом все чаще приходится слышать, что нотариат претерпел существенные изменения: стал цифровым²³ и соответствующим современным тенденциям развития гражданского оборота. Эти умозаключения подтверждаются и через нормы нотариального законодательства, регламентирующие нотариальные действия, совершаемые нотариусом в связи с увеличением уставного капитала ООО во исполнение ДКЗ. К примеру, в статье 103.13 Основ законодательства РФ о нотариате указано, что нотариус, осуществляя нотариальные действия во исполнение ДКЗ, обращается в регистрирующий орган путем подачи заявления, имеющего электронную форму.

Важно подчеркнуть, что несмотря на то, что ДКЗ подлежит нотариальному удостоверению, нотариус контролирует ход исполнения обязательства, возникшего из этого договора, только в том случае, если займодавец делает выбор в пользу приобретения доли в уставном капитале ООО. Если же в момент наступления обстоятельств, указанных в ДКЗ, займодавец принимает решение о возврате суммы займа вместо приобретения доли в уставном капитале ООО, тогда процесс исполнения обязательства не попадает в зону нотариального контроля. Последнее связано с тем, что нотариальный контроль, проявляющийся через исполнение ДКЗ, направлен исключительно на ООО. При этом нотариус контролирует не само хозяйственное общество

²⁰ Ладыгина В. П. Наследование прав и обязанностей из договора конвертируемого займа // Нотариус. 2022. № 6. С. 31.

²¹ Кожокарь А. П. Нотариальный контроль за выходом участника из общества с ограниченной ответственностью: проблемы правового регулирования и реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 2 (68). С. 215–233.

²² См. об этом: Кузнецов Н. А., Ястребов Д. В. Системная характеристика функций нотариата: проблемные ситуации нотариальной теории и практики // Нотариус. 2022. № 8. С. 3–7; 2024. № 1. С. 8–13; Назарова Л. А. Проблема формирования отрасли нотариального права и актуальные тенденции развития законодательства Российской Федерации о нотариате // Нотариус. 2023. № 4. С. 9–14; Михайлова Е. В. Нотариальные действия как средство защиты прав государства // Нотариус. 2023. № 2. С. 9–13.

²³ См., например: Михайлова Е. В. Цифровизация правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов (в деятельности суда и нотариата) // Нотариус. 2022. № 7. С. 35–39; Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект / З. Б. Хавжокова, З. А. Зумакулова, И. Б. Карамурзова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2022. № 168. С. 7–11; Ярков В. В. Тенденции развития латинского нотариата на нашей планете: цифровизация в условиях соревнования правовых систем // Нотариус. 2020. № 3. С. 3–7.

как таковое, поскольку в этом нет практического смысла, а процесс исполнения им обязательства, возникшего из ДКЗ и связанного с увеличением уставного капитала ООО. В силу обозначенных обстоятельств глава XX.5 Основ законодательства о нотариате, содержание которой исчерпывается единственной статьей, открывается с правила, регламентирующего порядок действий нотариуса, получившего либо требование займодавца об увеличении уставного капитала ООО, либо документ, выражающий совместное волеизъявление заемщика и займодавца об увеличении уставного капитала. Разумеется, требование или такой документ обусловлены исполнением обязательства, возникшего из ДКЗ. Нотариус, получивший требование займодавца либо документ, выражающий совместное волеизъявление, совершает ряд последовательных действий, способствующих надлежащему исполнению обязательства, основанного на ДКЗ, со стороны заемщика. Так, при получении требования займодавца об увеличении уставного капитала именно нотариус сообщает о выборе, сделанном займодавцем, заемщику – хозяйственному обществу. Для того чтобы обеспечить баланс интересов сторон соответствующей сделки и предупредить потенциальные корпоративные преграды на пути исполнения обязательства из ДКЗ, именно нотариус ходатайствует перед регистрирующим органом об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение ДКЗ.

Вероятно, предвидя возможные разногласия относительно наступления/ненаступления обстоятельств, при которых займодавец вправе совершить выбор одного из исполнений, обозначенных в ДКЗ, законодатель предусмотрел право заемщика извещать возражения относительно требования займодавца. Полагаем, что такие возражения актуальны только в том единственном случае, если займодавец намеренно или случайно проигнорировал условия ДКЗ относительно обстоятельств, с которыми он связывает право на осуществление конвертации. К примеру, вполне возможна ситуация несвоевременного предъявления соответствующего требования со стороны займодавца. Риск такой ситуации, на наш взгляд, минимален, если в качестве обстоятельств (условий), при наступлении которых займодавец вправе совершить выбор в пользу одного из двух или более исполнений, обозначенных в ДКЗ, будет определен конкретный срок. Однако совершенно иная ситуация складывается в том случае, если в качестве такого обстоятельства (условия) указан юридический факт, требующий установления. Например, стороны ДКЗ могут предусмотреть условие о том, что займодавец совершает выбор в пользу одного из двух или более исполнений, предусмотренных ДКЗ, в тот момент, когда размер чистой прибыли хозяйственного общества достигнет определенной суммы. Очевидно, что инвестор-займодавец может быть недостаточно осведомлен относительно подобных данных, являющихся по своей правовой сущности информацией ограниченного доступа. Поэтому при наступлении обстоятельств, которые стороны соответствующей сделки согласовали в качестве основания для конвертации, хозяйственное общество, действительно, может извещать возражения относительно требования займодавца. В таком случае нотариус уведомляет об этом займодавца. Очевидно, что нотариус, выполняя посредническую функцию на данном этапе исполнения соответствующего обязательства, не участвует при этом в разрешении самой конфликтной ситуации, если она возникает, поскольку

он контролирует не всю сделку, а только ту ее часть, которая связана с увеличением уставного капитала хозяйственного общества во исполнение ДКЗ. Кроме того, как совершенно верно подчеркивает М. Н. Илюшина, «нотариальная деятельность осуществляется как бесспорная правоприменительная деятельность, то есть при отсутствии спора, при согласии участников отношений, сопровождаемых нотариальной формой»²⁴.

Конечно, такое умозаключение демонстрирует довольно узкий подход к нотариальному контролю, поскольку, как мы указывали выше, в цивилистической доктрине наличествует и широкий подход, при котором последний понимается как нотариальное удостоверение любой гражданско-правовой сделки в целом. Однако, как нам кажется, нотариальный контроль, осуществляемый во исполнение ДКЗ, представляет собой процесс совершения нотариальных действий, направленных на надлежащее исполнение обязательства, основанного на ДКЗ, со стороны заемщика и сопровождающих регистрационные действия, необходимые для увеличения уставного капитала хозяйственного общества в случае, если займодавец совершил выбор в пользу конвертации займа в долю в уставном капитале ООО.

Библиографический список

Букшина С. В. Право ребенка на получение содержания от своих родителей: вопросы осуществления // Семейное и жилищное право. 2012. № 3. С. 11–13.

Доверительное управление наследственным имуществом: моногр. / А. В. Бегичев, Б. А. Булаевский, В. В. Долинская [и др.]. М.: Проспект, 2025.

Зайцева Т. И., Медведев И. Г. Нотариальная практика: ответы на вопросы. Вып. 3. М.: Инфотропик Медиа, 2010.

Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Конвертируемый заем через призму положений об альтернативных и факультативных обязательствах // Академический юридический журнал. 2019. № 4 (78). С. 22–27.

Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Развитие инструментов прямого финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671.

Илюшина М. Н. Договор конвертируемого займа как новый договорно-обязательственный механизм регулирования корпоративных отношений в обществах с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2022. № 3. С. 31–35. DOI: 10.18572/2070-2140-2022-3-31-35.

Илюшина М. Н. Конвертируемый заем: проблемы применения правил о заемных операциях в корпоративных отношениях // Банковское право. 2023. № 1. С. 19–26. DOI: 10.18572/1812-3945-2023-1-19-26.

Кожокарь А. П. Нотариальный контроль за выходом участника из общества с ограниченной ответственностью: проблемы правового регулирования и реализации

²⁴ *Илюшина М. Н.* Конвертируемый заем: проблемы применения правил о заемных операциях в корпоративных отношениях // Банковское право. 2023. № 1. С. 25.

// Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2 (68). С. 215–233. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-215-233.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Г. Е. Авилов, Б. П. Варнавский, В. В. Глянцев [и др.]; под ред. О. Н. Садикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт: Инфра-М: Норма, 1997.

Кузнецов Н. А., Ястребов Д. В. Системная характеристика функций нотариата: проблемные ситуации нотариальной теории и практики // Нотариус. 2022. № 8. С. 3–7; 2024. № 1. С. 8–13. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-8-3-7; 10.18572/1813-1204-2024-1-8-13.

Ладыгина В. П. Наследование прав и обязанностей из договора конвертируемого займа // Нотариус. 2022. № 6. С. 27–31. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-6-27-31.

Михайлова Е. В. Нотариальные действия как средство защиты прав государства // Нотариус. 2023. № 2. С. 9–13. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-9-13.

Михайлова Е. В. Цифровизация правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов (в деятельности суда и нотариата) // Нотариус. 2022. № 7. С. 35–39. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-7-35-39.

Мурадян Э. М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4. С. 23–28.

Назарова Л. А. Проблема формирования отрасли нотариального права и актуальные тенденции развития законодательства Российской Федерации о нотариате // Нотариус. 2023. № 4. С. 9–14. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-4-9-14.

Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / под ред. И. С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 1. С. 322–338.

Петровская Т. С., Петровская О. С. Пять схем по обходу нотариальной формы сделок с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и их многократные риски // Нотариус. 2015. № 3. С. 31–34.

Поваров Ю. С. Нотариальный порядок ведения списка участников общества с ограниченной ответственностью: содержательный и субъектный аспекты // Нотариус. 2017. № 4. С. 15–18.

Сазонова М. В. Интервью с Президентом Федеральной нотариальной палаты М. В. Сазоновой / беседу вели Н. Н. Тоцкий, А. А. Оводов // Юридический мир. 2009. № 7. С. 4–10.

Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Ред. 1.0] / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018.

Усачева Е. А. Определение состава общего имущества супругов, подлежащего разделу по соглашению: свобода усмотрения сторон и ее ограничения // Нотариус. 2016. № 6. С. 27–30.

Фроловский Н. Г. Особенности статистики договора конвертируемого займа в корпоративных обязательствах // Гражданское право. 2021. № 5. С. 28–30. DOI: 10.18572/2070-2140-2021-5-28-30.

Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект / З. Б. Хавжокова, З. А. Зумакулова, И. Б. Карамурзова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2022. № 168. С. 7–11. DOI: 10.14451/2.168.7.

Ярков В. В. Тенденции развития латинского нотариата на нашей планете: цифровизация в условиях соревнования правовых систем // Нотариус. 2020. № 3. С. 3–7. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-3-3-7.

Ex jure

Информация для цитирования

Ананьева А. А. Нотариальный контроль за сделками, заключаемыми хозяйственными обществами (на примере договора конвертируемого займа) // Ex jure. 2026. № 1. С. 38–48. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-38-48

Ananyeva A. A. Notarial Control over Transactions Concluded by Business Companies (Using the Example of a Convertible Loan Agreement). *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 38–48. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-38-48

Генезис правового регулирования семейных отношений

Д. А. Кокова

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса

Кабардино-Балкарский государственный университет
имени Х. М. Бербекова
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Аннотация: для любого государства важна стабильность семейных групп, именно в этом и состоит его публичный интерес при регулировании семейных отношений. Несмотря, однако, на устойчивость такого интереса, со временем и границы, и методы правового воздействия на семейные отношения существенно изменяются, что предопределяет необходимость комплексных научных разработок в этой области, учитывающих актуальные тенденции правового регулирования. В статье показана эволюция правового регулирования семейных отношений через призму дохристианского, раннехристианского, петровского, постпетровского, послереволюционного и современного этапов становления российской государственности. Сделан вывод о наличии имманентной связи между правовой политикой, актуальной для того или иного исторического этапа, и спецификой правового воздействия на семейные отношения. Автор утверждает, что с принятием Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года начался принципиально новый этап правового регулирования семейных отношений, базирующийся на обновленном представлении о семье: с 2014 года семья впервые стала позиционироваться в качестве института, находящегося в сфере публичных интересов российского государства. В этом же смысловом ключе была принята конституционная поправка 2020 года, привнесшая в Основной закон нашей страны некоторые семейно-правовые новеллы.

© Кокова Д. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: семейные отношения; семейные правоотношения; семейное законодательство; семья; брак; эволюция правового регулирования; семейно-правовая политика; частноправовой и публично-правовой интерес

Genesis of Legal Regulation of Family Relations

D. A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University
named after Kh. M. Berbekov
173, Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia

E-mail: d.kokowa@yandex.ru

Abstract: *every state is interested in the stability of family groups, which constitutes its public interest in regulating family relations. Despite the persistence of this interest, both the boundaries and methods of legal influence on family relations change significantly over time, which determines the relevance of modern, comprehensive scientific research on family legal relations that takes into account current trends in legal regulation. This article examines the evolution of the legal regulation of family relations through the prism of the pre-Christian, early Christian, Petrine, post-Petrine, post-revolutionary, and modern stages of the development of Russian statehood. It concludes that there is an inherent connection between the legal policies relevant to a given historical period and the specifics of legal influence on family relations. The author concludes that the approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation through 2025 ushered in a fundamentally new stage in the legal regulation of family relations, based on a renewed understanding of the family. Since 2014, the family has been positioned for the first time as an institution within the public interests of the Russian state. In the same spirit, the 2020 constitutional amendment was adopted, introducing several family law innovations into the Basic Law of our country.*

Keywords: *family relations; family legal relations; family legislation; family; marriage; evolution of legal regulation; family law policy; private and public law interest*

Современное состояние правового регулирования семейно-брачных отношений является результатом многовекового опыта, приобретенного в условиях поступательного развития российского общества, что, несомненно, доказывает научно-прикладную ценность историко-правовых изысканий.

На сегодняшний день генезис правового регулирования семейных отношений в достаточной мере изучен, что объясняет сформированность научного представления об этапах становления отечественного семейно-правового регулирования. Призная разработанность обозначенной темы, все же позволим себе сделать некоторые общие замечания на этот счет и затем рассмотрим ее с принципиально иной точки зре-

ния – через призму политико-правовой идеологии, существенно изменившей вектор последующего нормотворчества.

Семейные отношения в дохристианский и раннехристианский периоды. Для дохристианского этапа российской государственности характерно было примитивное социальное регулирование семейно-брачных отношений, и доминирующее положение среди социальных регуляторов занимал обычай (например, покупка-продажа или похищение невесты). Интересно, что обычаи у разных славянских племен отличались, и весьма значительно¹. При этом в языческой Древней Руси, еще не достигшей необходимого уровня цивилизации, регуляция семейно-брачных связей в строгом смысле вообще отсутствовала: существовавшая в этой сфере свобода допускала как моногамию, так и полигамию. Развитие семейно-брачных отношений в указанный период происходило главным образом под влиянием обычного права: обычаи сохранялись даже тогда, когда в действие были введены нормы права.

XI век стал отправной точкой формирования системы регулирования семейно-брачной сферы нормами церковного права. В условиях принятия христианства произошла рецепция византийского семейного законодательства, нормы которого получили объективацию в положениях Номоканона, который, в свою очередь, лег в основу Кормчей книги². Считается, что Кормчая книга стала первым источником церковно-семейного права. Именно в ней было дано определение брака, имевшее ярко выраженный церковно-нравственный оттенок.

Последующие источники древнерусского права, включая Русскую Правду, Псковскую судную грамоту 1467 года и Судебник 1497 года, только укрепили сложившийся подход к правовой регуляции семейно-брачной связи: признавался церковный брак; предусматривался низкий брачный возраст, традиционно дифференцированный для мужчин и женщин (15 и 12 лет соответственно); устанавливался императивный запрет на полигамные и межродственные браки; утверждалось главенствующее положение в семье мужа, его власть над женой; предусматривались исключительные случаи для расторжения брака по желанию сторон. Многие традиционные для современного семейного права институты либо еще не получили достаточного нормативного признания, либо развивались в русле церковных предписаний (например, алиментные правоотношения). Соборное уложение 1649 года зафиксировало статус детей, рожденных в браке, а также правовое положение родителей.

Семейные отношения в петровскую и постпетровскую эпохи. Существенная модернизация семейного законодательства происходит в период правления Петра I, когда нормативному регулированию были подвергнуты основополагающие виды семейных связей, включая брак. Последний стал рассматриваться как добровольный союз, вступление в который предполагало достижение определенного возраста³,

¹ См. об этом подробнее: *Труш Ж. С.* История развития института супружеской собственности в России // Современное право. 2012. № 12. С. 156–161.

² *Семенова О. П.* Развитие семейно-брачных отношений в Древнерусском государстве // История государства и права. 2006. № 11. С. 25–27.

³ В эпоху Петра I наблюдается существенное увеличение брачного возраста: 21 год для мужчин и 17 лет для женщин.

обязательное согласие родителей/военного начальства/хозяев, а также сдачу экзамена, установленного только для дворянского сословия. По мнению Т. В. Ярошенко, петровская эпоха способствовала европеизации всех сфер общественной жизни, включая семейную, и особенно этот тренд коснулся правового положения женщины в семье⁴. Артикул воинский, датируемый 1715 годом, обязал лицо, совершившее в отношении женщины прелюбодеяние, повлекшее ее беременность и рождение ребенка, содержать такую женщину и рожденного ею ребенка.

Свод законов Российской империи 1832 года внес некоторые коррективы в регулирование семейных связей. Так, изменился брачный возраст, по-прежнему дифференцированный по половому признаку (18 лет для мужчин, 16 – для женщин); расширился перечень оснований для расторжения брака; получил разработку институт недействительности брака; был дифференцирован правовой статус законнорожденных детей и детей, рожденных вне брака; произошла существенная трансформация положения женщины в семье – в отношении нее были запрещены физическое насилие и передача в монастырь; по-прежнему констатировалось нахождение жены на содержании мужа, даже если она располагала личными средствами⁵; укрепился институт алиментирования; был нормативно признан режим раздельной собственности имущества супругов⁶, что благоприятным образом сказалось на имущественном положении женщины в браке (при этом муж не приобретал никаких прав на личное имущество супруги⁷).

Буржуазно-демократические реформы 60–70-х годов XIX века стали предпосылкой качественного пересмотра действующей модели правового регулирования семейной сферы: на смену консервативно-феодальной системе, укрепившейся в нашей стране за долгие годы, пришла либерально-демократическая система, на тот момент уже получившая признание в европейских правовых порядках⁸. Несмотря, однако, на эти грандиозные планы, быстрая модернизация гражданского и семейного законодательства оказалась невозможной ввиду укоренившихся за многие века в сознании русского общества языческих и раннехристианских представлений о семье и браке, а также основанных на этих представлениях ценностных ориентаций. Именно по этой причине русская семья конца XIX века находилась в сложном переходном состоянии, одновременно сохраняя патриархальные ценности и начиная отказываться от них⁹.

⁴ Ярошенко Т. В. История развития имущественных отношений супругов в российском праве // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 24–27.

⁵ См.: Картавенко Т. Н. История регулирования имущественных отношений супругов в России // Нотариальный вестник. 2010. № 11. С. 3–11.

⁶ См.: Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права: Введение. Общая часть. Особая часть. Тула: Автограф, 2001. С. 568.

⁷ См.: Рейнке Н. Движение законодательства об имущественных правах замужней женщины // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 3. С. 69–70.

⁸ См.: Хабибуллина Ю. З. Исторические условия развития семейного права в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 44-3. С. 66.

⁹ Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. Т. 13, № 6–7. С. 359–360.

Например, продолжалась практика насильственного заключения брака¹⁰. То же наблюдалось и в имущественно-правовой сфере женщины: супруга была по-прежнему ограничена в сделкоспособности¹¹. В связи с этим Г. Ф. Шершеневич говорил о дуализме правового статуса супруги¹². Кроме того, в семейной сфере на данном историческом этапе отсутствовало унифицированное правовое регулирование¹³. По замечанию В. И. Синайского, взаимоотношения супругов оставались в центре внимания законодателя¹⁴. Во многом такое положение дел было следствием естественной невозможности тотального вмешательства в личные взаимоотношения супругов¹⁵. Бессмысленность нормативной регламентации нравственной стороны семейно-брачных связей отмечал Д. И. Азаревич¹⁶. Тех же научных взглядов придерживался К. П. Победоносцев¹⁷.

Семейные отношения в послереволюционный период. Послереволюционное семейное законодательство основывалось преимущественно на декретах советской власти¹⁸, которые получили в исследовательской литературе специальную оценку. Так, по мнению Г. М. Свердлова, принятие декретов ознаменовало начало принципиально нового этапа в развитии правового регулирования семейных отношений¹⁹. Указанными декретами были введены следующие правила: признание гражданского брака; придание единого статуса законнорожденным детям и детям, рожденным вне брака; констатация свободы расторжения брака через соответствующие публичные органы власти и т.д. Отказ от церковного брака в пользу брака гражданского был

¹⁰ См.: Жилыева А. А. К вопросу о правовом положении женщины в браке в дореволюционной России // История государства и права. 2014. № 11. С. 55–58.

¹¹ См.: Желдыбина Т. А., Лядашева-Ильичева М. Н. Личные и имущественные отношения супругов в России во второй половине XIX – начале XX века: историко-теоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 19.

¹² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М., 1911. С. 635.

¹³ См.: Веретенко В. А. Имущественные отношения супругов в российской дворянской семье (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 27. С. 147–151.

¹⁴ Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве (с приложением действующих законов, сенатской практики и указателя русской литературы). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. С. 3.

¹⁵ См.: Колинько А. Ю. Развитие семейного права в России в XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 17.

¹⁶ Азаревич Д. И. Семейные имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 4. С. 101.

¹⁷ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. 2-е изд., с переменаами и доп. СПб., 1875. С. 106.

¹⁸ О гражданском браке, о детях и о ведении книги актов состояния: Декрет Всерос. Центр. Исп. Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 18 дек. 1917 г. (документ утратил силу); О расторжении брака: Декрет Всерос. Центр. Исп. Комитета и Совета Народных Комиссаров от 19 дек. 1917 г. (документ утратил силу).

¹⁹ Свердлов Г. М. Развитие советского семейного права (Основные моменты) // Советское государство и право. 1947. № 10. С. 98–112.

связан с новой идеологической политикой, взявшей курс на борьбу с церковью²⁰. Однако принятие таких нововведений не отражало объективных тенденций, существовавших в семейной сфере: многие брачующиеся по-прежнему следовали вековым религиозным традициям, соблюдали обряды и не регистрировали брак в административном порядке. В то же время придание правового статуса только гражданскому браку негативно сказывалось на правовом статусе разведенной женщины, если ее расторгнутый брак был незарегистрированным.

Первым актом кодификации семейно-брачных отношений стал Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года²¹. Указанный документ признал ведение актов гражданского состояния исключительной прерогативой органов публичной власти, чем окончательно придал браку светский характер; зафиксировал материальные условия вступления в брак (брачный возраст, взаимное желание, здравый ум, отсутствие иного законного брака, отсутствие состояния родства); урегулировал институт недействительности брака (в том числе основания для признания его таковым, случаи его «санации», а также перечень лиц, имеющих право возбуждать соответствующее производство); предусмотрел специфику его прекращения (либо вследствие смерти супруга, либо вследствие развода); нормативно закрепил правовой статус супругов (их абсолютное право на свободное расторжение брака, раздельный режим совместной собственности и т.п.); установил единый правовой статус для детей, независимо от особенностей их происхождения; ввел инструмент лишения родительских прав; включил самостоятельный раздел про опекунское право; возложил так называемую «коллективную ответственность» на всех мужчин матери ребенка, если установить происхождение последнего не представляется возможным²². Выбор в пользу раздельного режима имущества супругов был обусловлен господствовавшей на данном этапе марксистско-ленинской идеологией, в числе основополагающих идей которой значилось равенство мужчины и женщины, недопущение отношений власти и подчинения между ними²³. В этот исторический период законодатель стремился к обеспечению интересов женщины с позиции придания ей имущественной независимости²⁴.

Следующим по дате принятия актом кодификации стал Кодекс законов РСФСР о браке, семье и опеке 1926 года²⁵. Указанный акт учел историко-политическую обстановку, в которой он разрабатывался, и ввел следующие новеллы: придал правовой статус фактическим брачным отношениям; изменил ранее признанный режим раз-

²⁰ См. об этом: *Свердлов Г. М.* Брак и развод / отв. ред. В. И. Серебровский. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 6.

²¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: принят Всерос. Центр. Исп. Комитетом 16 сент. 1918 г.

²² См. об этом: *Гидулянов П. В.* Брак, развод, отыскание отцовства и усыновление. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. С. 45.

²³ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39: Июнь – декабрь 1919. М.: Изд-во полит. лит., 1970. С. 199.

²⁴ *Ершова Н. М.* Имущественные правоотношения в семье. М.: Наука, 1979. С. 10–11.

²⁵ О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке: постановление Всерос. Центр. Исп. Комитета РСФСР от 19 нояб. 1926 г.

дельной собственности супругов на режим их совместной собственности; устранил ранее принятую дифференциацию в определении брачного возраста для мужчин и женщин и установил единый брачный возраст – 18 лет; предусмотрел институт усыновления; распространил институт алиментирования не только на родителей, детей и супругов, но и на иных членов семьи. Эти и некоторые иные изменения в правовом регулировании семейных правоотношений свидетельствуют о публичном интересе к укреплению семьи. К примеру, на достижение этой цели был направлен режим совместной собственности супругов, введенный взамен режима раздельной собственности. Кроме того, заметно расширился предмет семейно-правового регулирования за счет включения в него отношений по усыновлению.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г.²⁶, разработанное в духе усиления императивных начал, оказало дестабилизирующее воздействие на эту предметную сферу. Законодатель ввел запрет на осуществление аборт и расторжение брака по желанию одного из супругов, а кроме того, ужесточил уголовное наказание за неуплату алиментов.

Исторические события Великой Отечественной войны не могли не сказаться на политико-правовой сфере, поэтому, по замечанию некоторых исследователей частного права, изменения, коснувшиеся семейных отношений, носили вынужденный характер²⁷. Довольно остро встал вопрос об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей²⁸, а также вопрос об увеличении рождаемости и стабилизации демографической ситуации в стране. Первую проблему решали разными инструментами, в том числе устраивая осиротевших детей в семьи (это было весьма распространенной практикой). Обозначенные вопросы нашли отражение в Инструкции СНК РСФСР от 8 апреля 1943 г.²⁹

Анализ Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”», а также Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой

²⁶ О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление Центр. Исп. Комитета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июня 1936 г. № 65/1134.

²⁷ См.: *Ростова О. С.* Особенности государственно-правового регулирования семейных отношений и охраны прав ребенка в период Великой Отечественной войны // *История государства и права.* 2015. № 22. С. 31–35.

²⁸ См.: *Нечаева А. М.* История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 4. С. 3–8.

²⁹ Об утверждении Инструкции Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей: постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 апр. 1943 г. № 325.

в зарегистрированном браке», принятых в последние годы Великой Отечественной войны, наглядно демонстрирует изменение позиции законодателя по ряду семейно-правовых вопросов. В частности, произошел отказ от легализации фактических брачных отношений³⁰. Кроме того, законодатель вновь вернулся к дифференциации детей, рожденных в браке и вне его, поскольку в отношении последних запрещалось устанавливать отцовство. Эти дискриминационные правила были детерминированы стремлением советской власти придать семейно-брачным отношениям формально-юридический характер³¹. Однако такое объяснение для обозначенных новелл вряд ли можно признать достаточным. Оценивая эти новеллы, М. В. Антокольская охарактеризовала указ 1944 года как документ, «отбросивший наше законодательство на столетие назад»³². Вслед за ней А. М. Нечаева подчеркнула, что отменивший процедуру установления отцовства «волюнтаристский акт, нашедший дальнейшее отражение в Семейном кодексе, наложил отпечаток на судьбу целых поколений, рост числа социальных сирот, формирование безответственного родительства»³³. Усложнилась, кроме того, процедура расторжения брака. Вместе с тем дополнительную охрану получили материнство и детство, поскольку основным политико-правовым приоритетом в послевоенные годы стало обеспечение выживания советского общества³⁴. Эти и некоторые иные преобразования сферы семейных отношений получили и положительную оценку³⁵. Принятый в 1967 году Указ Президиума Верховного Совета СССР³⁶ закрепил вариативность в решении вопроса об уплате алиментов, зафиксировав ее добровольный и принудительный порядок.

Советское семейное законодательство исходило из восприятия брака как союза двух трудящихся, что отражало принципиально новый вектор семейно-правовой политики³⁷: признание самостоятельности женщины сопровождалось одновременным включением ее в массы трудящихся. Общность имущества, нажитого в браке, отражала взятый курс на строительство социалистического государства и позиционировалась как усиление доверительных начал в семейной сфере³⁸. Некоторые ярые сторонники коммунизма предлагали распространить режим общности имущества супругов и на имущество, нажитое до брака, что, по их мнению, укрепило бы инсти-

³⁰ См. об этом подробнее: *Панин В. С.* История развития института фактических брачных отношений в России // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 43–45.

³¹ См.: *Нижник Н. С., Биктасов О. К.* Законодательные основания государственной политики в сфере брачно-семейных отношений в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 59.

³² *Антокольская М. В.* Лекции по семейному праву: учеб. пособие. М.: Юристъ, 1995. С. 76.

³³ *Нечаева А. М.* Семейный кодекс Российской Федерации и его развитие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 211.

³⁴ См.: *Егорова Д. В.* Государственно-правовая политика в сфере охраны здоровья матерей в годы Великой Отечественной войны // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 110–113.

³⁵ См.: *Полянский П. Л.* Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 10, 11.

³⁶ Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей: указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. № 1722-VII (ред. от 14.10.1986).

³⁷ См.: *Курский Д. И.* Избранные статьи и речи. 2-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1958. С. 269–270.

³⁸ *Граве К. А.* Имущественные отношения супругов. М.: Госюриздат, 1960. С. 31–35.

тут советской семьи³⁹. В то же время степень влияния правовых норм на фактические брачные отношения явно переоценивалась⁴⁰: статистика по разводам по-прежнему демонстрировала рост случаев расторжения браков⁴¹.

Спустя два года после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. № 1722-VII состоялась третья по счету кодификация семейного законодательства, что было связано с унификацией всесоюзной системы нормативно-правового регулирования⁴². В Кодексе о браке и семье РСФСР, утвержденном Верховным Советом РСФСР 30 июля 1969 г., нашли отражение нормы, не утратившие своей актуальности и в условиях современности, а именно: необходимость государственной регистрации брака; допустимость расторжения брака как во внесудебном, так и в судебном порядке; равенство правового статуса детей, рожденных в зарегистрированном браке, и внебрачных; алиментные обязательства между родственниками первой и второй степени родства; устройство детей, которые остались без попечения родителей. Серия нормативно-правовых актов, принятых в конце XX века⁴³, коснулась института алиментирования в отношении несовершеннолетних детей; получил популяризацию внесудебный порядок возникновения и исполнения алиментных обязательств.

Начало 90-х годов прошлого века продемонстрировало неспособность действующей системы семейного законодательства справиться с накопившимися социальными проблемами, что стало предпосылкой для ее пересмотра⁴⁴. Точечные преобразования действующего семейного законодательства⁴⁵ хотя и сняли ряд проблем, но не были комплексными и не учитывали назревший социально-экономический кризис. Это потребовало коренного пересмотра подходов к правовому регулированию семейных отношений.

Оценивая исторические уроки, характерные для отечественного правопорядка и касающиеся сферы семейных отношений, О. А. Макеева обращает внимание на две

³⁹ См., например: *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. С. 62; *Орловский П. Е.* К вопросу о раздельном и общем имуществе супругов по советскому праву // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1966. № 6. С. 11.

⁴⁰ См.: *Синельников А. Б.* Перспективы изменения норм брачности и разводимости в Российской Федерации // Семья в России. 1997. № 2. С. 12–17.

⁴¹ См.: *Чефранова Е. А.* Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // История государства и права. 2006. № 11. С. 19–22.

⁴² Имеется в виду принятие Закона СССР от 27 июня 1968 г. № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье».

⁴³ См., например: О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей: указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 февр. 1985 г. № 1827-XI (документ утратил силу); О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 февр. 1985 г. (документ утратил силу); О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 нояб. 1986 г. № 4563-XI (документ утратил силу).

⁴⁴ См.: *Пергамент А. И.* Необходимые изменения в законодательство о браке и семье // Советская юстиция. 1990. № 8. С. 13–14.

⁴⁵ См., например: О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье РСФСР: Федер. закон от 22 дек. 1994 г. № 73-ФЗ: принят Гос. Думой 18 нояб. 1994 г. (документ утратил силу).

взаимосвязанные тенденции: невозможность подробной правовой регуляции в этой сфере при одновременной острой потребности в семейно-правовой регламентации как таковой⁴⁶. Кроме того, по справедливому замечанию О. А. Макеевой, на современном этапе развития российского законодательства есть некоторое представление о междисциплинарных связях семейного права без четкого понимания его места в отечественной правовой системе. Ряд недостатков в современном правовом регулировании семейных отношений связан с непродуманной социальной политикой.

Современный этап правового регулирования семейных отношений. Принятие Конституции Российской Федерации⁴⁷, а также проведение серии кодификаций, включая семейную⁴⁸, ознаменовали начало постсоветского этапа формирования семейно-брачного регулирования, который принято связывать с демократизацией публичного пространства и развитием рыночных отношений. Отмечая значимость этих ключевых законодательных решений, следует признать некорректность хронологизации семейного законодательства границами «1993 год – настоящее время». Такой вывод предопределен тем, что с 2014 года начинается принципиально новый этап правового регулирования семейно-брачных отношений, базирующийся на обновленном представлении о семье. В этот год была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁴⁹, действующая и ныне. Именно в этом стратегическом акте впервые была официально сформулирована и закреплена идея создания «атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни». Эта идея была озвучена через призму ее влияния на социально-экономическое благополучие российского общества. Включение «большой многопоколенной семьи» в число традиционных семейно-нравственных ценностей диктовалось как социально-экономическими соображениями, так и демографической повесткой, что предопределило соответствующую правовую политику⁵⁰, направленную на стимулирование рождаемости и рост числа многодетных семей.

⁴⁶ Макеева О. А. Регулирование семейных отношений в России: исторические уроки и современные проблемы // История государства и права. 2012. № 3. С. 12–14.

⁴⁷ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

⁴⁸ Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон РФ от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1985 г. (ред. от 23.11.2024).

⁴⁹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 авг. 2014 г. № 1618-р.

⁵⁰ См.: О мерах по социальной поддержке многодетных семей: указ Президента Рос. Федерации от 5 мая 1992 г. № 431 (ред. от 25.02.2003) (документ утратил силу); О мерах социальной поддержки многодетных семей: указ Президента Рос. Федерации от 23 янв. 2024 г. № 63; Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Рос. Федерации от 9 окт. 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014); О Концепции федеральной целевой программы «Дети России» на 2007–2010 годы: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 26 янв. 2007 г. № 79-р; О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2006 г.: одобрен Советом Федерации 27 дек. 2006 г. (ред. от 31.07.2025); О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражд-

Тем самым с 2014 года семья впервые стала позиционироваться в качестве института, находящегося в сфере публичных интересов Российского государства. Из этого следует вывод прежде всего о том, что концептуальные положения, рассматривающие семью с публично-правовых позиций, не имеют непосредственного отношения к регулированию частноправовых внутрисемейных правоотношений. Сама формулировка «укрепление семьи как основы государства», присутствующая и в Концепции, и в иных политико-правовых документах, указывает на публичный акцент в восприятии семьи.

Оценивая Концепцию в целом как акт стратегического планирования, важно обратить внимание на ее контентное наполнение. В ней дается полноценная легальная дефиниция государственной семейной политики, что следует признать фактором повышения ее значимости. Принятие Концепции детерминировано необходимостью решения социально-экономических и демографических задач. В Концепции сделан подробный обзор основных качественных и количественных характеристик, отражающих современное состояние российской семьи; указаны ее проблемы, связанные с публичным пространством и не связанные с ним; уделено внимание общественно значимым функциям семьи; перечислен ряд традиционных семейных ценностей; обозначены задачи в сфере государственной семейной политики и способы их решения.

Следующей важной вехой развития публично-правового представления о семье стала конституционная поправка 2020 года⁵¹. До принятия обозначенных новелл семейно-брачные отношения упоминались в Конституции РФ лишь в рамках статей 7, 38 и пункта «к» статьи 72. Эти базовые конституционные идеи были связаны с государственной поддержкой семьи, государственной защитой материнства, детства и семьи и отнесением семейного законодательства к сфере совместного ведения РФ и субъектов РФ. Однако в ходе конституционных преобразований 2020 года, кроме обозначенных принципов, в Основном законе нашей страны появились и новые: государственное обеспечение приоритета семейного воспитания (ст. 67.1); защита семьи как новая сфера совместной компетенции РФ и ее субъектов (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72); правительственное обеспечение государственной политики в области укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (п. «в» ч. 1 ст. 114). Следует поддержать О. Ю. Ильину в том, что «точку отсчета новейшего этапа истории отечественного законодательства следует соотносить с появлением в Конституции РФ ряда норм, декларирующих новые принципы правового регулирования отдельных сфер семейных отношений, а также явное усиление приоритета публичного интереса в организации взаимоотношений между членами семьи»⁵².

Анализируя часть 4 статьи 67.1 Конституции РФ, нетрудно заметить обновленный подход к устройству детей, оставшихся без попечения родителей: поскольку го-

данам, имеющим детей»: Федер. закон от 25 окт. 2007 г. № 233-ФЗ: принят Гос. Думой 5 окт. 2007 г.: одобрен Советом Федерации 17 окт. 2007 г. (ред. от 30.12.2008).

⁵¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ: одобрен Гос. Думой 11 марта 2020 г.

⁵² Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12. С. 11.

сударство берет на себя обязанности родителей по отношению к таким детям, постольку обозначенные отношения автоматически включаются в сферу публично-правового регулирования и в этом смысле перестают быть предметом собственно семейно-правового регулирования. Представители юридической доктрины оценили норму части 4 статьи 67.1 по-разному: рассматривая ее как программное положение, они отметили несоответствие данной нормы фактическому положению института детства в нашей стране⁵³.

При анализе статьи 72 Конституции РФ, а именно двух ее пунктов, прямо или косвенно посвященных семье, становится очевидной та же небезынтересная особенность: законодатель, вводя пункт «ж.1» наряду с пунктом «к», как бы намекает на то, что «защита семьи» и «семейное законодательство» принципиально разные сферы регулирования: если первое находится в публично-правовой сфере, то второе – сфера частноправовая. Наконец, новое полномочие Правительства РФ, связанное с проведением им государственной политики в области укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, свидетельствует опять-таки о публичном фокусе, в который попала семья как социальный институт. Наиболее отчетливо аксиологический компонент современной правовой политики прослеживается в нормах Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809⁵⁴.

Взяв за основу перечисленные и некоторые иные конституционные положения, А. М. Рабец сформулировала конституционные принципы семейного права РФ⁵⁵ по аналогии с тем, как то же самое в свое время осуществила И. А. Трофимец применительно к браку⁵⁶.

Сам по себе нравственный вектор конституционализма является трендом современной юридической доктрины и нередко именуется нормативным проявлением антропоцентризма⁵⁷. По этому поводу ученые-конституционалисты отмечают, что духовно-нравственная консолидация общества, нормативные предпосылки которой нашли отражение на уровне Основного закона нашей страны, детерминирована соображениями воспрепятствования неолиберальной деформации⁵⁸. Именно этими причинами объясняется избыточность ценностного акцента в Конституции Российской

⁵³ Кирюхин В. В. О формировании административно-правовых мер, направленных на противодействие деятельности в сети Интернет, побуждающей несовершеннолетних к суицидальному поведению // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 53–56.

⁵⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809.

⁵⁵ Рабец А. М. Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9–11.

⁵⁶ Трофимец И. А. Конституционные и отраслевые принципы института брака // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 23–26.

⁵⁷ См.: Пермиловский М. С. Конституционная аксиология прав человека: философия антропоцентризма в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 7–11.

⁵⁸ Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6.

Федерации⁵⁹ и даже обвинение последней в политическом популизме⁶⁰. По мнению П. А. Астафичева, новая ценностно-ориентационная модель фактически породила обязательную мировоззренческую систему, что в трудах ученого подвергается критике⁶¹. Кроме того, конституционные новеллы, касающиеся семьи, критикуют с точки зрения их структурной разорванности, поддерживая при этом С. А. Авакьяна⁶², давно предлагающего включить в текст Конституции отдельную главу, посвященную гражданскому обществу, структурным элементом которого обычно считается семья⁶³.

На наш взгляд, краткий экскурс в историю становления отечественной системы семейного законодательства продемонстрировал имманентную связь правовой политики, актуальной для того или иного исторического этапа, и специфики правового воздействия на семейно-брачные отношения. Так, в кризисные периоды, осложненные социально-экономическими трудностями, вооруженными конфликтами, другими негативными факторами, законодатель стремился к ужесточению этой предметной сферы. Причем характерно, что решение возникающих в обществе проблем в семейно-брачной сфере достигалось путем точечных изменений, носящих преимущественно императивный характер. Вместе с тем семейное законодательство в сравнении с иными отраслями сохраняло некоторую автономность, четко придерживалось частноправового вектора. Семья на протяжении всей эволюции отечественного законодательства, а также цивилистического учения об этом социальном институте рассматривалась исключительно как сфера реализации частных интересов. Правовое воздействие на этот институт происходило с позиции регуляции пределов и форм, в которых могут быть реализованы обозначенные интересы.

Библиографический список

Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Конституционное право России: избранные статьи. 2010–2016. Махачкала: Изд-во ДГУ; М.: Проспект, 2016. С. 63–66.

Азаревич Д. И. Семейные имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 4. С. 101–136.

Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-8-12-18.

⁵⁹ См. об этом подробнее: *Степанова А. А.* К вопросу о социальном государстве в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 23–26.

⁶⁰ См.: *Ескина Л. Б.* Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 11–15.

⁶¹ *Астафичев П. А.* Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18.

⁶² *Авакьян С. А.* Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Конституционное право России: избр. статьи. 2010–2016. Махачкала: Изд-во ДГУ; М.: Проспект, 2016. С. 63–66.

⁶³ См.: *Михеева Т. Н.* Ожидаемое и неожиданное: о некоторых конституционных изменениях 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 10–14.

Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-3-6.

Веретенко В. А. Имущественные отношения супругов в российской дворянской семье (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 27. С. 147–151.

Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972.

Гидулянов П. В. Брак, развод, отыскание отцовства и усыновление. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925.

Граве К. А. Имущественные отношения супругов. М.: Госюриздат, 1960.

Егорова Д. В. Государственно-правовая политика в сфере охраны здоровья матерей в годы Великой Отечественной войны // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 110–113.

Ершова Н. М. Имущественные правоотношения в семье: моногр. М.: Наука, 1979.

Ескина Л. Б. Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 11–15. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-2-11-15.

Желдыбина Т. А., Лядашева-Ильичева М. Н. Личные и имущественные отношения супругов в России во второй половине XIX – начале XX века: историко-теоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2 (91). С. 11–21; № 3 (92). С. 16–22.

Жилыева А. А. К вопросу о правовом положении женщины в браке в дореволюционной России // История государства и права. 2014. № 11. С. 55–58.

Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12. С. 10–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.010-022.

Картавенко Т. Н. История регулирования имущественных отношений супругов в России // Нотариальный вестник. 2010. № 11. С. 3–11.

Кирюхин В. В. О формировании административно-правовых мер, направленных на противодействие деятельности в сети Интернет, побуждающей несовершеннолетних к суицидальному поведению // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 53–56. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-6-53-56.

Колинько А. Ю. Развитие семейного права в России в XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

Курский Д. И. Избранные статьи и речи. 2-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1958.

Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. Т. 13, № 6–7. С. 358–414.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 39: Июнь – декабрь 1919. М.: Изд-во полит. лит., 1970.

Макеева О. А. Регулирование семейных отношений в России: исторические уроки и современные проблемы // История государства и права. 2012. № 3. С. 12–14.

Михеева Т. Н. Ожидаемое и неожиданное: о некоторых конституционных изменениях 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-2-10-14.

Нечаева А. М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8.

Нечаева А. М. Семейный кодекс Российской Федерации и его развитие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 209–216.

Нижник Н. С., Биктасов О. К. Законодательные основания государственной политики в сфере брачно-семейных отношений в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 56–61.

Орловский П. Е. К вопросу о раздельном и общем имуществе супругов по советскому праву // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1966. № 6. С. 3–11.

Панин В. С. История развития института фактических брачных отношений в России // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 43–45.

Пергамент А. И. Необходимые изменения в законодательство о браке и семье // Советская юстиция. 1990. № 8. С. 13–14.

Пермиловский М. С. Конституционная аксиология прав человека: философия антропоцентризма в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 7–11. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-3-7-11.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. 2-е изд., с переменами и доп. СПб., 1875.

Полянский П. Л. Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

Рабец А. М. Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9–11. DOI: 10.18572/1999-477X-2023-4-9-11.

Рейнке Н. Движение законодательства об имущественных правах замужней женщины // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 3. С. 39–72.

Ростова О. С. Особенности государственно-правового регулирования семейных отношений и охраны прав ребенка в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 22. С. 31–35.

Свердлов Г. М. Брак и развод / отв. ред. В. И. Серебровский. М.: Изд-во АН СССР, 1949.

Свердлов Г. М. Развитие советского семейного права (Основные моменты) // Советское государство и право. 1947. № 10. С. 98–112.

Семенова О. П. Развитие семейно-брачных отношений в Древнерусском государстве // История государства и права. 2006. № 11. С. 25–27.

Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве (с приложением действующих законов, сенатской практики и указателя русской литературы). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910.

Синельников А. Б. Перспективы изменения норм брачности и разводимости в Российской Федерации // Семья в России. 1997. № 2. С. 12–17.

Степанова А. А. К вопросу о социальном государстве в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-23-26.

Трофимец И. А. Конституционные и отраслевые принципы института брака // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 23–26.

Труш Ж. С. История развития института супружеской собственности в России // Современное право. 2012. № 12. С. 156–161.

Хабибуллина Ю. З. Исторические условия развития семейного права в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 44-3. С. 63–66. DOI: 10.18411/lj-11-2018-78.

Чефранова Е. А. Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // История государства и права. 2006. № 11. С. 19–22.

Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права: Введение. Общая часть. Особая часть. Тула: Автограф, 2001.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М., 1911.

Ярошенко Т. В. История развития имущественных отношений супругов в российском праве // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 24–27. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-5-24-27.

Ex jure

Информация для цитирования

Кокова Д. А. Генезис правового регулирования семейных отношений // Ex jure. 2026. № 1. С. 49–64. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-49-64

Kokova D. A. Genesis of Legal Regulation of Family Relations. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 49–64. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-49-64

Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B-сегмент)

А. А. Крыцула

Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права

Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234

E-mail: krytsulaa@mail.ru

Аннотация: *в условиях масштабной цифровой трансформации и стремительных экономических преобразований использование преимуществ технологического развития является настоящей необходимостью для выживания бизнеса на высококонкурентных технологизированных рынках. В статье показано значение платформизации отечественной экономики, в том числе внимание законодателя к этому процессу, которое прослеживается через принятые стратегические акты; проведена дифференциация цифровых платформ в сегменте B2B в зависимости от их роли в заключении и исполнении договоров; обозначена специфика платформенных решений B2B; уделено внимание цифровизации корпоративных отношений; описаны цифровые посредники, наличествующие в цифровой среде; затронуты такие аспекты исследуемой проблематики, как «цифровое предприятие» и профилизация предпринимательства в интернет-пространстве.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация; платформизация; предпринимательство; цифровое предприятие; цифровые платформы; платформенные решения; бизнес-аккаунт в социальной сети*

© Крыцула А. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Digital Platforms for Interaction of Professional Market Participants (B2B Segment)

A. A. Krytsula

North Caucasus Branch of the V. M. Lebedev Russian State
University of Justice
234, Krasnykh Partizan st., Moscow, 350020, Russia

E-mail: krytsulaa@mail.ru

Abstract: *in the context of large-scale digital transformation and rapid economic changes, leveraging the benefits of technological development is an urgent need for business survival in highly competitive technology-driven markets. The article shows the significance of platformization of the domestic economy, including the attention of the legislator to this process, traced through some strategic acts; the differentiation of digital platforms in the B2B segment depending on their role in the conclusion and execution of the contract is given; the specifics of B2B platform solutions are outlined; attention is paid to the digitalization of corporate relations; digital intermediaries present in the digital environment are described; such aspects of the studied problem as “digital enterprise” and the profiling of entrepreneurship in the Internet space are touched upon.*

Keywords: *digital transformation; platformization; entrepreneurship; digital enterprise; digital platforms; platform solutions; business account on a social network*

Аббревиатура B2B прочно вошла в терминологический аппарат предпринимательского и юридического сообщества для обозначения отношений, возникающих между субъектами предпринимательской деятельности. В Концепции технологического развития на период до 2030 года (далее по тексту также Концепция), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р, отмечается потребность в создании системы организационных форм (платформ), обеспечивающих активность объединений бизнеса и экспертных сообществ в целях развития технологических рынков. Кроме того, Концепция указывает на необходимость развития цифровых платформ и информационных сервисов для обеспечения сетевого взаимодействия субъектов технологического развития. Так, платформенные решения могут служить для укрепления позиций субъектов предпринимательской деятельности на рынке, в ряде же случаев платформы становятся основой деятельности в сети Интернет. Прежде всего это относится к тем видам бизнеса, осуществление которых невозможно в отсутствие взаимодействия онлайн и которые связаны с оборотом результатов интеллектуальной деятельности и цифровых объектов экономического оборота.

О цифровых платформах взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B-сегмент). К договорам B2B в цифровой среде относятся предоставление облачных сервисов, услуги хостинга, рекламные услуги в сети Интернет, осуществле-

ние продаж традиционных товаров и услуг коммерческого назначения¹, а также технологические платформы – системы электронного документооборота, платформы расчетов, логистики, бухгалтерского учета, платформенные решения для отслеживания исполнения договоров и т.д. Автоматизация и прозрачность процессов позволяют оптимизировать их в условиях количественного роста поставок и расчетов. Платформенные решения предлагают неожиданные и при этом эффективные способы разрешения производственных проблем. Так, частные платформенные решения в сфере сельского хозяйства могут быть использованы для контроля параметров сельскохозяйственных объектов (например, объема расходов воды, урожайности, маршрутов движения хозяйственной техники), автоматизации учета (например, графиков смен и обработки площадей)². Отраслевые платформы востребованы в сфере привлечения и развития кадров³.

В связи с этим представляется закономерным внимание государства к платформизации отраслей хозяйства. В частности, на необходимость внедрения платформенных решений указывается в актах стратегического планирования в области развития энергетики⁴ и промышленности⁵. В рамках интеграции отдельных систем Министерства сельского хозяйства планируется создание единой цифровой платформы для обеспечения прогнозирования показателей агропромышленных и рыбохозяйственных комплексов, субсидирования и сельскохозяйственного страхования⁶.

В литературе ставилась под вопрос потребность в выделении B2B-сегмента электронной коммерции для целей правового анализа⁷. Тем не менее представляется, что к подобным платформам должны применяться иные требования, чем к платформам C2C-, B2C- и B2G-сегментов. Повышенные требования к условиям гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности обусловлены целеполаганием на извлечение прибыли и, как следствие, предположением о наличии профессиональных знаний, повышающих понимание субъектами оборота материального содержания договора и участие в его создании. Платформенные решения могут быть использованы субъектами предпринимательской деятельности и внутри отдельной организации, и в рамках внешнего взаимодействия. Необходимо

¹ Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2014.

² Монахов С. В., Уколова Н. В. Цифровая трансформация трансфера технологий в сельском хозяйстве: создание и использование цифровых платформ // АПК: экономика, управление. 2022. № 6. С. 25–32.

³ Хворостяная А. С. Стратегирование суверенитета отечественных брендов легкой промышленности и индустрии моды // Экономическое возрождение России. 2023. № 1 (75). С. 156.

⁴ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 12 апр. 2025 г. № 908-р.

⁵ Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 17 янв. 2020 г. № 20-р (ред. от 21.10.2024).

⁶ Стратегическое направление в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 23 нояб. 2023 г. № 3309-р.

⁷ Савельев А. И. Указ. соч.

отметить, что в условиях вероятности антимонопольных злоупотреблений наиболее крупные участники бизнес-сообщества склоняются к созданию собственных сайтов – своего рода цифровой витрины, используемой для представления субъекта в тех или иных сферах (поиск клиентов, размещение вакансий и т.д.).

Дифференциация цифровых платформ в B2B-сегменте. Все случаи внешнего взаимодействия посредством использования платформы можно подразделить на виды в зависимости от ее роли в заключении и исполнении договора. Во-первых, заключение договора может опосредоваться платформой, однако его исполнение будет осуществляться в среде офлайн. Необходимо в данном случае отметить, что на большое количество субъектов гражданского оборота не распространяется действие норм о публичных закупках и, как следствие, в отношении них не действует специальный преддоговорный порядок. Однако использование потенциала цифровой среды позволяет упростить поиск контрагентов и внедрить практику частных закупочных процедур, чрезвычайно затрудненных в среде офлайн. Второй случай использования платформ – возникновение в среде офлайн правоотношений, которые будут развиваться в рамках платформ и информационных систем (например, в части оказания банковских услуг). Закономерно, что третьим случаем взаимодействия является использование платформенных решений, в полной мере опосредующих всю динамику правоотношения сторон (например, предоставление услуг хостинга). Третий сегмент расширяется постоянно, при этом наблюдается тенденция исчезновения аналоговых представительств субъектов предпринимательской деятельности. Примером может служить Т-Банк, чья работа с клиентами осуществляется исключительно посредством использования банковского приложения.

Специфика платформенных решений B2B. Необходимо отметить такую особенность использования платформенных решений B2B, как ограниченное количество пользователей по сравнению со сферой B2C. В сегменте B2B высока роль саморегулирования, существующие правовые конструкции позволяют обеспечить регулирование договорных отношений, возникающих в цифровой среде, но реализуемых в среде офлайн. При этом посредническая функция платформ в части поиска проявляется не так явно, что снижает роль цифрового представительства при заключении договоров по сравнению с остальными сферами. Кроме того, платформы B2B находятся под меньшим влиянием так называемых сетевых эффектов, поскольку объединяют меньшее количество участников и гораздо более закрыты для новых компаний⁸. С этим связана и узкая специализация платформ. Зачастую это означает, что платформы обслуживают небольшие целевые сегменты, а рынок становится довольно фрагментированным⁹. В связи с этим можно предположить, что потенциально сегмент цифровых платформ для целей обслуживания B2B является привлекательным для развития IT-индустрии.

Возрастает же роль платформ в тех случаях, когда договор и заключается, и исполняется в цифровой среде, в том числе посредством смарт-контрактов и технологии

⁸ Feike M., Rösch J. Nuanced but important: A literature-based comparison between B2B and B2C platforms // Decision Analytics Journal. 2024. Vol. 10. P. 2.

⁹ Ibid. P. 3–4.

блокчейн. Одним из положительных аспектов автоматизации на основе блокчейна является вывод посредника в виде менеджера из ряда процессов и больший доступ участников к управлению корпорацией¹⁰. Посредником становится сама платформа, и осуществление транзакции, ее безопасность и неизменность обеспечиваются платформенным решением. При этом необходимо отметить, что повсеместная автоматизация исполнения обязательств может не коррелировать с реально сложившимися правоотношениями применительно к тем договорам, заключение которых опосредуется платформой, но исполнение происходит в офлайн-среде. В данном случае имеют место нарушения отслеживаемости, причиной которых может быть человеческий фактор (например, невнесение информации на каком-либо из этапов поставки). Необходимо еще добавить, что не всегда такая оптимизация способна сократить издержки бизнеса и увеличить его доходы: любая корпоративная платформа потребует расходов на содержание.

Исполнение договорных обязательств также может быть затруднено техническими сбоями и помехами в работе платформы. Интересно отметить, как в данном случае выражение “code is law” проецируется на возникающие правоотношения. Мы не можем разграничить, вызваны ли возникшие затруднения нарушением условий договора или же просто техническим сбоем, осложняющим его выполнение. Поэтому наиболее существенной функцией для платформ B2B является функция технологическая.

О цифровизации корпоративных правоотношений. Особую роль в развитии B2B-сегмента играет цифровизация корпоративных отношений. Цифровизация корпоративного управления поднимает уровень доверия в корпоративной среде, обеспечивая информирование профессиональных участников рынка о финансово-экономическом положении и, как следствие, повышая открытость и инвестиционную привлекательность. Во многом такая трансформация касается автоматизации классических корпоративных процедур, например ведения реестра участников юридического лица, дистанционного голосования акционеров, дистанционного проведения общих собраний, распространения информации и деятельности юридического лица в предусмотренных законом случаях¹¹. Особое внимание к таким процедурам за последние годы было обусловлено пандемией COVID-19 и ограничительными мерами¹².

Активное использование участниками рынка возможностей цифровой среды вылилось в создание так называемых цифровых корпораций, которые являются не только ключевыми игроками на международных рынках, но и одновременно полем этой игры¹³. В качестве черт цифровых корпораций в литературе выделяют взаимо-

¹⁰ Санникова Л. В. Блокчейн в корпоративном управлении: проблемы и перспективы // Право и экономика. 2019. № 4. С. 27–36.

¹¹ Волос Е. П. Использование смарт-контракта в корпоративных отношениях // Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: моногр. / под ред. А. А. Волоса. М.: Проспект, 2021. С. 187–188.

¹² Обзор практики корпоративного управления в российских публичных обществах по итогам 2019 года. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31741/Review_corp_14122020.pdf.

¹³ Jiménez González A. Tech power: a critical approach to digital corporations // Teknokultura. Revista de Cultura Digital y Movimientos Sociales. 2020. Vol. 17, № 1. P. 81.

действие участников в цифровом пространстве, объединение вкладов для достижения общей цели и удостоверение прав участия в информационной системе¹⁴. Существует и более широкое понимание цифровой корпорации как новой организационной формы ведения бизнеса, которая в собственной деятельности опирается на новые бизнес-модели, включая цифровые технологические платформы¹⁵.

Вопрос о развитии корпоративного управления на основе цифровых технологий возник в связи с распространением криптовалют и токенов, что дает основания говорить о формировании полноценного цифрового рынка¹⁶. Стремлением к развитию российских юридических лиц с привлечением криптоактивов было продиктовано принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ¹⁷, в котором, в частности, дается определение цифровых финансовых активов (ЦФА): таковыми признаются «цифровые права, включающие в том числе возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг».

О цифровых посредниках. В качестве специальных субъектов оборота ЦФА были введены оператор информационной системы выпуска ЦФА и оператор информационной системы обмена ЦФА. Общеизвестно, что в ходе технологического развития наблюдается тенденция избавления от посредников¹⁸. Однако оператор информационной системы обмена ЦФА все же становится таким посредником – и в понимании техническом (поскольку обеспечивает заключение сделок с ЦФА путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок), и в понимании гражданско-правовом (поскольку может обеспечивать заключение сделок¹⁹ путем участия за свой счет в сделке с ЦФА в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц²⁰). И в этом качестве посредника он препятствует развитию цифровых финансовых активов, поскольку повышает транзакционные издержки участников

¹⁴ Олейник Е. В., Шевченко О. М. Понятие и правовое регулирование цифровой корпорации // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 36–41.

¹⁵ Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. № 4. С. 22–26.

¹⁶ Шевченко О. М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 11. С. 82.

¹⁷ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: принят Гос. Думой 22 июля 2020 г.: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. (ред. от 27.10.2025).

¹⁸ См., например: Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект / З. Б. Хавжокова, З. А. Зумакулова, И. Б. Карамурзова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2022. № 168. С. 7–11.

¹⁹ См., например: Орсаева А. В., Кокова Д. А. Правовое регулирование процедуры заключения сделок в Российской Федерации // Бизнес и общество. 2025. № 1 (45). URL: https://business-society.ru/2025/1-45/13_orsaeva.pdf.

²⁰ Подробнее об этом см.: Захаркина А. В. Правовой режим цифровых финансовых активов // Право и экономика. 2022. № 11. С. 26–33; Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта как новые инструменты эффективной реализации виртуальных хозяйственных связей субъектов МСП // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 6. С. 148–153.

отношений и влияет на саму природу отношений, фактически исключая господство участников над объектами прав²¹. При этом само наличие такого субъекта, обладающего одновременно функциями реестродержателя, может рассматриваться как излишнее, поскольку платформа сама способна фиксировать и сохранять информацию о транзакциях²². Можно предположить, что введение фигуры оператора обмена ЦФА обусловлено стремлением установить предварительный контроль вместо отслеживания транзакций уже после их осуществления в рамках ex post контроля. В таких условиях встает вопрос о поиске баланса между необходимостью обеспечения безопасности участников оборота, с одной стороны, и скоростью и простотой транзакций – с другой. Одновременно с этим можно наблюдать иную тенденцию развития рынка криптоактивов: многие участники рынка стремятся вести бизнес в странах с более мягким режимом регулирования²³, что возможно только в условиях открытого трансграничного интернет-пространства.

На оператора платформы накладываются дополнительные обязанности, обусловленные корпоративной природой регулируемого предмета. При этом термины «информационная система» и «электронная платформа» фактически используются как синонимы. Оператор же позиционируется в качестве отдельного самостоятельного субъекта, к которому предъявляется ряд требований в части организационно-правовой формы, состава исполнительных органов, самостоятельно утверждаемых правил и т.д. Право выпуска цифровых финансовых активов предоставлено только непубличным акционерным обществам (ст. 25 Федерального закона № 208-ФЗ²⁴); при этом внесение в устав общества дополнений о возможности выпуска акций в виде ЦФА не допускается (п. 7 ст. 12 Федерального закона № 208-ФЗ). Таким образом, для крупных корпораций, находящихся на рынке длительное время, возможность привлечения средств с помощью ЦФА отсутствует. Это делает затруднительной виртуализацию уже существующего крупного бизнеса. Как следствие, первоначальная цель законопроекта – создание правовых условий для привлечения российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов²⁵ – достигается лишь частично.

Возможно, именно узость сферы действия федерального закона о цифровых финансовых активах, а также большое количество требований обусловили ограниченность в настоящий момент процедуры выпуска ЦФА. Так, первый оператор выпуска цифровых финансовых активов – ООО «Атомайз» – появился только 3 февраля 2022 года, по состоянию на август 2025-го реестр операторов включает семнадцать

²¹ Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 83.

²² Там же. С. 85.

²³ Guseva Y. When the Means Undermine the End: The Leviathan of Securities Law and Enforcement in Digital-Asset Markets // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. 2022. Vol. 5, № 1. P. 13.

²⁴ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 1995 г. (ред. от 31.07.2025).

²⁵ Пояснительная записка к законопроекту № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.

наименований²⁶. Безотносительно действующего регулирования можно добавить, что эффективность систем корпоративного управления в целом связана с текущей сложностью инвестиционной цепочки²⁷. При этом исследователи отмечают, что по сравнению с процедурой эмиссии процедура выпуска ЦФА законодательно менее регламентирована, а основные акты регламентации – это правила информационной системы²⁸. Остается еще вопрос о том, возможно ли применение к ЦФА по аналогии норм законодательства о рынке ценных бумаг. Интересно в данном разрезе напомнить о практике США, которая склоняется к соблюдению положений о регистрации, содержащихся в законодательстве о ценных бумагах²⁹. Во многом это обусловлено необходимостью обеспечения доступности информации для инвесторов³⁰.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ предъявляет требования к операторам информационных систем, в рамках которых осуществляется выпуск и обмен цифровых финансовых активов. Одним из требований является включение операторов в реестр, который ведется Банком России (ст. 5, 10). В связи с этим отмечается, что процедура включения в реестр близка к лицензированию деятельности операторов информационных систем³¹.

Аналогичным образом в целях развития источников финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства на основе краудинвестирования³² был принят Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Спустя почти шесть лет после его принятия обширной судебной практики по вопросу не сформировалось. В свою очередь, в реестре операторов инвестиционных платформ по состоянию на 17 августа 2025 года, включающем сто шесть наименований, только две действующие ссылки на адрес сайта, который используется для предоставления доступа к инвестиционной платформе³³. Указанным федеральным законом также были закреплены правовой режим инвестиционной платформы как информационной системы и правовой статус оператора инвестиционной платформы. При этом, несмотря на многообразие видов краудфандинга³⁴, действующее правовое регулирование в большей степени

²⁶ Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, по состоянию на 17.12.2025. URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx.

²⁷ Волос Е. П. Указ. соч. С. 194.

²⁸ Лаптева А. М. Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 8. С. 95–108.

²⁹ Guseva Y. Op. cit. P. 11.

³⁰ Ibid.

³¹ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ. М.: 4 Принт, 2020.

³² Пояснительная записка к законопроекту № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7>.

³³ Реестр операторов инвестиционных платформ по состоянию на 17.08.2025 (действующие операторы инвестиционных платформ). URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_invest_platform_op.xlsx.

³⁴ Кузнецова О. А. Экономико-социальная природа и правовая форма краудфандинговых отношений // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 476.

направлено на финансирование коммерческих проектов и в меньшей – благотворительных³⁵.

О «цифровом предприятии». Зачастую вместо понятия «цифровая корпорация» в литературе используется аналог – термин «цифровое предприятие»³⁶. И хотя с гражданско-правовой точки зрения эти термины нельзя считать синонимами, но в контексте платформизации гражданско-правовых отношений они довольно близки. В доктрине высказано предположение, что понятие «цифровое предприятие» является более общим, поскольку предполагает способ ведения бизнеса³⁷.

Цифровая платформа фактически выступает объектом имущественных прав, ее же правообладатель – самостоятельным участником экономического оборота, чья деятельность основана на новых технологиях и работе самой платформы.

О профилизации предпринимательства в интернет-пространстве. Ранее мы упоминали, что инструментом позиционирования субъекта предпринимательской деятельности в цифровом пространстве может служить как его собственная платформа, так и аккаунт в рамках более крупной платформы – социальной сети или мессенджера. Профили в социальных сетях стали не только способом идентификации в межличностном взаимодействии, но и способом формирования репутации отдельных граждан или «витриной» для участников коммерческого оборота. Профессиональные участники гражданского оборота могут выполнять в рамках социальных сетей широкий набор важных торговых операций, таких как реклама, изучение рынка и продажи; для некоторых из них социальные сети становятся ключевым инструментом развития бизнеса. При этом рост присутствия в соцсетях конкретного участника бизнес-сообщества пропорционален росту правовых рисков, возникающих в связи с этим³⁸. Логично, что аккаунты в соцсетях стали объектом пристального внимания исследователей.

В российском законодательстве понятие аккаунта нормативно не закреплено, несмотря на наличие соответствующей законодательной инициативы. В свое время предлагались изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии с ними профиль, аккаунт или блог определялись бы как «персональная страница пользователя социальной сети, являющаяся представителем этого пользователя в ней, зарегистрированная в соответствии с правилами данной социальной сети, содержательное наполнение которой осуществляется пользователем добровольно»³⁹. Указание на добровольность наполнения нам представляется излишним (если под добро-

³⁵ Кашкин С. Ю., Алтухов А. В., Пожилова Н. А. Платформенное право как инструмент инновационных инвестиционных платформ (краудфандинг) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 1 (77). С. 166.

³⁶ Карцхия А. А. Указ. соч.

³⁷ Олейник Е. В., Шевченко О. М. Указ. соч.

³⁸ Hidy K. M. Business Disputes Over Social Media Accounts: Legal Rights, Judicial Rationales, and the Resultant Business Risks // Columbia Business Law Review. 2018. Vol. 2. P. 486.

³⁹ Законопроект № 883844-6 «О внесении изменений в статьи 2 и 10-2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/883844-6>.

вольностью не предполагалась самостоятельность определения содержания персональной страницы в социальной сети). Стоит также упомянуть Закон Республики Казахстан, где дано понятие аккаунта как персональной страницы пользователя онлайн-платформы, которая создается после регистрации на онлайн-платформе⁴⁰.

Бизнес-аккаунт мы могли бы определить как вид аккаунта, созданного с целью ведения предпринимательской деятельности. К бизнес-аккаунтам не всегда можно применить формально закрепленные требования, поскольку зачастую они используются для формирования так называемого личного бренда. Последний может формироваться целенаправленно, по определенно выстроенному контент-плану и согласно определенной бизнес-модели. Однако существуют и обратные ситуации, когда при использовании социальных сетей в качестве личного увлечения аккаунт стихийно приобретает популярность и становится востребованным у рекламодателей. Перед законодателем и правоприменителем в таком случае стоит задача по отграничению момента использования аккаунта для личных целей от использования его для извлечения прибыли.

Ранее мы отметили такое явление, как монетизация аккаунтов физических лиц, изначально имевших целью общение. Однако аккаунты профессиональных участников рынка создаются с целью маркетингового продвижения на нем. В судебной практике нет единой позиции относительно правового режима, применимого к бизнес-аккаунтам. Сложность квалификации какого-либо единственного правового режима в данном случае обусловлена множеством функций, которые эти аккаунты выполняют: они дают возможность коммуницировать в сети Интернет, являются способом идентификации, служат инструментом выстраивания личного бренда. В этих условиях вопрос правовой природы бизнес-аккаунта неизбежно вызывает широкое обсуждение в литературе. Е. Е. Кирсанова, в частности, предлагает квалифицировать аккаунт как «квазиимущество» и рассматривать его как объект гражданских прав⁴¹. Ю. С. Харитоновна считает допустимым применение к аккаунтам в социальных сетях правового режима предприятия; ею же отмечена невозможность отнесения аккаунта к недвижимому имуществу⁴². Нам представляется, что потребность в подобной квалификации действительно существует в практической деятельности. Так, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа пришел к выводу о невозможности квалификации норм о купле-продаже предприятия как заключенного сторонами договора «о купле-продаже готового бизнеса», который, помимо оборудования и имущественных прав, включает аккаунты в соцсетях «Инстаграм»* и «ВКонтакте», электронную почту, логин для доступа и редактирования сайта, логин и пароль 2GIS, поскольку названные объекты не являются недвижимостью⁴³. Е. С. Гринь, указав на возможность рассмотрения аккаунтов «с точки зрения авторско-правовой охраны», отмечает, что

⁴⁰ Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе: Закон Респ. Казахстан от 10 июля 2023 г. № 18-VIII ЗРК.

⁴¹ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: моногр. М.: Юстицинформ, 2022.

⁴² Харитоновна Ю. С. Правовой режим аккаунта в социальной сети // Закон. 2023. № 3. С. 98–101.

* Признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

⁴³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 июля 2024 г. № Ф04-7579/2023 по делу № А67-4266/2023.

определение творческого характера труда будет осуществляться в каждом конкретном случае в зависимости от наполнения и оформления страницы⁴⁴. При этом аккаунты, по мнению исследователя, можно рассматривать или как мультимедийные продукты⁴⁵, или как интернет-сайты⁴⁶. Несмотря на отсутствие устоявшейся позиции относительно правового режима аккаунтов, важно подчеркнуть, что пользование аккаунтом должно происходить с соблюдением личных прав граждан.

Как следствие, сам доступ к бизнес-аккаунту может нести правовой риск для предпринимателей. Кэтлин МакГарви Хиди рассматривает случаи споров в судебной практике США, касающихся права контролировать и извлекать выгоду из использования аккаунта в соцсетях. Зачастую это споры с подрядчиками и иными контрагентами, а также с бывшими работниками, которые вели аккаунты компании⁴⁷. Закономерно, что при разрешении вопроса о принадлежности следует определить, является ли аккаунт личным или же возник как средство продвижения предприятия на рынке. В судебной практике обозначено, что риск отнесения аккаунта в соцсетях к имуществу работника снижается, если: 1) аккаунт имеет такое же название, как и компания; 2) аккаунт связан с бизнес-страницей или веб-сайтом; 3) посты на аккаунте связаны с коммерческой деятельностью и рекламными кампаниями; 4) в описании аккаунта сформулирована бизнес-цель аккаунта; 5) доступ к аккаунту есть у нескольких лиц в рамках компании⁴⁸.

Таким образом, мы можем утверждать, что повсеместная платформизация бизнес-сообщества наблюдается в различных аспектах – от использования предпринимательским сообществом услуг хостинга и рекламных услуг в сети Интернет до отслеживания хозяйственных операций. Платформы B2B отличаются высоким уровнем саморегулирования участниками сообщества, ограниченным количеством пользователей по сравнению с сегментом B2C, меньшим влиянием сетевых эффектов на работу платформ, их узкой специализацией. Особую роль в развитии сегмента B2B играет цифровизация корпоративных отношений. Так, значимым субъектом экономических отношений стали цифровые корпорации, которые можно понимать и в широком смысле (как новые организационные формы бизнеса, ведущие свою деятельность на основе технологических платформ), и в узком (как объединения вкладов для достижения общей цели в условиях удостоверения прав участия в информационной системе). К примеру, для развития цифрового оборота были закреплены цифровые финансовые активы, удостоверяющие в том числе корпоративные права. Особым статусом были наделены операторы информационных систем выпуска и обмена ЦФА. Последний позиционируется как посредник и в гражданско-правовом, и в техническом разрезе, при этом не всегда сам факт позиционирования такого посредника воспринимается как настоятельная необходимость в условиях возможностей систем по закреплению данных о транзакциях. Особенностью участия субъектов оборота

⁴⁴ Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2. С. 130.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 131.

⁴⁷ Hidy K. M. Op. cit. P. 433.

⁴⁸ Ibid. P. 487–488.

в цифровой деятельности является использование такого инструмента, как аккаунт, в отношении которого существует необходимость отграничения частных аккаунтов от аккаунтов предпринимательских при наличии рисков выбытия аккаунта из ведения его субъектом предпринимательской деятельности.

Библиографический список

Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: моногр. / под общ. ред. А. А. Волоса. М.: Проспект, 2021.

Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2. С. 128–134. DOI: 10.17803/1994.1471.2022.135.2.128-134.

Захаркина А. В. Правовой режим цифровых финансовых активов // Право и экономика. 2022. № 11 (417). С. 26–33.

Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта как новые инструменты эффективной реализации виртуальных хозяйственных связей субъектов МСП // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 6. С. 148–153.

Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. № 4. С. 22–26. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-22-26.

Кашкин С. Ю., Алтухов А. В., Пожилова Н. А. Платформенное право как инструмент инновационных инвестиционных платформ (краудфандинг) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 1 (77). С. 155–164. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.77.1.155-164.

Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: моногр. М.: Юстицинформ, 2022.

Кузнецова О. А. Экономико-социальная природа и правовая форма краудфандинговых отношений // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 473–483.

Лаптева А. М. Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 8. С. 95–108. DOI: 10.61205/jrp.2023.094.

Монахов С. В., Уколова Н. В. Цифровая трансформация трансфера технологий в сельском хозяйстве: создание и использование цифровых платформ // АПК: экономика, управление. 2022. № 6. С. 25–32. DOI: 10.33305/226-23.

Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 75–91.

Олейник Е. В., Шевченко О. М. Понятие и правовое регулирование цифровой корпорации // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 36–41. DOI: 10.18572/1999-4788-2023-2-36-41.

Орсаева А. В., Кокова Д. А. Правовое регулирование процедуры заключения сделок в Российской Федерации // Бизнес и общество. 2025. № 1 (45). URL: https://business-society.ru/2025/1-45/13_orsaeva.pdf.

Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2014. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.

Санникова Л. В. Блокчейн в корпоративном управлении: проблемы и перспективы // Право и экономика. 2019. № 4 (374). С. 27–36.

Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: моногр. М.: 4 Принт, 2020.

Харитонов Ю. С. Правовой режим аккаунта в социальной сети // Закон. 2023. № 3. С. 98–101.

Хворостяная А. С. Стратегирование суверенитета отечественных брендов легкой промышленности и индустрии моды // Экономическое возрождение России. 2023. № 1 (75). С. 149–162. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-149-162.

Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект / З. Б. Хавжокова, З. А. Зумакулова, И. Б. Карамурзова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2022. № 168. С. 7–11. DOI: 10.14451/2.168.7.

Шевченко О. М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 11 (144). С. 76–86. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.076-086.

Feike M., Rösch J. Nuanced but important: A literature-based comparison between B2B and B2C platforms // Decision Analytics Journal. 2024. Vol. 10. 11 p. DOI: 10.1016/j.dajour.2023.100383.

Guseva Y. When the Means Undermine the End: The Leviathan of Securities Law and Enforcement in Digital-Asset // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. 2022. Vol. 5, № 1. Pp. 1–61.

Hidy K. M. Business Disputes Over Social Media Accounts: Legal Rights, Judicial Rationales, and the Resultant Business Risks // Columbia Business Law Review. 2018. Vol. 2. Pp. 426–494. DOI: 10.7916/cblr.v2018i2.1699.

Jiménez González A. Tech power: a critical approach to digital corporations // Teknokultura. Revista de Cultura Digital y Movimientos Sociales. 2020. Vol. 17, № 1. Pp. 77–85. DOI: 10.5209/tekn.66931.

Информация для цитирования

Ex jure

Крыцула А. А. Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B-сегмент) // Ex jure. 2026. № 1. С. 65–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-65-77

Krytsula A. A. Digital Platforms for Interaction of Professional Market Participants (B2B Segment). Ex jure. 2026. № 1. Pp. 65–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-65-77

О понятии «функция права» и функционализме как методологической основе изучения гражданского права

А. В. Сятчихин

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: doka065@gmail.com

Аннотация: функциональный подход, изначально разработанный социологами, в настоящей статье рассматривается применительно к исследованию права в целом и права гражданского в частности как одного из элементов общественного бытия. Внимание читателя обращается на различия в понимании функции в точных и социальных науках. Автор приходит к выводу, что применение функционального подхода к изучению гражданского права, с одной стороны, позволяет отойти от эмпирического познания права, с другой стороны, дает возможность вывести исследование гражданского права на общеправовой уровень познания, построенный на началах диалектики. Такой подход углубляет теоретическое осмысление гражданского права и составляющих его правовых институтов и вместе с тем сохраняет практическое значение исследования гражданского права с позиций функционализма – привычная парадигма исследования смещается с вопроса «почему?» на вопрос «зачем?».

Ключевые слова: функция; функционализм; функциональный подход; функция права; функция гражданского права; методы изучения гражданского права

© Сятчихин А. В., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

On the Concept of "Function of Law" and Functionalism as a Methodological Basis for the Study of Civil Law

A. V. Syatchikhin

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: doka065@gmail.com

Abstract: *the article analyzes the functional approach, originally developed in sociology, to the study of law in general and civil law in particular, as one of the elements of social existence. The reader's attention is drawn to the differences in the understanding of function in exact and social sciences. The author concludes that applying the functional approach to the study of civil law, on the one hand, allows for a move away from empirical knowledge of law, and on the other hand, makes it possible to elevate the study of civil law to a higher, general philosophical level of knowledge, built on dialectical principles. With such an approach, not only is the theoretical understanding of civil law and its constituent legal institutions strengthened, but the practical significance of studying civil law from a functionalist perspective is also not lost. Law, its individual branch, or institution, is thus studied not from the perspective of the question "Why?", but from the perspective of the question "What for?".*

Keywords: *function; functionalism; functional approach; function of law; function of civil law; methods of studying civil law*

Последовательное формирование содержания философской категории «функция» исторически предопределялось развитием гносеологии и во многом самого естествознания, базирующегося на конкретно-научных знаниях. Так, в биологии под функцией понимается специфическая деятельность организма или отдельного органа, ткани (функция легких, стопы и т.п.); в математике – зависимая переменная величина, меняющаяся по мере изменения аргумента (другой величины)¹; в кибернетике – направленное действие какой-либо системы. Все это заранее определило многозначность понятия, но существенно другое: функция всегда характеризует динамические структуры, то есть отражает действие, развитие изучаемого объекта. Поэтому философская категория «функция» занимает важное место в диалектике как в учении о всеобщих связях, о наиболее общих законах изменений и развития в природе, обществе и мышлении.

¹ В частности, американский математик и логик Алан (Алонзо) Чёрч называет функцией операцию, которая, будучи применена к аргументу, дает некоторую вещь в качестве значения функции для данного аргумента. См.: Чёрч А. Введение в математическую логику / пер. с англ. В. С. Черняевского; под ред. и с предисл. В. А. Успенского. М.: Иностр. лит., 1960. С. 24.

Общепотребительное значение функции отражено в толковом словаре С. Ожегова: обязанность, круг деятельности, работа, роль и значение чего-либо². При этом «функционирование» определяется через пребывание в действии. Таким образом, обыденное понимание функции тоже учитывает ее диалектическое начало. В. И. Кременский и М. Ф. Веденов с отсылкой к латинскому *functio* определяют функцию как специфическое проявление того или иного объекта³. В свою очередь Д. М. Трошев уточняет, что функция есть внутренние и внешние связи одной системы, обеспечивающие ее относительную устойчивость и взаимодействие с другими системами⁴.

Нетрудно заметить, что современные исследования, в том числе в области социальных наук, во многом основываются на изучении функциональных зависимостей. Последние позволяют прогнозировать результаты взаимодействия объектов исследования в краткосрочной (при наличии относительно устойчивых связей) и среднесрочной (при наличии устойчивых связей) перспективе.

Следует отметить и то, что функция и функционализм (функциональный подход) не являются тождественными понятиями. «...Только постигнутый в понятиях мир как таковой, – утверждает К. Маркс, описывая метод политэкономии, – есть действительный мир. Движение категорий выступает как действительный... акт производства, результатом которого является мир... Конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания... переработка созерцания и представления в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого...»⁵ Экстраполируя данные рассуждения с «понятия» на «функцию», допустимо сделать вывод о том, что она вбирает в себя познавательный, мыслимый целостный образ исследуемого объекта. В этой связи мы в полной мере разделяем позицию многих специалистов по правовым наукам⁶, что функция есть «свечение сущности».

Итак, функция отражает сущность, между тем как функционализм являет собой метод познавательной деятельности, где исследователь отвлекается от конкретного носителя функций, «от их субстрата, чтобы изучить эти функции как таковые»⁷.

Использование функционального подхода в познании действительности мы можем обнаружить еще в Древней Греции, в частности у яркого представителя школы элеатов, законодателя Элеи – Парменида, в его учении «о едином»⁸. Не углубляясь в историю развития функционализма, считаем необходимым коротко остановиться на

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Акад. наук СССР, 1949. С. 2009–2010.

³ Веденов М. Ф., Кременский В. И. Соотношение структуры и функции в живой природе. М.: Знание, 1966. С. 12.

⁴ Трошев Д. М. Методологические проблемы современной науки. М.: Высш. школа, 1966. С. 71.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 38.

⁶ См., например: Бадоев М. Т. Демографическая функция права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 20; Лапина О. С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2011. С. 17–18; Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004. С. 177; Цикаришвили О. Г. Охранительная функция российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 35–36.

⁷ См.: Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1971. С. 171.

⁸ См. об этом подробнее: Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука «о природе». М.: Наука, 1979.

вопросе влияния функционализма на социальные науки. Особое место здесь занимает так называемый американский структурный функционализм, представители которого – Р. К. Мертон⁹, Т. Парсонс¹⁰, Н. Луман¹¹ – распространили функционализм как метод познания, пожалуй, на все разделы социологии. Нельзя обойти стороной и работы французского социолога Э. Дюркгейма, в которых тот сводил познание объекта исследования к изучению его свойств: по мнению ученого, функция объекта исследования есть ключ к раскрытию его содержания¹². Если же объектом исследования выступает общественное явление, то, как полагал польский социолог П. Штомпке, необходимо воспользоваться следующим правилом: «Если хочешь найти объяснение определенного общественного явления, ищи функцию, которую оно исполняет в более широком социальном либо культурном контексте»¹³. В этой связи британский социолог (также польского происхождения) Б. К. Малиновский утверждал, что культурные явления объясняются их функциями, то есть той ролью, какую они выполняют в определенной культуре (стране) на определенном этапе ее развития, и теми способами, которыми эти функции соотносятся друг с другом¹⁴. Наконец, заслуживает внимания позиция советского социолога А. Г. Здравомыслова, который, критически анализируя функциональный подход к изучению общественных явлений, заметил, что данный подход в любом случае представляет собой определенный момент диалектического мышления¹⁵.

Завершая экскурс в становление и развитие функционализма в социальных науках, нужно отметить, что его применение в качестве методологической основы для познания общественных явлений стало важной вехой развития социологии, вывело ее на более высокий (философский) уровень познания.

Наличие тесной связи между правом и социальными науками обычно не вызывает сомнений. Юриспруденцию либо считают отраслью общественных (гуманитарных) наук (соотношение целого и части)¹⁶, либо рассматривают эти две отрасли знаний как взаимосвязанные. Например, профессор права Ш. Лидер исследует пересечение правовой науки и науки социальной в контексте проблемы конкуренции

⁹ См.: Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ.; науч. ред. З. В. Каганова. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006; Он же. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С. 210–248.

¹⁰ См.: Парсонс Т. Социальная система / [пер. с англ.]. М.: Акад. проект, 2018.

¹¹ См.: Луман Н. Общество общества. Кн. I: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2011.

¹² См., например: Дюркгейм Э. Правила социологического метода / пер. с фр. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021.

¹³ Цит. по: Чернявский А. Г. Функциональный подход к сущности права // Образование и право. 2018. № 4. С. 75.

¹⁴ Malinowski B. A Scientific Theory of Culture and other Essays. N.Y.: Oxford University Press, 1960. Рр. 116–117. Однако Б. К. Малиновский полагает, что понятие функции носит в первую очередь описательный характер.

¹⁵ Здравомыслов А. Г. Функционализм и его критика // Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. 1968. № 6. С. 163.

¹⁶ Юридическая наука // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/iuridicheskaja-nauka-2a9cac>.

(противоречий) моральных ценностей общественных групп, поиска их баланса. Ученый ставит вопросы о соотношении профессиональной деятельности юристов и общественной науки, задача которой описать и объяснить характер права. Деятельность же юристов связана с ежедневным разрешением конфликтов конкурирующих в обществе моральных ценностей, и она, в свою очередь, формирует социологическое восприятие права¹⁷.

Соответственно, те наработки функционального подхода к изучению социальных наук, которые сформировались за последние пять-семь десятилетий, применимы, с нашей точки зрения, и к изучению правовой науки, ее отдельных отраслей и институтов. В частности, при исследовании функций договора в торговом обороте Е. В. Коломенская указывает: «Выдвинутые видными представителями американской школы социологической мысли Г. Спенсером и Р. Мертоном – родоначальниками структурно-функционального анализа постулаты структурно-функционального анализа можно считать справедливыми и при исследовании функций правовых объектов. Так, разработанные и выведенные названными учеными постулаты без потерь можно интерпретировать и применительно к правовым объектам, в частности к договору»¹⁸.

Полагаем, что обозначенная выше тесная связь правовой науки с социальными определила не только возможность, но и результативность применения функционального анализа для познания права и его отдельных отраслей, институтов и норм. Поскольку функция обозначает направленное действие чего-либо, отражает наиболее общие внутренние и внешние связи, глубинные системные закономерности, всегда характеризует динамические структуры и явления, связывает часть с целым, проецирует свойства изучаемого явления, предоставляет исследователю возможность прогнозировать результаты реализации функции в конкретных условиях, постольку применение функционального подхода к изучению функции права (отрасли права как части его системы) позволит, с одной стороны, получить ключ к раскрытию содержания права на строго диалектических началах, с другой – взглянуть на отдельную функцию отрасли права как на инструментальный предельно общего конструирования общественных отношений для достижения заданной цели, а законодателя воспринять как «правового архитектора», формулирующего данную цель.

В этой связи заслуживает поддержки позиция Е. В. Коломенской, согласно которой «разработанная социологами теория функционального анализа удачно формулируется для правовых объектов и применяется при их исследовании, а также обладает при этом целым рядом привлекательных свойств: это и тесная связь с “реальностью”, которая ни при каких обстоятельствах не должна уходить из поля зрения исследователя, оставаясь “живой”; это и возможность сохранить теоретическую “научность”, исключая при этом неизбежный метафизический и мировоззренческий груз общего социально-философского учения; это и смысловая и понятийная наглядность, демонстрирующая инструментальность, убедительность в глазах исследователей неправового профиля»¹⁹.

¹⁷ *Leader Sh. Legal Science, Social Science, and the Problem of Competing Values // Droit et Societe. 2010. № 75. Pp. 363–378.*

¹⁸ *Коломенская Е. В. Функции договора в торговом обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 24.*

¹⁹ *Коломенская Е. В. Указ. соч. С. 26–27.*

Не являясь юридическим, понятие функции «применительно к любой системе дает нам описание, характеристику именно направления должного воздействия, и в этом плане функцию права следует отличать от фактического воздействия, которое на практике может отклоняться»²⁰. При этом не стоит «отклоняться» и от исходно необходимого определения самого понятия «функция права». Как верно отмечал советский философ Б. М. Кедров, начальным пунктом исследования важно установить «именно формальную дефиницию», что позволит определить рамки, в которых исследователь может затем углубиться в сущность объекта исследования и которых ему следует придерживаться во избежание логических ошибок²¹.

В правовой науке термин «функция» появился в начале XX века и применялся для обозначения социальной роли государства и порожденного им права²². Со временем его значение расширялось, что привело к сформулированной еще три десятилетия назад Т. Н. Радько и В. А. Толстиком проблеме: «...до настоящего времени нет единого взгляда на понятие функции права, что в известной мере отрицательно сказывается на их исследованиях, так как отсутствие четкого научного понятия всегда усложняет познание исследуемого объекта»²³. В более поздней работе Т. Н. Радько отмечает, что данная проблема не разрешена и по сей день²⁴. В своем диссертационном исследовании 2011 года О. С. Лапшина указывает, что в отечественном праве, несмотря на активное исследование понятия «функция права», на сегодня «можно констатировать отсутствие единого взгляда на эту проблему»²⁵.

Сложилась и другая, описанная Е. В. Коломенской, ситуация – когда под общим названием «функционализм» стали объединять разнородные или в разной степени связанные концепции. Все это привело к тому, что сегодня «многие предпочитают говорить о расплывчатом функционалистском движении, ориентации и т.п.»²⁶.

Несмотря на эти обстоятельства, стоит согласиться с мнением М. Т. Бадоева о не случайном, а необходимом появлении понятия «функция» в праве: «Необходимость его возникновения обусловлена тем обстоятельством, что развитие общей теории права, а также отдельных отраслей юридической науки раскрывает новые стороны, связи и отношения между общественными отношениями и правом, которые уже не могут быть объяснены существующими в юридической науке понятиями»²⁷.

Дискуссия о случайности или необходимости появления понятия «функция» в праве заставляет с сомнением отнестись к позиции В. К. Бабаева, В. М. Баранова и В. И. Гойман, полагающих, что функция права означает «основные направления юридического воздействия на общественные отношения, определяемые сущностью и со-

²⁰ Лапшина О. С. Указ. соч. С. 21.

²¹ Кедров Б. М. Оперирование научными понятиями в диалектической и формальной логике // Диалектика и логика. Формы мышления. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 48.

²² Впрочем, во многих случаях таковым содержанием оно наполняется и сейчас. См., например: Бессолицын А. Г. Цели и функции юридических мер защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 38.

²³ Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права: моногр. Н. Новгород: Нижегород. высш. школа МВД РФ, 1995. С. 19.

²⁴ Радько Т. Н. Понятие и признаки функций права // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3. С. 22.

²⁵ Лапшина О. С. Указ. соч. С. 14.

²⁶ Коломенская Е. В. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Бадоев М. Т. Указ. соч. С. 14.

циальным назначением права в жизни общества»²⁸. Здесь следует согласиться с категорическим утверждением Т. Н. Радько об излишнем указании в данном случае на основное воздействие. «Функцией права, – пишет он в докторской диссертации, – может быть только основное направление правового воздействия, так как только то, что является основным направлением правового воздействия, может выступать в качестве функции права»²⁹. С другой стороны, специальное указание на «основное» направление правового воздействия, как справедливо замечает О. С. Лапшина, подчеркивает его самые важные и действенные стороны и «позволяет не впасть в правовой идеализм и не видеть в праве всеисильного регулятора общественных отношений, что, несомненно, приведет к переоценке роли права в обществе»³⁰.

Однако напомним, что «функция» является категорией философии. Поэтому ряд ученых-юристов, определяя понятие «функция права», указывают на «существенные» направления воздействия права, его отрасли или института. Так, например, по мнению М. И. Байтина, «функции права есть наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные отношения, в которых раскрывается общечеловеческая и классовая природа и социальное назначение права»³¹, а по замечанию Е. В. Коломенской, «рассмотрение правовых объектов через призму понятия “функция” позволяет выявить их существенные свойства и проявления»³². Трудно не согласиться с каждым из этих ученых, поскольку еще со времен Аристотеля при построении понятия принято выделять только его существенные признаки, подразделяя их, в свою очередь, на родовые, ограничивающие предметы каким-либо классом, и видовые, определяющие качества, которыми не обладают другие предметы этого класса. Если же мы будем включать в понятие все его признаки, в том числе общеродовые, или отождествлять его с иными понятиями, в том числе с ролью³³, целью, задачами и результатами правового регулирования, то, по меткому выражению Аристотеля, «те, кто строит определения таким образом, не смогут выявить суть бытия определяемого»³⁴. Соответственно, не отступая от сложившейся традиции, ука-

²⁸ Бабаев В. К., Баранов В. М., Гойман В. И. Словарь категорий и понятий общей теории права. Н. Новгород: Нижегород. высш. школа МВД России, 1992. С. 23. См. также: Хецуриани Д. Г. Функции советского гражданского права: теоретические проблемы понятия и системы / отв. ред. Т. А. Лилуашвили. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 30; Теория государства и права: учеб. / [С. С. Алексеев, С. И. Архипов, В. М. Корельский и др.]; под ред. В. М. Карельского, В. Д. Перелова. М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 241, 260.

²⁹ Радько Т. Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. С. 12. См. также: Реутов В. П. О разграничении функций права и правового регулирования // Правоведение. 1974. № 5. С. 22.

³⁰ Лапшина О. С. Указ. соч. С. 15.

³¹ Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 12.

³² Коломенская Е. В. Указ. соч. С. 30.

³³ Так, Ю. Г. Ткаченко под функцией права понимает конкретную роль права по организации общественных отношений, а В. Д. Филимонов – социальную роль, которую выполняет право при упорядочивании общественных отношений. См. об этом подробнее: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980. С. 34; Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 50.

³⁴ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / [ред. и авт. предисл. З. Н. Микеладзе]. М.: Мысль, 1978. С. 468.

знание в понятии на существенность направления правового воздействия полагаем считать верным (оно определяет содержательную, философскую сторону), а указание на «основное» – избыточным, излишним.

Подобным образом нужно рассматривать и указания исследователей на «особое»³⁵ или «специфическое»³⁶ направление правового воздействия. Поскольку функция отражает сущность, постольку любое ее проявление следует воспринимать как «основное» и как «особое», ведь именно основное и особое (их сочетание) отличает один объект от другого.

В доктрине выделяется подход, приверженцы которого определяют функцию права в несколько ином ключе – как социальное назначение права (правового регулирования)³⁷. Основа такого подхода – этимология термина: латинское слово *functio* означает «исполнение», «совершение», то есть функция права определяется через правовую деятельность, свершение права, а равно и через назначение права. Например, один из основателей юридической деонтологии В. М. Горшенев указывает, что «функции права в узком смысле раскрывают возможность собственно регулятивного воздействия, показывают, как проявляется социальное назначение права – регулировать общественные отношения в зависимости от их характера и значения для социального развития»³⁸.

Наконец, третий, самый многочисленный по числу сторонников, подход к содержанию функции права базируется на постулате об одновременном определении функции и через направление правового воздействия, и через социальное назначение права³⁹. В докторской диссертации Т. Н. Радько прямо формулирует следующее: «Функция права – это единство двух моментов: назначения права в обществе и основных направлений его воздействия на общественные отношения»⁴⁰. Это единство, повторим, раскрывается в том числе через обусловленность направления правового воздействия социальным назначением, о чем Т. Н. Радько размышлял еще в своей кандидатской диссертации⁴¹. Развивая эту мысль, А. В. Малько отмечает, что через

³⁵ См., например: Чумак Л. А. Природа и механизм реализации охранительной функции советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1986. С. 5.

³⁶ См., например: Бестугина М. А. О функциях юридической ответственности // Теоретико-методологические проблемы совершенствования социалистического общества: IV Московские философские чтения молодых ученых: тезисы докладов. М.: ВИНТИ, 1986. С. 147.

³⁷ См., например: Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права: (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. С. 9.

³⁸ Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 36.

³⁹ См.: Фарбер И. Е. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 39.

⁴⁰ Радько Т. Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 1978. С. 6. См. также: Радько Т. Н. Понятие и признаки функции права. С. 27; Лапшина О. С. Указ. соч. С. 19–20, 34.

⁴¹ См.: Радько Т. Н. Функции социалистического общенародного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 7. См. также: Бабаев В. К., Баранов В. М., Гойман В. И. Указ. соч. С. 23; Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: крат. энцикл. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. юрид. ин-та, 1997. С. 31; Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: текст лекций. Ч. I. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 1995. С. 89;

познание функций права познается и предназначение права в обществе, его динамика. Более того, функции права отражают социальную ценность права как средства установления устойчивого порядка, меры свободы, организованности⁴². Таким образом, при изучении той или иной функции права важно помнить, что функция права есть не что иное, как реализация социального назначения права.

Как и в случае с родовой (философской) категорией, функция права обозначает направленное действие права (его отрасли, института), отражает наиболее общие внутренние и внешние связи и системные закономерности. Иными словами, функция права характеризует право в непосредственной действительности. Она отражает динамику права, обусловленную достижением социально значимых целей. Социальное назначение права в этой связи выступает определяющим, конституирующим, телеологическим фактором.

В целом разделяя позицию о единстве двух элементов в понятии «функция права» (направление правового воздействия и обусловленность социальным назначением права), мы со своей стороны полагаем необходимым указать и на то, что функции права связывают право с социальной действительностью, с жизнью общества. Это указание восполняет некоторый недостаток существующих подходов к определению функции права: оно обращает внимание на изначально философскую природу данного понятия, значимость наличия внутренних и внешних связей, взаимозависимостей (взаимных изменений) и системных закономерностей. Важно при изучении функционирования права (реализации той или иной функции права) увидеть связь явлений, причин и следствий, целей и результатов. Кроме того, признание указанного признака в понятии позволит избежать идеалистического представления о праве, отдаляющего теорию от социальной действительности. В свое время К. Маркс сформулировал очень точный постулат о праве: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения... не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...»⁴³ При этом «анатомию» материальных жизненных (общественных) отношений, по К. Марксу, необходимо искать в политической экономии⁴⁴.

Но не стоит впадать и в иную крайность, ясно обозначенную А. Я. Вышинским, прокурором СССР и директором Института права Академии наук СССР: «Сводя право к экономике, как это делал Стучка, утверждавший, что право совпадает с производственными отношениями, эти господа скатывались в болото экономического материализма. В этом случае право переставало быть активной силой, одним из важнейших

Леушин В. И., Перевалов В. Д. Социальная ценность и функции права // Теория государства и права: учеб. М.: Инфра-М: Норма, 1997. С. 240–243; Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2025. С. 113.

⁴² Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права: учеб. пособие / предисл. А. Г. Лисицына-Светланова. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2013. С. 87; Малько А. В. Теория права и государства. М.: Юрист, 2000. С. 114–115.

⁴³ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 6.

⁴⁴ Маркс К. К критике политической экономии. С. 6.

факторов борьбы и государственного строительства»⁴⁵. При этом, давая в первом приближении формулировку права как общественно-государственного феномена, А. Я. Вышинский на совещании по вопросам науки советского государства и права в 1938 году сосредоточил свое внимание на целевых установках права, среди которых значились «охрана, закрепление и развитие общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁴⁶.

Важное в этой связи замечание к пониманию функции права было высказано О. С. Лапшиной: «В функциях права необходимо находить своеобразную “золотую середину”, не умалять его значения и в то же время не видеть в нем панацею для решения всех необходимых вопросов регулирования общественных отношений»⁴⁷.

Соответственно, формулируя понятие «функция права», надо, с одной стороны, сделать акцент на философской составляющей данной категории (характеристика внутренних связей, выявление закономерностей, «свечение сущности»), а с другой – не забывать о практической значимости данной категории (функционирование означает достижение определенных, заранее установленных целей, а с позиции публичных интересов – прогнозирование развития общественных отношений).

Резюмируем:

1. В правовой доктрине в целом сложилось три подхода к содержанию понятия «функция права»: это направление правового воздействия; это социальное назначение (ценность) права; это единство обозначенных составляющих, когда первое обусловлено, предопределено вторым. Частные различия внутри этих подходов видятся внешними, поскольку каких-либо серьезных и содержательных разногласий относительно направлений правового воздействия и/или социального назначения права не наблюдается и данная дискуссия носит условный (скорее, терминологический) характер. В то же время объединяющий третий (классический) подход к пониманию функции права имеет недостаток: он не в полной мере учитывает особенности функции как философской категории, те ее характеристики, которые свойственны динамичным системам. Для восполнения данного недостатка предлагаем под функцией права понимать прогрессивное направление правового воздействия на сознание, волю и поведение участников общественных отношений, обусловленное социальным назначением права на конкретном этапе развития общества, характеризующее взаимосвязь права с социально-политической и экономической основой общества.

2. Выработанный в социологии функциональный подход к исследованию общественных явлений пригоден (есть возможность его полноценной интерпретации) для познания права как одного из элементов общественного бытия. Как и общество, право пребывает в постоянном развитии, представляет собой динамичную систему, элементы которой находятся в определенных и определяемых функциональных связях. Функция в социальных науках отлична от функции в точных науках, в частности в математике: она определяет направление должного воздействия на определенном

⁴⁵ *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 224.

⁴⁶ Там же. С. 233–234.

⁴⁷ *Лапшина О. С.* Указ. соч. С. 15.

этапе развития культуры, а равно и самого общества, а также объясняет последствия для структуры, в которую включен «функционирующий» объект (поскольку право является элементом общественного бытия). Отдельную функцию отрасли права можно воспринимать как инструментарий предельно общего конструирования общественных отношений для достижения заданной цели в определенной сфере, а законодателя – как «правового архитектора», формулирующего данную цель. Изучение права с позиции функционализма позволяет сохранить тесную связь с реальностью, исключив при этом неизбежный метафизический уклон.

3. Применение функционального подхода к исследованию права в целом и права гражданского в частности позволяет отойти от эмпирического познания права, построенного преимущественно на началах метафизики. Функционализм выводит исследование гражданского права на новый, более высокий, общеправовой уровень познания, построенный на началах диалектики. Право и его отдельные отрасли рассматриваются как динамичная, постоянно развивающаяся сообразно развитию общественного строя система, что меняет ракурс: право, его отдельная отрасль или институт исследуются не с позиции вопроса «почему?», а с позиции вопроса «зачем?». Это дает возможность выявить структурные (функциональные) связи развития права и общества, определить цели и задачи направлений правового воздействия.

4. Функциональный подход к изучению гражданского права имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Зная функциональные связи гражданского права с обществом, общественным строем и общественными отношениями, можно спрогнозировать и смоделировать их развитие, в том числе при наступлении экстраординарных событий и состояний (таких, например, как применение международных санкций и экономической изоляции).

5. При относительной устойчивости функции права и его отдельных отраслей зависят от этапа развития общества и его культуры, экономического уклада и политического курса страны. Динамизм функции права раскрывается не столько в активном воздействии права на общественные отношения, сколько в неустанном развитии самой функции права, ее содержания, вслед за развитием общественного и государственного строя.

Библиографический список

Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / [ред. и авт. предисл. З. Н. Микеладзе]. М.: Мысль, 1978.

Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: крат. энцикл. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. юрид. ин-та, 1997.

Бабаев В. К., Баранов В. М., Гойман В. И. Словарь категорий и понятий общей теории права. Н. Новгород: Нижегород. высш. школа МВД России, 1992.

Бадоев М. Т. Демографическая функция права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004.

Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.

Бессолицын А. Г. Цели и функции юридических мер защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Бестугина М. А. О функциях юридической ответственности // Теоретико-методологические проблемы совершенствования социалистического общества: IV Московские философские чтения молодых ученых: тезисы докладов. М.: ВИНТИ, 1986.

Веденов М. Ф., Кременский В. И. Соотношение структуры и функции в живой природе. М.: Знание, 1966.

Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 191–284; № 2. С. 131–278.

Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972.

Дюркгейм Э. Правила социологического метода / пер. с фр. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021.

Здравомыслов А. Г. Функционализм и его критика // Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. 1968. № 6. С. 151–186.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: текст лекций. Ч. I. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 1995.

Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2025.

Кедров Б. М. Оперирование научными понятиями в диалектической и формальной логике // Диалектика и логика. Формы мышления. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 42–141.

Коломенская Е. В. Функции договора в торговом обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Лапшина О. С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2011.

Леушин В. И., Перевалов В. Д. Социальная ценность и функции права // Теория государства и права: учеб. / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: Инфра-М: Норма, 1997. С. 240–243.

Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004.

Луман Н. Общество общества. Кн. I: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2011.

Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права: учеб. пособие / предисл. А. Г. Лисицына-Светланова. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2013.

Маркс К. К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1.

Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ.; науч. ред. З. В. Каганова. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С. 210–248.

Парсонс Т. Социальная система / пер. с англ. М.: Акад. проект, 2018.

Радько Т. Н. Понятие и признаки функций права // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3 (44). С. 22–30.

Радько Т. Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978.

Радько Т. Н. Функции социалистического общенародного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967.

Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права: моногр. Н. Новгород: Нижегород. высш. школа МВД РФ, 1995.

Реутов В. П. О разграничении функций права и правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1974. № 5. С. 21–27.

Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука «о природе». М.: Наука, 1979.

Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права: (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965.

Теория государства и права: учеб. / [С. С. Алексеев, С. И. Архипов, В. М. Корельский и др.]; под ред. В. М. Карельского, В. Д. Перевалова. М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997.

Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980.

Трошин Д. М. Методологические проблемы современной науки. М.: Высш. школа, 1966.

Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1971.

Фарбер И. Е. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 38–47.

Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

Хецуриани Д. Г. Функции советского гражданского права: теоретические проблемы понятия и системы / отв. ред. Т. А. Лилуашвили. Тбилиси: Мецниереба, 1990.

Цикаришвили О. Г. Охранительная функция российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

Чернявский А. Г. Функциональный подход к сущности права // Образование и право. 2018. № 4. С. 73–78.

Чёрч А. Введение в математическую логику / пер. с англ. В. С. Черняевского; под ред. и с предисл. В. А. Успенского. М.: Иностр. лит., 1960.

Чумак Л. А. Природа и механизм реализации охранительной функции советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1986.

Leader Sh. Legal Science, Social Science, and the Problem of Competing Values // Droit et Societe. 2010. № 75 (2). Pp. 363–378. DOI: 10.3917/drs.075.0363.

Malinowski B. A Scientific Theory of Culture and other Essays. N.Y.: Oxford University Press, 1960.

Информация для цитирования

Ex jure

Сятчихин А. В. О понятии «функция права» и функционализме как методологической основе изучения гражданского права // Ex jure. 2026. № 1. С. 78–90. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-78-90

Syatchikhin A. V. On the Concept of “Function of Law” and Functionalism as a Methodological Basis for the Study of Civil Law. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 78–90. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-78-90

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-91-97

Некоторые проблемы правоприменения
в делах о банкротстве граждан
при рассмотрении обособленных споров,
заявителями по которым являются
физические лица, не осуществляющие
предпринимательской деятельности

Е. М. Шайхутдинов

Кандидат юридических наук, председатель

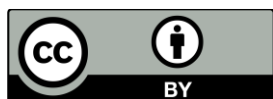
Семнадцатый арбитражный апелляционный суд
614068, Россия, г. Пермь ул. Пушкина, 112

E-mail: shzh1@yandex.ru

Аннотация: в статье анализируются проблемы, возникающие при рассмотрении обособленных споров в делах о банкротстве граждан, где стороной спора является кредитор-гражданин, а спорное отношение не связано с осуществлением предпринимательской деятельности. Обосновывается мнение, что такой кредитор, в отличие, например, от кредитора-банка, не может рассматриваться как сильная сторона по отношению к гражданину-должнику, что подразумевает необходимость более взвешенного предъявления к нему повышенных требований и стандартов доказывания, применяемых в делах о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство граждан; злоупотребление правом, добросовестность; восстановление срока на обращение в суд; проверка финансовых возможностей кредитора; повышенный стандарт доказывания

© Шайхутдинов Е. М., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Some Problems of Law Enforcement in Bankruptcy Cases of Citizens When Considering Separate Disputes, the Applicant for Which Is an Individual Who Does Not Engage in Entrepreneurial Activity

E. M. Shaykhutdinov

Seventeenth Commercial Court of Appeal
112, Pushkina st., Perm, 614068, Russia

E-mail: shzh1@yandex.ru

Abstract: *the article analyzes the problems that arise when considering separate disputes in bankruptcy cases of citizens, in which the creditor-citizen is a party to the dispute, and the disputed relationship is not related to the conduct of entrepreneurial activity. The opinion is substantiated that such a creditor, unlike, for example, a bank creditor, cannot be considered a strong party in relation to a debtor citizen, which implies the need for a more balanced presentation of increased requirements and standards of proof applied in bankruptcy cases.*

Keywords: *bankruptcy of citizens; abuse of law, good faith; restoration of the time limit for going to court; verification of the financial capabilities of the creditor; increased standard of proof*

Проблематика банкротства граждан в настоящее время сохраняет свою актуальность. Количество дел о банкротстве ежегодно растёт, причем весьма активно. Например, в 2024 году признаны банкротами (введена процедура реализации имущества) в судебном порядке 431 тыс. граждан – против 349 тыс. в 2023 году. Показатели внесудебного порядка банкротства существенно уступают: в 2024 году во внесудебном порядке было возбуждено около 55 тыс. процедур. Однако и здесь в сравнении с предшествующим 2023 годом динамика значительная – более чем в три раза¹. Первое полугодие 2025 года демонстрирует продолжение роста как судебных, так и внесудебных банкротств².

Основными кредиторами граждан-банкротов являются банки и микрофинансовые организации (МФО). Согласно данным Банка России, уже на середину 2023 года общее количество заемщиков в банках и МФО составляло почти 50 млн человек (на 2 млн больше, чем на конец 2022 года). При этом, как отмечает «Коммерсант» со ссылкой на Объединенное кредитное бюро, количество потенциальных банкротов-

¹ Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2024 года. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень%202024.pdf>.

² Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги I полугодия 2025 года. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статбюллетень%20январь-июнь%2025.pdf>.

граждан (то есть тех, кто имеет просроченную задолженность по кредитам три месяца и более) и их общая задолженность увеличились за год на 11 %³.

В судебной практике сложилось устойчивое понимание «сильной позиции» банка-кредитора по отношению к гражданину-должнику. Как неоднократно отмечалось при рассмотрении судебных дел, банк, принимая решение о предоставлении конкретному гражданину денежных средств, оценивает его личные характеристики, такие как кредитоспособность, финансовое положение, возможность предоставления обеспечения по кредиту, наличие или отсутствие других кредитов, степень их погашения. Проверка заемщика, проводимая кредитными организациями, должна быть всесторонней, обеспечивающей минимизацию риска выдачи кредитных средств недобросовестным лицам. Являясь профессиональным участником рынка кредитования, банк должен самостоятельно и разумно оценивать свои риски при предоставлении денежных средств⁴.

Адекватность такого подхода, с учетом правового регулирования и сложившейся социально-экономической ситуации, не вызывает сомнений. Основным видом деятельности данных организаций – и банков, и МФО – является предпринимательская деятельность, которая, в силу пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ⁵, осуществляется самостоятельно, на свой риск, направлена на систематическое извлечение прибыли. Соответственно, риск потенциального банкротства заемщика – это обычный предпринимательский риск банка или МФО.

Вместе с тем возникает вопрос о допустимости применения презумпции «сильной позиции» к кредитору, который предпринимательством не занимается и является таким же гражданином, как и должник.

Кредитор-гражданин, в отличие от кредитора-банка, не может рассматриваться как сильная сторона по отношению к гражданину-должнику. Он не имеет возможностей профессионального субъекта предпринимательской деятельности по выявлению злоупотребления правом со стороны должника, учитывая, что злоупотребление правом представляет собой с точки зрения формы некую имитацию правомерного поведения, которая преследует фактически противоправные цели и противостоять которой довольно сложно. В связи с этим, как нам кажется, возникает необходимость более взвешенного предъявления к кредитору-гражданину повышенных требований и стандартов доказывания, применяемых в делах о банкротстве.

Так, согласно пункту 4 статьи 213.24 Закона о банкротстве⁶, «в ходе процедуры реализации имущества гражданина требования конкурсных кредиторов и уполномо-

³ Просрочка прошла курс омоложения: количество потенциальных банкротов среди заемщиков увеличилось на 11 % // Коммерсантъ. 2023. 30 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6366540>.

⁴ См., например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 февр. 2022 г. № Ф09-10269/21 по делу № А50-22983/2020.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 31.07.2025).

⁶ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сент. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 г. (ред. от 31.07.2025).

ченного органа подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном статьей 100 настоящего Федерального закона».

В соответствии с пунктом 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» конкурсные кредиторы и уполномоченный орган в процедуре реализации имущества должника (неважно, физического или юридического лица) «вправе по общему правилу предъявить свои требования к должнику *в течение двух месяцев* (курсив наш. – Авт.) со дня опубликования сведений о признании должника банкротом и введении процедуры реализации его имущества (абзац третий пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве)»⁷.

Указанный срок в случае пропуска по уважительной причине может быть восстановлен судом по ходатайству конкурсного кредитора или уполномоченного органа. Требования, заявленные после закрытия реестра требований кредиторов, срок предъявления которых не был восстановлен судом, удовлетворяются по правилам пункта 4 статьи 142 Закона о банкротстве, то есть за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов. Учитывая крайне незначительный процент удовлетворения требований кредиторов по итогам процедуры банкротства, несложно понять, что кредитор, «оставленный за реестром», как правило, не получает ничего.

При этом в судебной практике сложился весьма жесткий подход к возможности восстановления указанного срока. Суды, ссылаясь на публичность информации о банкротстве должника, требуют от кредитора представления доказательств, свидетельствующих о наличии не зависящих от него обстоятельств (объективных препятствий), помешавших ему своевременно обратиться в арбитражный суд. Более того, в отношении банков и МФО неоднократно указывалось, что в данном случае кредитор является профессиональным субъектом – участником рынка и надлежащим образом извещается о признании должника банкротом в результате размещения сведений в газете «Коммерсантъ» (либо по истечении пяти рабочих дней со дня включения названных сведений в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве)⁸.

В отношении граждан-кредиторов иного подхода в судебной практике не просматривается. Доводы о непрофессиональном характере деятельности такого кредитора, отсутствии у него необходимого образования, невозможности самостоятельно отслеживать публикации в официальных источниках сами по себе в качестве уважи-

⁷ Кроме случаев, указанных в пункте 15 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “Об исполнительном производстве” в случае возбуждения дела о банкротстве», который устанавливает особенности исчисления срока на предъявление требования о включении в реестр требований кредиторов в случае наличия возбужденного в отношении должника исполнительного производства в пользу кредитора – не ранее даты направления конкурсным управляющим (финансовым управляющим) уведомления о получении им соответствующих исполнительных документов.

⁸ См., например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 янв. 2024 г. № Ф09-8580/23 по делу № А07-16207/2021.

тельных причин пропуска срока на обращение за включением в реестр требований кредиторов не принимаются. Отступления от этого правила в судебной практике встречаются, но обычно они не отражают особенности статуса кредитора должника и связаны с наличием совокупности обстоятельств (например, рассмотрение судами взаимосвязанного спора, до разрешения которого сохранялась неопределенность в необходимости обращаться с требованием⁹, или ошибки в публикации, не позволяющие с уверенностью идентифицировать должника¹⁰).

Вместе с тем если возложение риска неосведомленности о публичной процедуре банкротства на банк или МФО представляется допустимым в силу профессионального характера их деятельности, то применение аналогичного подхода к кредитору, не являющемуся профессиональным участником хозяйственной деятельности, вызывает серьезные сомнения. В частности, «непрофессиональный» кредитор не защищен от возможного недобросовестного поведения гражданина-должника, реально не предпринявшего необходимых шагов по извещению его о подаче заявления о банкротстве. Вменение же такому кредитору обязанности следить за источниками официальной информации о банкротстве, в силу, как правило, бытового характера отношений с должником, видится не вполне верным. Соответственно, при разрешении вопроса о восстановлении срока на предъявление требования, в целях противодействия возможному злоупотреблению правом со стороны должника, существенное значение должны иметь обстоятельства фактического извещения кредитора-гражданина о возбуждении дела о банкротстве.

Согласно пункту 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» обоснованность и размер требований кредиторов проверяются судом «независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором – с другой» (абз. 1). Судам при установлении требований кредиторов в деле о банкротстве «следует исходить из того, что установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности» (абз. 1). При оценке достоверности требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств и подтверждаемого только его распиской либо квитанцией к приходному кассовому ордеру, суду необходимо учитывать среди прочего следующие обстоятельства: позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику денежные средства в соответствующем размере; имеются ли в деле сведения о том, как полученные средства были истрачены должником; отражалось ли получение этих средств в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности и т.д. (абз. 3).

⁹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 сент. 2024 г. № Ф09-6579/22 по делу № А60-3040/2021.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 окт. 2023 г. № Ф09-7313/23 по делу № А76-30871/2022.

В судебной практике сложилась вполне последовательная позиция применения данных разъяснений, основанная на повышенном стандарте доказывания в делах о банкротстве, в том числе для противодействия возможному злоупотреблению правом со стороны должника, действующего совместно с кредитором в целях вывода части конкурсной массы при удовлетворении требований независимых кредиторов. Так, в одном из дел кредитор в обоснование финансовой возможности передать спорные денежные средства (15 млн рублей) должнику в качестве займа сослался на копии расписок, согласно которым ему были возвращены денежные средства, ранее взятые у него займы. Суды посчитали неподтвержденной финансовую возможность предоставления денежных средств в названном размере (якобы полученных кредитором в качестве возврата ему соответствующих займов). В подтверждение мнимого характера отношений займа также было учтено отсутствие доказательств распоряжения должником указанными денежными средствами, их дальнейшего движения (погашение задолженности, приобретение имущества и т.п.)¹¹.

Как представляется, ключевыми факторами, свидетельствующими о наличии признаков злоупотребления правом в деле о банкротстве, являются размер соответствующего денежного обязательства, его соотношение с общим размером признанных обязательств конкурсных кредиторов, а также с размером конкурсной массы. Например, в другом деле «суды, оценив представленные кредитором сведения об уровне доходов, пришли к выводу о том, что размера заработной платы с учетом величины прожиточного минимума не могло быть достаточно заявителю для осуществления накоплений в размере предоставленного займа... в связи с чем посчитали недоказанным наличие... финансовой возможности предоставления должнику займа и отказали в признании обоснованным заявленного требования»¹².

Суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты судов нижестоящих инстанций, дал следующие пояснения: «Вывод судов до крайней степени формализован, не согласуется с оцениваемыми обстоятельствами, основан на требованиях о доказывании, выходящих за пределы разумной глубины.

Целью установления повышенных стандартов доказывания реальности предоставления кредитором в пользу должника денежных средств является недопущение включения в реестр необоснованных требований, что в ситуации недостаточности имущества должника приводило бы к нарушению прав и законных интересов кредиторов, конкурирующих между собой за получение удовлетворения требований, а также должника и его учредителей, законный интерес которых состоит в наиболее полном и справедливом погашении долгов. <...>

Предметом спорного займа являлась денежная сумма в размере 70 тыс. рублей. Правоотношения сформированы между физическими лицами. Специфика субъектов правоотношений предполагает, что вступление в них имеет почву бытовых нужд. Размер займа укладывается в рамки разумных бытовых потребностей»¹³.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 2 авг. 2024 г. № Ф10-2612/2023 по делу № А68-24/2021.

¹² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 дек. 2022 г. № Ф10-5753/2022 по делу № А35-9118/2021.

¹³ Там же.

Важно, что указанный выше пункт 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 утратил силу в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”». В пункте 27 названного постановления Верховный Суд РФ сохраняет общую позицию необходимости при рассмотрении обособленного спора с учетом поступивших возражений проверять требование кредитора, в том числе на предмет мнимости, однако явно смягчает применяемый стандарт доказывания, указывая, что «если после проверки на предмет мнимости действительность долга не вызывает сомнений (например, установлен факт передачи или перечисления денежных средств, передачи товара, выполнения работ, оказания услуг; задолженность подтверждена установленным законом документом), суд, рассматривающий дело о банкротстве, не исследует дополнительные обстоятельства, связанные с предшествующим заключению сделки уровнем дохода кредитора, с законностью приобретения переданных должнику средств, с последующей судьбой полученного должником по сделке имущества, с отражением поступления имущества в отчетности должника и т.д.». Представляется, что в зависимости от содержания конкретного дела данные обстоятельства могут быть как включены в предмет доказывания в рамках проверки мнимости соответствующей сделки, так и исключены из него, если проверяемые отношения укладываются в стандарт обычных отношений, а действия сторон последовательны, обладают признаками предсказуемости и разумности.

Все приведенные примеры свидетельствуют о необходимости выработки особого подхода к стандартам доказывания при рассмотрении в рамках дел о банкротстве граждан споров с участием кредиторов, не являющихся профессиональными участниками предпринимательской деятельности.

Информация для цитирования

Ex jure

Шайхутдинов Е. М. Некоторые проблемы правоприменения в делах о банкротстве граждан при рассмотрении обособленных споров, заявителями по которым являются физические лица, не осуществляющие предпринимательской деятельности // *Ex jure*. 2026. № 1. С. 91–97. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-91-97

Shaykhutdinov E. M. Some Problems of Law Enforcement in Bankruptcy Cases of Citizens When Considering Separate Disputes, the Applicant for Which Is an Individual Who Does Not Engage in Entrepreneurial Activity. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 91–97. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-91-97

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.11

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-98-108

Актуальные проблемы применения статьи 237 УПК РФ: анализ практики 2025 года в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ

Д. Е. Закидальский

Аспирант

Сыктывкарский государственный университет
имени П. Сорокина
167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55

E-mail: zakidalsky@gmail.com

Аннотация: в настоящей работе анализируется применение статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ после принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 года № 39. Цель исследования – выявить правоприменительные трудности и расхождения в подходах судов. Основной метод – правовой анализ решений апелляционных и кассационных судов, вынесенных в 2025 году. Автором установлено, что суды продолжают по-разному трактовать ключевые оценочные категории «существенность», «неустрашимость», «неопределенность», что снижает единообразие правоприменения и повышает риск субъективного усмотрения. Новизна исследования заключается в выявлении противоречий в судебной практике применения принятого постановления. Результаты могут быть использованы для подготовки обзора практики Президиумом ВС РФ и внесения точечных изменений в разъяснения Пленума ВС РФ.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору; препятствия рассмотрению дела судом; разъяснения Верховного Суда РФ; право на защиту

© Закидальский Д. Е., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Current Issues in the Application of Article 237 of the Russian Criminal Procedure Code: Analysis of 2025 Practice in Light of the New Explanations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

D. E. Zakidalsky

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
55, Oktyabrsky prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia

E-mail: zakidalsky@gmail.com

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the application of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation following the adoption of Resolution No. 39 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024. The purpose of the study is to identify legal enforcement difficulties and divergences in judicial approaches. The primary research method is legal analysis of appellate and cassation court decisions issued in 2025. It was found that courts continue to interpret key evaluative categories – such as “substantiality”, “irremovability”, “uncertainty” – in inconsistent ways, which undermines the uniformity of legal practice and increases the risk of subjective discretion. The novelty of the study lies in identifying contradictions in judicial practice related to the new Resolution of the Plenum. The results may be used in preparing a review of practice by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and in making targeted amendments to the Plenum’s clarifications.*

Keywords: *returning a criminal case to the prosecutor; obstacles to court consideration of the case; clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation; right to defense*

Еще в 2010 году исследователи обращали внимание на чрезмерно широкую трактовку положений статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту – УПК РФ), дающую судам возможность произвольно применять возврат уголовного дела прокурору. Предлагалось внести в УПК РФ уточняющие положения, которые позволили бы ограничить основания возврата случаями, когда устранение нарушений в рамках судебного разбирательства невозможно. Подчеркивалась необходимость исключения ситуаций возвращения дела прокурору по причине одних формальных недочетов – например, недостаточного обоснования обвинения. Кроме того, предлагалось законодательно закрепить критерии допустимости

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 27.10.2025).

устранения нарушений в судебной стадии без возвращения дела². Таким образом, уже пятнадцать лет назад высказывались идеи, которые впоследствии легли в основу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, направленных на минимизацию возвратов дел по формальным основаниям.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» (далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ № 39) впервые систематизировало правовые позиции Верховного Суда РФ по применению статьи 237 УПК РФ, определив, что возврат уголовного дела допустим лишь при наличии препятствий, исключающих возможность постановления итогового судебного решения. В документе указано, что основания для возврата должны быть неустранимыми в ходе судебного разбирательства и препятствовать вынесению законного, обоснованного, справедливого приговора. Важным новшеством стало введение оценочной категории «существенное отличие» обвинения в обвинительном заключении от обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. В числе оснований для возврата закреплены случаи ведения предварительного расследования неуполномоченным лицом, а также нарушения порядка возбуждения уголовного дела, в том числе в отношении специальных субъектов³. Таким образом, принятый документ направлен на устранение неопределенности в практике применения статьи 237 УПК РФ и минимизацию субъективного толкования ее судами.

Разъяснения Постановления Пленума ВС РФ № 39 расцениваются в научном сообществе как «первый шаг, предпринятый Верховным Судом Российской Федерации на пути деформализации уголовного судопроизводства, снятия необоснованных ограничений»⁴.

Новизна Постановления Пленума ВС РФ № 39, как подчеркивает Е. А. Зайцева, заключается в попытке обеспечить баланс между публичными и частными интересами при возврате уголовного дела прокурору. Документ впервые системно разграничивает устранимые и неустранимые процессуальные нарушения, допуская возврат дела лишь при наличии «непреодолимых в судебном заседании» препятствий⁵. Вместе с тем подвергается критике чрезмерное внимание к частным интересам обвиняемого в пункте 12 постановления и предлагается исключить формулировки, ограничивающие значение предварительного слушания.

Кроме того, Постановление Пленума ВС РФ № 39 неоднократно оперирует оценочным понятием «существенности» нарушений (п. 2, 3, 8, 9, 14), однако отсутствие

² Гавло В. К., Дудко Н. А. О совершенствовании оснований возвращения уголовного дела прокурору // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 76.

³ Татьяна А. В., Шевченко А. А. Основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: анализ положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39. Часть 1 // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2025. № 1 (45). С. 54.

⁴ Быданцев Н. А., Конин В. В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Криминалистъ. 2025. № 1 (50). С. 17.

⁵ Зайцева Е. А. Возвращение уголовного дела прокурору и обеспечение баланса публичного и частного интереса // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 66.

точной нормативной дефиниции такого критерия придает ему субъективный характер, что приводит к разному толкованию на практике.

В связи с этим представляется целесообразным дополнительно использовать в Постановлении Пленума ВС РФ № 39 наряду с категорией существенности нарушений категорию фундаментальности: фундаментальными нарушениями следует считать только те, которые необратимо затрагивают исходные начала состязательного судопроизводства – принципы равенства сторон и независимости суда – и реально, а не формально повлияли на исход дела⁶.

Для объективной оценки правоприменения и выявления проблемных сторон Постановления Пленума ВС РФ № 39 проведен анализ актуальных судебных решений, вынесенных судами в 2025 году.

Постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 мая 2025 г. по делу № 7У-1726/2025 отменено постановление мирового судьи о возвращении уголовного дела прокурору. Суд первой инстанции указал на противоречия в части места совершения преступления (адрес дома и квартиры в обвинительном акте и в постановлении о возбуждении уголовного дела перепутаны) и на невозможность постановления приговора на основании такого обвинительного акта. Кассационная инстанция признала неверное указание места совершения преступления явной технической ошибкой, которая «не может оказать существенного влияния на суть предъявленного лицу обвинения в совершении преступления и на квалификацию его действий, не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту».

Другим примером является апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 15 апреля 2025 г. по делу № 22-1412/2025, где суд первой инстанции возвратил уголовное дело прокурору в связи с неверным указанием квалификации вменяемого лицу деяния по части 2 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228.1 Уголовного кодекса РФ. Апелляционная инстанция отменила постановление о возвращении уголовного дела, поскольку в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении указано, что лицо обвиняется в совершении приговора к незаконному сбыту наркотических средств в крупном размере, и «указание в обвинительном заключении ч. 2 ст. 30 УК РФ вместо ч. 1 ст. 30 УК РФ является явной технической опiskой, исправление которой не влияет на существо предъявленного обвинения, не нарушает пределов судебного разбирательства и права обвиняемого на защиту». При этом «уточнение судом квалификации действий ФИО2 по ч. 1 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, которая фактически вменялась ему, не содержит признаков более тяжкого преступления и не отличается по фактическим обстоятельствам от поддержанного государственным обвинителем обвинения, в связи с чем не может ухудшить положение ФИО2 и не нарушит его права на защиту».

В деле № 22-1997/2025 (апелляционное постановление Ростовского областного суда от 24 апреля 2025 г.) суд первой инстанции возвратил дело прокурору, сославшись на нарушения порядка ознакомления сторон с дополнительными материалами

⁶ Борисевич Г. Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2 (20). С. 205–206.

и размытость формулировки обвинения, в которой отсутствовала привязка к конкретным эпизодам, что создало «неопределенность в предъявленном обвинении». Суд апелляционной инстанции не признал эти обстоятельства достаточными для возврата дела, отметив, что сведениями, приобщенными после ознакомления с делом, не искажается суть обвинения и не нарушается право на защиту. Вывод о препятствии для постановления приговора признан преждевременным.

По делу № 22-479/2025 (постановление Сахалинского областного суда от 6 мая 2025 г.) районный суд указал на существенные нарушения уголовно-процессуального закона, поскольку обвинительный акт был утвержден прокурором спустя месяц со дня его поступления в суд. Суд апелляционной инстанции, отменяя принятое судом первой инстанции постановление, пояснил, что описка при указании даты утверждения прокурором обвинительного акта сама по себе не свидетельствует о допущенном прокурором нарушении уголовно-процессуального закона, лишаящем суд возможности вынести законное решение на основании данного обвинительного акта, поскольку фактически обвинительный акт прокурором утвержден, о чем свидетельствуют материалы уголовного дела и что подтверждают все участники уголовного судопроизводства.

Противоположная ситуация сложилась по другому делу. Отменяя обвинительный приговор и возвращая уголовное дело прокурору, суд апелляционной инстанции указал на существенное нарушение требований УПК РФ: на момент поступления уголовного дела в суд обвинительный акт не был утвержден прокурором. Позиция суда первой инстанции, согласно которой «отсутствие резолюции прокурора в обвинительном акте, имеющемся в материалах уголовного дела, является его невнимательностью и устранимо в судебном заседании», признана несостоятельной, несмотря на вручение лицу утвержденной прокурором копии обвинительного акта в ходе предварительного слушания, а не до направления уголовного дела в суд (апелляционное постановление Иркутского областного суда от 28 апреля 2025 г. по делу № 22-1087/2025).

Также интерес представляет дело № 22-1638/2025 (апелляционное постановление Ростовского областного суда от 29 апреля 2025 г.), где формулировка обвинительного заключения одновременно допускала признаки присвоения и растраты. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что обвинительное заключение порождает неопределенность в вопросе о существовании обвинения, способе совершения преступления, его мотивах, целях, последствиях и других обстоятельствах, которые имеют значение для данного уголовного дела и подлежат доказыванию, что влечет нарушение положения части 1 статьи 252 УПК РФ. По мнению суда апелляционной инстанции, выявленные нарушения «привели к ущемлению... прав обвиняемого на судебную защиту, и в том числе права защищаться от конкретного предъявленного обвинения, что исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора».

Суд кассационной инстанции (постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 мая 2025 г. по делу № 7У-2082/2025) указал на недопустимость квалификации действий лица как дачи взятки через посредника в случае, если лицо не имело умысла и не было осведомлено о характере передаваемых денежных

средств, поскольку это противоречит разъяснениям Пленума ВС РФ. Такая квалификация, данная в обвинительном заключении, была признана не соответствующей инкриминируемому способу и обстоятельствам преступления и являющейся существенным препятствием для рассмотрения дела по существу.

В рамках дела № 22-1150/2025 (апелляционное постановление Иркутского областного суда от 29 апреля 2025 г.) суд первой инстанции возвратил прокурору уголовное дело по двум основаниям: во-первых, в обвинительном заключении при изложении доказательств «использована не скрытая ненормативная лексика и нецензурная брань, многочисленные различные непроизносимые символы, сочетания иностранных букв и графические изображения»; во-вторых, по фактам восьми хищений чужого имущества «содержание доказательств изложено лишь по факту хищения имущества потерпевшего № 1, в свою очередь, по факту хищения имущества других потерпевших, а равно по преступлению, предусмотренному [статьей] 174.1 УК РФ, приведен только перечень большинства доказательств без изложения их содержания». Суд апелляционной инстанции не усмотрел противоречий в формулировках обвинения и неопределенности относительно объема предъявленного обвинения. При этом он дал следующие пояснения: наличие в обвинительном заключении нецензурной брани и непроизносимых символов при изложении содержания доказательств, а не при описании преступного деяния не является препятствием для принятия судом решения по существу дела; «перечень вещественных доказательств и иных документов, на которые ссылается сторона обвинения, в обвинительном заключении приведен применительно к каждому обвинению»; краткое содержание всех доказательств приведено при описании преступления в отношении первого потерпевшего, «что также применительно по всем последующим преступлениям».

Еще одним примером аналогичного нарушения, допущенного при разбирательстве дела, является апелляционное постановление Астраханского областного суда от 29 апреля 2025 г. по делу № 22-533/2025. При рассмотрении апелляционного представления было отменено постановление районного суда о возвращении уголовного дела прокурору по мотиву несущественности выявленных нарушений при составлении обвинительного заключения, в котором доказательства, подтверждающие обвинение двух лиц по последнему эпизоду, перечислены единожды, хотя одно из лиц обвиняется в совершении только одного преступления, и отсутствуют фамилии обвиняемых при формулировке предъявленного обвинения с указанием пункта, части и статьи уголовного закона в конце описания каждого преступления. Суд апелляционной инстанции признал, что обвинительное заключение составлено «некорректно», однако отнес это к «техническим недочетам», которые не являются существенным нарушением, принимая во внимание отсутствие возражений и жалоб со стороны защиты на данное нарушение.

Недостатки при изложении доказательств в обвинительном заключении стали причиной возврата уголовного дела прокурору и в деле № 10-8175/2025 (апелляционное постановление Московского городского суда от 15 апреля 2025 г.). Суд первой инстанции указал, что следователь, удовлетворив ходатайство обвиняемого о вызове в судебное заседание ряда свидетелей, включил их в список лиц, подлежащих вызову в суд, однако данные лица в ходе предварительного следствия не были допрошены,

а их показания не приведены в обвинительном заключении как доказательства стороны защиты. Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции не согласился, указав, что такие выводы связаны с восполнением неполноты произведенного предварительного следствия, а обстоятельства, послужившие основанием такого решения, не являются неустраняемыми и не исключают возможность постановления приговора или вынесения иного судебного решения на основе имеющегося в деле обвинительного заключения.

Курганский областной суд (апелляционное постановление от 29 апреля 2025 г. по делу № 22-624/2025), не согласившись с выводом о возвращении уголовного дела, пояснил, что отсутствие в описании инкриминируемого деяния указания на то, в чем именно, по мнению эксперта, выразилось нарушение обвиняемым правил дорожного движения, «не является препятствием для рассмотрения данного дела, поскольку эти обстоятельства, с учетом характера и фактических обстоятельств инкриминируемого деяния, не являются существенными для разрешения уголовного дела» и «их возможная конкретизация судом не повлечет изменения обвинения на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшит положение обвиняемого и не нарушит его право на защиту».

Апелляционным постановлением Смоленского областного суда от 24 апреля 2025 г. по делу № 22-576/2025 признан несостоятельным вывод районного суда о возвращении уголовного дела прокурору, основанный на недостатках сделанного специалистом заключения, которые не позволяли проверить расчеты размера причиненного вреда. Областной суд указал, что районный суд в нарушение закона преждевременно оценил отдельные доказательства, в том числе и заключение специалиста, содержащееся в обвинительном заключении, однако при этом не учел, что «установление суммы ущерба возложено не только на органы предварительного следствия, но и на суд».

Приморский краевой суд в постановлении от 23 апреля 2025 г. по делу № 22-1656/2025 не согласился с выводами суда первой инстанции о существенности допущенного нарушения, признав несостоятельной ссылку на неустановленное время совершения преступления («в точно не установленное следствием время, но не позднее 14 часов 09 минут 17.10.2022»). По мнению краевого суда, суд первой инстанции не исследовал и не дал оценку постановлению о возбуждении уголовного дела, где приведено конкретное время совершения преступления.

Другим примером, когда вышестоящая инстанция не согласилась с выводом суда первой инстанции о существенных недостатках в формулировке предъявленного обвинения, является апелляционное постановление Саратовского областного суда от 23 апреля 2025 г. по делу № 22-822/2025. Основанием для возврата уголовного дела прокурору явились существенные противоречия в формулировке предъявленного лицу обвинения по пункту «в» части 5 статьи 290 Уголовного кодекса РФ. Суд апелляционной инстанции постановление отменил, указав, что вопрос оценки доказанности отдельных признаков состава преступления относится к компетенции суда.

Ивановский областной суд (апелляционное постановление от 23 апреля 2025 г. по делу № 22-616/2025) признал необоснованным возврат дела из-за изменения даты преступления и суммы ущерба. Суд первой инстанции возвратил уголовное дело

прокурору по мотиву ухудшения положения обвиняемого и нарушения его права на защиту, связанных с увеличением государственным обвинителем периода совершения преступления, размера ущерба и непроведением обязательной по делу геммолого-товароведческой экспертизы. Суд апелляционной инстанции постановление отменил, поскольку изменение даты совершения преступления само по себе не нарушает право обвиняемого на защиту, не ухудшает его положение, не содержит признаков более тяжкого преступления и существенно не отличается по фактическим обстоятельствам. При этом было указано, что «изменение государственным обвинителем обвинения... не может рассматриваться как окончательное и не исключает последующее увеличение обвинения в рамках ранее предъявленного – с соблюдением требования ст. 252 УПК РФ». Вывод суда о необходимости проведения каких-либо новых экспертиз по делу, не отнесенных законом к числу обязательных, без проведения судебного следствия и выяснения позиций сторон по вопросу об определении стоимости похищенного имущества и размера причиненного ущерба признан преждевременным.

В апелляционном постановлении от 22 апреля 2025 г. по делу № 10-8952/2025 Московский городской суд отменил постановление суда первой инстанции о возврате уголовного дела прокурору. Суд первой инстанции указал, что проведенной в ходе предварительного следствия технической экспертизой «не представилось возможным ответить на вопрос о нарушении потерпевшим ПДД РФ, о чем указано экспертом, по причине отсутствия в деле сведений о моменте возникновения опасности для водителя, расположении указанного транспортного средства на проезжей части, скорости его движения, характере движения мотоцикла до столкновения, состоянии проезжей части, профиле и покрытии на момент ДТП». Апелляционная инстанция не согласилась с таким выводом, поскольку обвинительное заключение соответствовало положениям статьи 220 УПК РФ, а приведенные недостатки связаны с восполнением неполноты предварительного следствия: «Суд первой инстанции, возвращая... дело прокурору по мотивам, изложенным в обжалуемом постановлении, фактически обязал органы следствия восполнить проведенное предварительное расследование».

Первый кассационный суд общей юрисдикции в кассационном постановлении от 16 апреля 2025 г. по делу № 7У-1916/2025 отменил постановление суда первой инстанции о возвращении уголовного дела прокурору и апелляционное постановление по причине соответствия обвинительного заключения требованиям уголовно-процессуального закона. Суд первой инстанции пришел к выводу о неустранимых нарушениях требований статьи 220 УПК РФ при составлении обвинительного заключения. По мнению этого судебного органа, не были конкретизированы формулировки обвинительного заключения и предъявленного пяти лицам обвинения в совершении хищения чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием: не указано, чьим именно доверием обвиняемые злоупотребили, кого из представителей организаций обманули, какие служебные полномочия были ими использованы при совершении преступления и каким образом они использовали эти полномочия, какие организационно-распорядительные функции выполняли в этот период; кроме того, не были конкретизированы перечень, наименование и объем пусконаладочных работ, отсутствовали сведения о наименованиях и объемах фактически не исполненных

обязательств и указание, кому из потерпевших и в каком размере причинен ущерб. Кассационная инстанция указала, что «само обвинительное заключение не исключает возможность постановления приговора, который может быть как обвинительным, так и оправдательным, или вынесения иного решения на его основе».

Еще одним предметом разногласия между судами различных инстанций становится непроведение обязательной экспертизы. Так, по делу № 22-489/2025 (апелляционное постановление Смоленского областного суда от 16 апреля 2025 г.) суд первой инстанции возвратил уголовное дело прокурору в связи с непроведением следователем обязательных судебных психолого-психиатрических экспертиз в отношении обвиняемых: после истребования сведений о личности каждого из обвиняемых судом первой инстанции была получена информация о наличии у них психических заболеваний. Суд апелляционной инстанции постановление отменил, указав, что в ходе предварительного расследования следователь истребовал из медицинского учреждения по месту жительства подсудимых сведения об их нахождении на учете у врача психиатра, в связи с чем у следователя отсутствовали основания для назначения психиатрической экспертизы. Получение судом сведений о прохождении осужденными лечения в клинической психиатрической больнице не было признано основанием для возвращения уголовного дела прокурору, поскольку «в случае возникновения сомнения во вменяемости подсудимых суд имел возможность назначения и проведения психиатрической экспертизы». Аналогичные обстоятельства явились причиной отмены решения суда первой инстанции и по делу № 22-610/2025: в апелляционном постановлении Смоленского областного суда от 25 апреля 2025 г. обращалось внимание на то, что назначение соответствующей экспертизы самостоятельно судом «способствовало бы осуществлению уголовного судопроизводства в разумный срок».

Анализ актуальной судебной практики после выхода Постановления Пленума ВС РФ № 39 позволил установить определенные тенденции в подходах судов к применению положений статьи 237 УПК РФ. Выявленные основания возврата дел можно классифицировать по четырем основным направлениям. Первое – процессуальные нарушения, например утверждение обвинительного заключения уже после направления дела в суд. Второе – нарушения, связанные с формулировкой обвинения, включая противоречия между фабулой и квалификацией, отсутствие конкретизации отдельных эпизодов или некорректное указание временных границ преступления. Третье – ошибки квалификации, когда указанный способ совершения преступления не подтверждается материалами дела. Четвертое – нарушения, затрагивающие право на защиту, например изменение объема обвинения. При этом суды в обоснование отказа для возвращения дела прокурору подчеркивают, что допущенные недостатки могут быть устранены в судебном заседании, если ими не нарушается принцип равенства сторон и не ограничиваются процессуальные гарантии, учитывая отсутствие соответствующих заявлений от сторон.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на принятие Постановления Пленума ВС РФ № 39, направленного на конкретизацию оснований и порядка возврата уголовного дела прокурору, судебная практика сохраняет противоположные подходы к применению положений статьи 237 УПК РФ: по-разному толкуются такие клю-

чевые категории, как существенность нарушения, неустранимость препятствий в судебном заседании и некорректность обвинения. Это свидетельствует о недостаточной определенности правовых критериев и риске субъективного усмотрения. Сложившаяся ситуация подрывает цель института по обеспечению справедливого и законного рассмотрения дела и приводит к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства.

В научной среде, на наш взгляд, вполне обоснованно указывалось на недостатки критериев, подобных «существенности», обладающих высоким уровнем объективности⁷.

В целях обеспечения единообразного подхода правоприменителя полагаем необходимым на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации, статей 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» обобщить судебную практику на уровне высшей инстанции, подготовив обзор по вопросам применения судами статьи 237 УПК РФ при рассмотрении данной категории дел, в котором изложить правовые позиции с особым вниманием к трактовке понятий «существенность», «неустранимость», «фундаментальность» нарушений, а также дополнить Постановление Пленума ВС РФ № 39 разъяснениями с примерами типичных ситуаций, когда возвращение дела прокурору допустимо либо недопустимо.

Обеспечение единообразия судебной практики путем формализации оценочных категорий, закрепленных в статье 237 УПК РФ, является необходимым условием для повышения эффективности уголовного судопроизводства и соблюдения конституционных гарантий участников процесса.

Библиографический список

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. / Ю. В. Кувалдина, В. А. Лазарева, В. В. Иванов [и др.]; под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.

Борисевич Г. Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2 (20). С. 199–210.

Быданцев Н. А., Конин В. В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Криминалистъ. 2025. № 1 (50). С. 16–25.

Гавло В. К., Дудко Н. А. О совершенствовании оснований возвращения уголовного дела прокурору // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 74–77.

Зайцева Е. А. Возвращение уголовного дела прокурору и обеспечение баланса публичного и частного интереса // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 59–68.

⁷ Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. / Ю. В. Кувалдина, В. А. Лазарева, В. В. Иванов [и др.]; под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 389–390.

Татьянина А. В., Шевченко А. А. Основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: анализ положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39. Часть 1 // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2025. № 1 (45). С. 53–57.

Ex jure

Информация для цитирования

Закидальский Д. Е. Актуальные проблемы применения статьи 237 УПК РФ: анализ практики 2025 года в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Ex jure. 2026. № 1. С. 98–108. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-98-108

Zakidalsky D. E. Current Issues in the Application of Article 237 of the Russian Criminal Procedure Code: Analysis of 2025 Practice in Light of the New Explanations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 98–108. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-98-108

УДК 343.985.7

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-109-122

Научно-методическое обеспечение расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними

М. В. Кардашевская

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики

Московская академия Следственного комитета РФ
имени А. Я. Сухарева
115172, Россия, г. Москва, Новоспасский переулок, 11/6

Профессор кафедры криминалистики

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

E-mail: kardashewsky@yandex.ru

Аннотация: в статье разбирается современное состояние научно-методического обеспечения расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Автор приходит к выводу, что криминалистическое обеспечение расследования подобных преступлений не соответствует потребностям практики. Статья содержит сравнительный анализ пяти диссертаций, посвященных изучению отдельных видов преступлений несовершеннолетних за последние десять лет. Особое внимание уделено современным преступным деяниям, которые совершают подростки, но которые до сих пор не были подвергнуты криминалистическому анализу. На основе изучения диссертаций и практики совершения преступлений несовершеннолетними определены направления дальнейших научных усилий в этой области. Такой анализ будет полезен молодым ученым, которые выбирают темы для своих будущих исследовательских работ.

Ключевые слова: преступление; несовершеннолетние; расследование; криминалистическое обеспечение; научно-методическое обеспечение

© Кардашевская М. В., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Scientific and Methodological Support for the Investigation of Crimes Committed by Minors

M. V. Kardashevskaya

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
11/6, Novospassky pereulok, Moscow, 115172, Russia

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
12, Akademika Volgina st., Moscow, 117437, Russia

E-mail: kardashewsky@yandex.ru

Abstract: *this article analyzes the current state of scientific and methodological support for the investigation of crimes committed by minors. The author sets himself the task of assessing the level of forensic support for the investigation of such crimes. As a result of the study, it is concluded that this provision is at a low level and does not meet the needs of practice. A comparative analysis of five dissertation studies devoted to the study of certain types of crimes committed by minors over the past ten years is carried out. Special attention is paid to modern criminal acts committed by teenagers, but which have not yet been subjected to forensic analysis. Based on the study of dissertations and the practice of committing crimes by minors, the directions of further scientific research in this area are determined. This analysis will be useful for young scientists who choose topics for their future research.*

Keywords: *crime; minors; investigation; forensic support; scientific and methodological support*

Научно-методическое обеспечение расследования преступлений представляет собой созидательный уровень криминалистического обеспечения, способствующий развитию науки. Оно позволяет оценить достигнутые результаты и выявить аспекты, оставшиеся вне поля научных исследований.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, занимают особое место в общей структуре преступности. Стратегия борьбы с преступностью среди лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, предусматривает решение задач по своевременному пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступных деяний в этой среде и во многом определяет будущие тенденции формирования всей преступности, включая ее организованные формы проявления. Сказанное обуславливает общественную потребность в оценке научно-методического обеспечения расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, с целью проведения актуальных криминалистических научных исследований и решения комплекса теоретических и практических проблем.

Следует подчеркнуть, что в первоначальных юридических установках не предусматривался особый правовой статус несовершеннолетних как лиц, которые обладают возрастными особенностями, спецификой психофизиологического развития и социально-правового положения. Подростки, совершившие противоправные деяния, приравнивались к взрослым преступникам, что было четко зафиксировано в Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 года, которое систематизировало ранее принятые правовые нормы.

Фундаментом для формирования института судопроизводства по делам несовершеннолетних послужило принятие в 1864 году Устава уголовного судопроизводства, который закрепил нормы, регулирующие права, обязанности и процессуальный статус несовершеннолетних правонарушителей. Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости» внес значительные изменения в процедуру рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в суде, установив последовательность специальных условий.

В первые годы существования советской власти отправление правосудия по делам несовершеннолетних регулировалось рядом нормативных актов. В частности, Декреты СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» и от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» отменили суды и тюремное заключение для несовершеннолетних правонарушителей, передав все дела о преступных деяниях подростков на рассмотрение комиссий для несовершеннолетних, которые представляли собой чисто педагогические органы. Однако в 1930-е годы произошла смена уголовной политики в отношении подростков на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В преамбуле этого документа подчеркивалась необходимость быстрого устранения подростковой преступности.

Карательная ориентация уголовной политики в отношении подростков в Советском Союзе сохранялась вплоть до принятия 25 декабря 1958 года Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а затем и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года¹, включавшего главу 32, посвященную особенностям производства по делам несовершеннолетних.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации² предусмотрены новейшие процессуальные гарантии для лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста на момент совершения правонарушения, и значительно расширена правовая регламентация ранее существовавших гарантий. Так, появилась норма об участии психолога или педагога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого; расширился перечень прав законного представителя подростка;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002). Документ утратил силу.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 27.10.2025).

в предмет доказывания включено определение уровня психического развития и других особенностей личности подростка; впервые установлена продолжительность допроса несовершеннолетнего. Современное законодательство предусматривает уголовную ответственность для несовершеннолетних, достигших шестнадцатилетнего возраста. Однако за некоторые деяния, такие как умышленное лишение жизни, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и ряд имущественных преступлений, несовершеннолетние могут быть привлечены к уголовной ответственности с четырнадцати лет.

В большинстве случаев несовершеннолетние совершают те же преступления, что и взрослые.

Несмотря на тенденцию к снижению уровня преступности среди несовершеннолетних, их удельный вес среди лиц, совершивших преступления, остается значительным и в среднем составляет около 3,2 %. Однако в ходе расследования, как правило, выясняется, что до момента задержания подростки уже имели криминальное прошлое. В 2019 году 24,7 % несовершеннолетних ранее совершали преступления, в 2020-м – 25,7 %, в 2021-м – 24,8 %, в 2022-м – 24,3 %, в 2023-м – 23,1 %, а в 2024 году – 19,2 %. Таким образом, данная тенденция указывает не на снижение уровня преступности среди несовершеннолетних, а на недостаточную эффективность работы правоохранительных органов по выявлению лиц, совершающих преступления.

Особую озабоченность вызывает то обстоятельство, что ежегодно более 45 % преступлений совершается подростками в составе групп, в том числе организованных. Так, в 2021 году доля преступных групп несовершеннолетних составляла 45,2 %, в 2022-м – 44,7 %, в 2023 и 2024 годах – 44,4 %. При этом количество организованных групп несовершеннолетних в 2021 году увеличилось на 52,5 %, в 2022-м – на 56,6 %, в 2023-м – на 8,9 %, а в 2024 году – на 61,1 %³.

Результаты раскрытия и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, находятся в прямой зависимости от уровня владения следователями соответствующими методиками, разработанными с применением анализа, обобщения и классификации передовых методов, используемых на практике.

Тема подростковой преступности в криминалистической литературе занимает важное место. В последние три десятилетия отдельные ее аспекты стали предметом

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabry_2019.pdf; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. URL: <https://lcm-pult.ru/assets/download/files/2020statistics.pdf>; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2022. URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/sb_21_12.pdf; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2023. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс.pdf; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2024. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс1.pdf; Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2025. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf.

диссертационных исследований таких ученых, как А. С. Антимонов, А. Т. Бекбулатова, И. В. Гецманова, В. К. Комаров, Л. В. Лившиц, Г. М. Решетов, М. В. Субботина, И. М. Цыганкова, О. А. Чуприна. Однако в этих работах не отражены современное состояние преступности несовершеннолетних и влияние на нее современных технологий, а также те изменения в области расследования преступлений несовершеннолетних, которые произошли в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Более того, в последнее время вопросы, связанные с расследованием преступлений, совершаемых подростками, незаслуженно остаются без должного внимания: за десять лет по данной проблематике было защищено всего пять диссертаций. Для того чтобы выявить проблемные аспекты в научно-методическом обеспечении расследования подобных деяний, представляется необходимым провести анализ существующих работ.

Две диссертации посвящены общим аспектам методики расследования преступлений. В частности, Е. А. Марина изучила вопросы, связанные с защитой несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых⁴, а С. А. Сулейманова в качестве предмета анализа избрала тактико-криминалистические методы, применяемые в работе с несовершеннолетними в процессе расследования преступлений⁵. В трех других диссертационных работах представлены криминалистические подходы к расследованию отдельных категорий преступлений, совершенных несовершеннолетними: 1) экстремистских преступлений против жизни и здоровья⁶; 2) преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности⁷; 3) корыстно-насильственных преступлений⁸.

Именно с последних диссертаций и начнем анализ научно-методического обеспечения расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Прежде всего рассмотрим классификацию преступлений. Во всех трех исследованиях такая классификация присутствует. Однако если в работе И. О. Бондаревой просто перечислены виды преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, которые могут совершаться несовершеннолетними⁹, то в двух других работах проведена классификация, в том числе и по криминалистическим основаниям.

⁴ *Марина Е. А.* Тактика защиты в досудебном производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2017.

⁵ *Сулейманова С. А.* Тактико-криминалистические средства, используемые в работе с несовершеннолетними при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

⁶ *Григорян А. А.* Особенности расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017.

⁷ *Бондарева И. О.* Совершенствование методики расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018.

⁸ *Лутфуллина Г. Р.* Криминалистическое обеспечение расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2024.

⁹ *Бондарева И. О.* Указ. соч. С. 8.

Так, А. А. Григорян дифференцировала все экстремистские преступления на следующие группы:

1) преступления экстремистской направленности информационно-побудительного характера (призывы к осуществлению экстремистской деятельности, разжигание ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы), совершаемые с использованием телекоммуникационных сетей или в общественных местах;

2) преступления экстремистской направленности, носящие характер дискредитации (хулиганство, вандализм) и не причиняющие вреда жизни и здоровью конкретных лиц;

3) преступления экстремистской направленности, посягающие на жизнь и здоровье¹⁰.

Представленная классификация стала отправной точкой для обоснования гносеологических, теоретических и практических аспектов формирования криминалистической методики расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними по экстремистским мотивам. Она позволила четко разграничить исследуемые преступления и отделить их от других видов экстремистских преступлений.

Г. Р. Лутфуллина предложила более глубокую криминалистическую классификацию, основанную на специфических методах и средствах раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними:

1) по возрасту несовершеннолетних, совершающих корыстно-насильственные преступления;

2) по специфике субъектного состава правонарушителей:

а) совершаемые несовершеннолетними самостоятельно;

б) совершаемые группами несовершеннолетних;

в) совершаемые взрослыми преступниками с вовлечением несовершеннолетних;

3) по специфике непосредственного объекта преступного посягательства несовершеннолетних:

а) направленные против одноклассников и других сверстников, с которыми несовершеннолетние правонарушители проводят значительную часть времени;

б) направленные против посторонних детей;

в) направленные против взрослых и совершаемые группой подростков;

г) направленные против женщин и других лиц;

4) по предмету преступного посягательства:

а) посягающие на имущество, вещи, обусловленные возрастными потребностями;

б) посягающие на ценности, реализация которых обеспечит удовлетворение возрастных потребностей;

в) посягающие на имущество, которое только представляется несовершеннолетнему преступнику ценным;

г) посягающие на имущество, случайно обнаруженное при жертве, и т.д.;

¹⁰ Григорян А. А. Указ. соч. С. 21.

5) по отношению несовершеннолетнего преступника к последствиям собственного преступления:

а) совершенные с безразличием к судьбе жертвы и явным удовлетворением от реализации своих корыстных мотивов;

б) совершенные с полным удовлетворением полученными материальными благами, но с сожалением о страданиях, причиненных жертве;

в) совершенные с неудовлетворенностью результатами своего деяния из-за недостаточного количества или качества похищенных материальных ценностей при безразличии к судьбе жертвы и т.д.¹¹

Предложенная Г. Р. Лутфуллиной криминалистическая классификация корыстно-насильственных преступлений представляется универсальной и может быть использована в качестве основы для дальнейших научных исследований в этой области.

В диссертациях, посвященных методике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, особое внимание уделяется криминалистической характеристике изучаемых деяний. Этот элемент включает в себя криминалистически значимые сведения о личности несовершеннолетнего субъекта преступления, а также о специфических особенностях групп лиц, совершающих подобные деяния.

А. А. Григорян подчеркивает, что в основе механизма совершения несовершеннолетними преступлений экстремистской направленности лежит нигилизм, выражающийся в протесте и предопределяющий агрессивное проявление крайней степени нетерпимости и враждебности в отношении какой-либо социальной группы. Этот нигилизм проецируется на конкретных лиц, которые воспринимаются субъектами преступлений не как индивидуумы, а как представители определенной социальной группы¹². Следует отметить, что именно нигилизм, и прежде всего правовой, предопределяет многие проявления преступной деятельности несовершеннолетних. Эта черта свойственна практически всем подросткам, и именно она «провоцирует» их на выбор противоправного поведения.

В анализируемых диссертационных работах особое внимание уделяется личности несовершеннолетнего преступника. В частности, И. О. Бондарева описывает комплекс криминалистически значимых особенностей субъектов преступлений против половой неприкосновенности и свободы личности, а также образуемых ими групп в контексте взаимосвязей с другими элементами криминалистической характеристики преступлений. К таким особенностям относятся: преимущественно групповой характер преступления; принадлежность входящих в группу подростков к одной возрастной категории (либо от 14 до 16, либо от 16 до 18 лет); совершение преступления в отношении знакомых с разной степенью близости¹³.

Приведенные особенности характерны для всех преступлений, совершенных несовершеннолетними. Исключение – возраст лиц, входящих в группу (как правило, в составе группы могут быть лица разных возрастных категорий). Однако исследователи редко обращают внимание на эту особенность, что, на наш взгляд, является

¹¹ Лутфуллина Г. Р. Указ. соч. С. 10.

¹² Григорян А. А. Указ. соч. С. 21.

¹³ Бондарева И. О. Указ. соч. С. 11.

упущением, поскольку наличие сведений о том, что при совершении того или иного преступления группа несовершеннолетних состояла из лиц одной возрастной категории, может помочь следователю в выдвижении версий об участниках преступления и розыске соучастников.

И. О. Бондарева также классифицировала мотивы преступных посягательств несовершеннолетних на половую свободу или неприкосновенность личности, разделив их на ведущие, корреспондирующие и ситуативные. Исследователь справедливо отмечает, что «определение конкретных мотивов находится в коррелятивных связях с типом преступной группы, ролью соучастников, способами приготовления, совершения и сокрытия преступлений, а также с другими элементами криминалистической характеристики преступлений»¹⁴. О мотивах рассуждает и А. А. Григорян, выделяя в качестве ключевого мотив национальной ненависти и вражды¹⁵. В условиях увеличения миграционных потоков в нашем государстве логично предположить, что этот мотив может проявиться и в других преступлениях несовершеннолетних, не ограничиваясь преступлениями исключительно экстремистской направленности.

Практическая значимость скрупулезного, всеохватного анализа личности несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого становится очевидной как в ходе оперативных мероприятий по выявлению и задержанию данного субъекта, так и в процессе подготовки, непосредственного осуществления и оценки результатов следственных действий, проводимых в отношении упомянутого участника судопроизводства. На это обращают внимание и другие исследователи. В частности, С. А. Сулейманова подчеркивает, что несовершеннолетние, именно в силу своего возраста, обладают некоторыми физиологическими и психологическими особенностями, обуславливающими повышенные требования к нравственному и правовому аспектам деятельности следователя или дознавателя¹⁶.

Говоря об организации расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, нужно отметить, что выделяемые авторами типовые следственные ситуации, которые определяют программы действий следователя, фактически не имеют специфики, обусловленной возрастом преступника.

На наш взгляд, наиболее перспективным является развитие криминалистической характеристики преступлений, сформированной тем или иным автором, в криминалистические признаки, определяющие содержание и особенности комплекса методических рекомендаций по расследованию преступных деяний, совершаемых подростками. Это позволяет определить методические основы следственной и оперативно-розыскной работы, отличные от методических основ расследования аналогичных преступлений, совершаемых взрослыми.

Так, Г. Р. Лутфуллина выделяет следующие признаки, указывающие на совершение корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетними:

1) способ преступления, отражающий психологическую незрелость (точнее, по нашему мнению, психологическую неустойчивость) личности несовершеннолетнего преступника (преступников);

¹⁴ Бондарева И. О. Указ. соч. С. 12.

¹⁵ Григорян А. А. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Сулейманова С. А. Указ. соч. С. 42.

2) типичный предмет преступного посягательства, характерный для подростков, совершающих корыстно-насильственные посягательства в форме убийств, грабежей, разбойных нападений или вымогательств;

3) повторяющийся способ совершения насильственных действий, включая специфику используемых несовершеннолетними орудий, – от угроз до причинения вреда здоровью или лишения потерпевшего жизни;

4) характерные следы преступления, оставленные в материальной обстановке и отображающие свойства личности несовершеннолетнего преступника, способ его действий на месте преступления¹⁷.

Необходимо отдельно обсудить тактические аспекты проведения следственных мероприятий с участием несовершеннолетних.

С. А. Сулейманова предлагает определять тактико-криминалистическое обеспечение деятельности следователя (дознателя) в работе с несовершеннолетними как систему формирования криминалистических знаний, основанную на использовании необходимого арсенала достижений криминалистики. Это включает криминалистическое изучение личности, криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого и частное учение о тактико-криминалистических средствах досудебного производства. Цель такого подхода – разработка тактико-криминалистических средств, используемых в работе с несовершеннолетними, и определение критериев их выбора¹⁸.

Соглашаясь с автором в необходимости тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних, следует, однако, отметить, что предложенное определение является спорным, так как противоречит общепризнанным подходам к пониманию сущности криминалистического обеспечения. В. П. Лавров в труде «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений» определял криминалистическое обеспечение как деятельность правоохранительных органов, направленную на создание условий постоянной готовности к применению средств, приемов и методов криминалистики, а также на реализацию этих условий в предупреждении, раскрытии и расследовании конкретных преступлений¹⁹. А. Ф. Волынский делал акцент на том, что криминалистическое обеспечение представляет собой многогранную деятельность, направленную на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному применению комплекса методов, средств и рекомендаций, а также на практическое воплощение этой готовности в процессе раскрытия и расследования преступлений²⁰. По мнению А. Ф. Волынского, криминалистическое обеспечение имеет два уровня: созидательный (создание необходимых условий) и деятельный (их практическая реализация).

¹⁷ Лутфуллина Г. Р. Указ. соч. С. 13.

¹⁸ Сулейманова С. А. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁹ Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций: учеб. пособие / под ред. В. П. Лаврова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2003. С. 6.

²⁰ Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 52–71. С. 55.

Формирование условий постоянной готовности предполагает совершенствование криминалистических знаний, криминалистического образования, организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений, а также правового регулирования использования криминалистических средств, методов и рекомендаций в процессе раскрытия и расследования преступлений²¹. Таким образом, С. А. Сулейманова в своем определении ограничилась лишь указанием на созидательный уровень тактико-криминалистического обеспечения, оставив без внимания более значимый аспект – практическую реализацию разработанных тактико-криминалистических средств в деятельности следователей (дознавателей).

Потребность в разработке проблем тактико-криминалистического обеспечения работы с несовершеннолетними обусловлена тем, что несовершеннолетние, как совершившие преступление, так и являющиеся его жертвами или свидетелями, представляют собой один из ключевых источников информации, получение и проверка достоверности которой, по мнению С. А. Сулеймановой, сопряжены с определенными трудностями. Это связано с особенностями процесса запоминания и воспроизведения событий, который напрямую зависит от возраста участника уголовного судопроизводства.

Е. А. Марина классифицирует тактические приемы, опираясь на физиологические и психологические особенности личности несовершеннолетнего. В зависимости от возраста подозреваемого или обвиняемого она выделяет три категории:

- 1) тактические приемы, применяемые к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет;
- 2) тактические приемы, применяемые к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет;
- 3) тактические приемы, применяемые к несовершеннолетним, у которых наблюдаются признаки отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством.

Наряду с этими категориями Е. А. Марина рассматривает тактические приемы, применяемые к несовершеннолетним, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или при наличии психического расстройства, делающего невозможным назначение или исполнение наказания²².

Она же отмечает, что в отношении несовершеннолетних, выступающих в качестве подозреваемых или обвиняемых, избирательность тактического приема как его допустимость заключается в возможности выбора и применения того или иного тактического приема к конкретному несовершеннолетнему в зависимости от психических и психологических свойств его личности²³.

С. А. Сулейманова дополняет содержание критерия допустимости, учитывая возраст несовершеннолетнего, его физиологические особенности и процессуальный статус. Также она считает, что применение того или иного тактико-криминалистического средства зависит от динамично развивающейся следственной ситуации и категории уголовных дел.

²¹ *Волинский А. Ф.* Указ. соч. С. 55–56.

²² *Марина Е. А.* Указ. соч. С. 11.

²³ Там же. С. 14.

Одним из актуальных аспектов тактико-криминалистического обеспечения является привлечение к участию в следственных мероприятиях педагога или психолога. Этот вопрос детально рассмотрен в диссертационном труде И. О. Бондаревой.

Подводя итоги анализа диссертаций, необходимо подчеркнуть, что их авторы провели исследования в области тактико-криминалистического обеспечения работы с несовершеннолетними, а также в области расследования экстремистских преступлений, направленных против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и корыстно-насильственных преступлений. При этом изучение современной практики расследования преступлений несовершеннолетних выявило ряд вопросов, которые остались за пределами научного внимания диссертантов.

Отдельного и комплексного изучения требует проблема расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними в составе организованных преступных групп. По мнению председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина, одной из характерных особенностей подростковой криминальной среды является групповая природа совершаемых преступлений²⁴. Последний раз эта проблема исследовалась почти три десятилетия назад²⁵. Между тем за указанный период произошли существенные изменения не только в методах расследования преступлений, но и в психологическом портрете подростков под влиянием развития информационных технологий и Интернета.

Кроме того, растет число преступлений, совершенных группами несовершеннолетних мигрантов. Как подчеркнул глава Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин, подростки из семей мигрантов активно создают преступные группировки, которые не только нападают на случайных прохожих, но и целенаправленно издеваются над сверстниками славянской внешности²⁶. Таким образом, становится актуальным изучение особенностей расследования преступлений, совершенных группами несовершеннолетних мигрантов.

Анализ статистических показателей, характеризующих состояние судимости в Российской Федерации за период с 2019 по 2024 год, опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, позволяет выделить ряд преступлений, требующих разработки современных методик их расследования. Среди них следующие категории:

- кражи, где несовершеннолетние составляют 47 % от общего числа осужденных по данной статье;
- неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (доля несовершеннолетних от общего числа осужденных составляет 10,7 %);

²⁴ Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ. URL: <https://tass.ru/politika/23596255>.

²⁵ Субботина М. В. Проблемы методики расследования преступлений, совершенных организованными группами несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996.

²⁶ Петров А. Бастрыкин взялся за банды детей мигрантов и припомнил им ЧП в Челябинске. URL: https://dzen.ru/a/Z_Yp3J9d3kRhu5D.

– преступления, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами (доля несовершеннолетних – 9,8 %);
– умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (доля несовершеннолетних – 3 %) ²⁷.

В интервью ТАСС Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин обратил внимание на то, что в 2024 году преступления, совершенные несовершеннолетними, составляют значительную долю в общей структуре преступности. Особенно тревожным является рост числа угонов транспортных средств и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ. В действиях подростков, как правило, прослеживается единый мотив – стремление получить выгоду или удовлетворить какую-либо потребность. В контексте преступлений против личности подростки чаще всего выбирают в качестве жертв своих сверстников, детей младшего возраста, учащихся начальных классов или соседей. В то же время противоправные действия, связанные с хищением имущества, обычно направлены на незнакомых людей, а также на лиц, находящихся в уязвимом положении: пожилых людей, инвалидов и одиноких женщин ²⁸.

В своем выступлении на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ, состоявшемся 5 марта 2025 года, Президент РФ В. В. Путин акцентировал внимание на необходимости защищать молодых людей от криминальных угроз и предотвращать их вовлечение в противоправную деятельность, включая киберпреступность ²⁹. В этой связи возникла необходимость проведения научных изысканий, посвященных изучению киберпреступлений, совершенных несовершеннолетними. Как справедливо отмечает профессор В. Н. Карагодин, в научной литературе недостаточно внимания уделяется этому виду компьютерных преступлений, что, в свою очередь, негативно влияет на качество рекомендаций по расследованию подобных посягательств ³⁰.

²⁷ Отчет по осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год. URL: https://k1-svod_vse_sudy-2019.xls; Отчет по осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. URL: https://k1-svod_vse_sudy-2020.xls; Отчет по осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. URL: https://k1-svod_vse_sudy-2021.xls; Отчет по осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. URL: https://k1-svod_vse_sudy-2022.xls; Отчет по осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. URL: https://k1-svod_vse_sudy-2023.xls; Отчет по осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. URL: https://k1-svod_vse_sudy-2024.xls.

²⁸ Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности...

²⁹ Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408>.

³⁰ Карагодин В. Н. Криминалистическая характеристика киберэкстремистских преступлений, совершенных несовершеннолетними // *Baikal Research Journal*. 2025. Т. 16, № 1. С. 76–83.

Наконец, необходимо отдельно остановиться на том воздействии, какое на психику несовершеннолетних оказывают украинские неонацисты и различные международные террористические организации. На заседании Национального антитеррористического комитета, состоявшемся 8 апреля 2025 года, директор Федеральной службы безопасности России А. В. Бортников сообщил, что за последние три года было задержано более 2,5 тысячи молодых людей, в том числе подростков, которые попали под влияние украинских неонацистов, международных террористических организаций и движений, таких как «Колумбайн»³¹ и «Маньяки: культ убийства»³², а с начала 2025 года предотвращено 47 террористических актов, в подготовке которых участвовали несовершеннолетние³³. В этой связи актуализируется задача разработки мер криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с осуществлением несовершеннолетними вооруженных нападения в образовательных учреждениях, вовлечением несовершеннолетних в деятельность террористических организаций, участием несовершеннолетних в совершении террористических актов.

Таким образом, научно-методическое обеспечение расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, следует признать недостаточным, нуждающимся в дальнейшем совершенствовании по выделенным направлениям.

Библиографический список

Бондарева И. О. Совершенствование методики расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018.

Волинский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волинского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 52–71.

Григорян А. А. Особенности расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017.

Карагодин В. Н. Криминалистическая характеристика киберэкстремистских преступлений, совершенных несовершеннолетними // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16, № 1. С. 76–83. DOI: 10.17150/2411-6262.2025.16(1).76-83.

³¹ «Колумбайн» признан террористическим движением на территории РФ. Скулшутинг, или движение «Колумбайн», – вооруженные нападения несовершеннолетних, происходящие в образовательных учреждениях и направленные против учащихся, педагогов и иных сотрудников школы.

³² 16 января 2023 года Верховный Суд РФ признал движение «Маньяки: культ убийства» террористической организацией и запретил ее деятельность на территории России. «Маньяки: культ убийства» – неонацистская организация, основанная украинским неонацистом Егором Красновым в 2017 году. Деятельность этой организации направлена на разжигание межнациональной розни, совершение избиений, убийств, подготовку терактов и массовых расстрелов.

³³ Заседание Национального антитеррористического комитета, 8 апреля 2025 г. URL: <https://ya.ru/video/preview/11635660444808948207>.

Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насилованных преступлений. Спецкурс лекций: учеб. пособие / под ред. В. П. Лаврова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2003.

Лутфуллина Г. Р. Криминалистическое обеспечение расследования корыстно-насилованных преступлений, совершенных несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2024.

Марина Е. А. Тактика защиты в досудебном производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2017.

Субботина М. В. Проблемы методики расследования преступлений, совершенных организованными группами несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996.

Сулейманова С. А. Тактико-криминалистические средства, используемые в работе с несовершеннолетними при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Ex jure

Информация для цитирования

Кардашевская М. В. Научно-методическое обеспечение расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними // *Ex jure*. 2026. № 1. С. 109–122. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-109-122

Kardashevskaya M. V. Scientific and Methodological Support for the Investigation of Crimes Committed by Minors. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 109–122. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-109-122

УДК 343.123.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-123-134

Особенности правовой оценки диверсии на современном этапе: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты

Ю. П. Якубина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса

Орловский юридический институт МВД России
имени В. В. Лукьянова
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2

E-mail: up_ulia@mail.ru

А. И. Сорокин

Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии

Орловский юридический институт МВД России
имени В. В. Лукьянова
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2

E-mail: Sorokin.lex@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности уголовной ответственности за совершение диверсии. Особое внимание уделяется уголовно-правовой оценке действий несовершеннолетних и лиц, склоняющих подростков к производству диверсионных актов, а также процессуальной специфике уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Приводятся примеры из следственной и судебной практики по делам с участием несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Сформировано представление об особенностях правовой оценки диверсии, о соблюдении конституционно охраняемых прав и свобод несовершеннолетних

© Якубина Ю. П., Сорокин А. И., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

подозреваемых и обвиняемых, обеспечении баланса между интересами общества, государства, законным принуждением и свободой. Анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позиций ученых подтверждает возможность и даже необходимость оптимизации теории и практики доказывания по уголовным делам о диверсиях; текущая ситуация в обществе и государстве требует перехода к новой информационно-технологической стратегии расследования этой категории преступлений.

Ключевые слова: диверсия; несовершеннолетний подозреваемый и обвиняемый; квалификация; санкция; принуждение к преступлению; законный представитель несовершеннолетнего; процессуальные гарантии; объекты транспортной инфраструктуры

Features of the Legal Assessment of Sabotage at the Present Stage: Criminal Law and Criminal Procedure Aspects

Yu. P. Yakubina

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. V. Lukyanov

2, Ignatova st., Orel, 302027, Russia

E-mail: up_ulia@mail.ru

A. I. Sorokin

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. V. Lukyanov

2, Ignatova st., Orel, 302027, Russia

E-mail: Sorokin.lex@gmail.com

Abstract: *the article is devoted to the consideration of some features of criminal liability for committing sabotage. Special attention is paid to the criminal law assessment of the actions of minors who have committed the crime in question, as well as those who incite teenagers to commit acts of sabotage. Attention is drawn to the procedural features in criminal proceedings against minors. Examples of investigative and judicial practice in cases involving minor suspects and defendants are given. An idea has been formed about the specifics of the legal assessment of sabotage; observance of the constitutionally protected rights and freedoms of minor suspects and accused, ensuring a balance between the interests of society, the state, legitimate coercion and freedom. The analysis of modern criminal and criminal procedure legislation, the positions of scientists confirm the possibility and*

necessity of optimizing the theory and practice of evidence in criminal cases of sabotage, the current situation in society and the state requires a transition to a new information technology strategy for investigating crimes.

Keywords: *sabotage; minor suspect; accused; qualification; sanction; coercion to commit a crime; legal representative of a minor; procedural guarantee; transport infrastructure facilities*

Государственная и общественная безопасность Российской Федерации обеспечивается путем реализации государственной политики, направленной на повышение уровня защищенности всех важных объектов страны.

В условиях проведения специальной военной операции (СВО) Российская Федерация продолжает оставаться открытой для въезда иностранных граждан тех государств, которые являются поставщиками вооружения на территорию Украины. Кроме того, наличие доступных современных электронных информационных технических устройств и программного обеспечения, многочисленных мессенджеров с возможностью создания закрытых групп упрощает работу кураторов диверсионных групп и непосредственно диверсантов¹.

В специальных публикациях справедливо отмечается, что активное вовлечение иностранными спецслужбами в условиях СВО несовершеннолетних и молодежи привело к изменению характеристик личности диверсанта и к сегментированию качеств и свойств этой личности в рамках двух типов – идейного и корыстного. Корыстный тип – это, как правило, мужчина младших возрастных групп, со средним или средним профессиональным образованием и низким уровнем социализации, совершающий преступление из корыстных побуждений. Если идейный тип отличается повышенной общественной опасностью и активностью, то корыстный тип по степени криминогенной опасности ситуативен и случаен².

Поскольку значительную часть перевозок для государственных нужд, в том числе для обеспечения обороноспособности и национальной безопасности государства (военные перевозки), выполняют ОАО «РЖД», возросло число общественно опасных деяний, осуществляемых несовершеннолетними на участках железнодорожных путей, которые являются объектами транспортной инфраструктуры.

В настоящее время преступность несовершеннолетних является одной из наиболее острых проблем российского общества. Этот факт подтверждается и статистическими данными. За последнее десятилетие более чем в два раза, до 27,3 тыс., снизилось число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, пропорционально (до 22,3 тыс.) сократилось и количество их участников. Отмечается снижение более чем на 69 % (до 2,3 тыс.) числа лиц в возрасте до 18 лет, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, почти на 90 % (до 60 тыс.) – под

¹ Пикина Т. В. Специфика уголовно-правового противодействия преступлениям против безопасности государства в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2 (75). С. 187–192.

² Пикина Т. В. Типология личности преступника-диверсанта // III Ярославский юридический форум: сб. науч. ст. по вопросам уголовного права и криминологии (Ярославль, 27–28 сентября 2024 г.). Ярославль: Канцлер, 2025. С. 154–159.

воздействием наркотических средств, более чем на 57 % (до 8,9 тыс.) – в составе групп по предварительному сговору, более чем на 63 % (до 5,2 тыс.) – ранее имевших преступный опыт³. Однако несмотря на то, что количество совершенных несовершеннолетними преступлений уменьшилось, общее количество *особо тяжких преступлений с их участием* возросло на 22,5 % и составило 2256 фактов (за 2021 год – 1841). Это самый высокий показатель за последние пять лет⁴.

В российских регионах участились случаи вербовки несовершеннолетних для диверсий на различных объектах жизнеобеспечения населения. Так, 21 сентября 2024 года двое школьников в Омске сожгли военный вертолет Ми-8. Их задержали в квартире, где они попытались скрыться после совершения преступления. В ходе следственных действий подростки признались, что подожгли вертолет по заданию куратора, связавшегося с ними в мессенджере Telegram. Взамен куратор пообещал школьникам 20 тыс. долларов. В отношении одного несовершеннолетнего, обвиняемого судом, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца⁵. Еще пример. В феврале 2024 года два подростка из Орловской области (15 и 16 лет) подожгли релейный шкаф на Орловской железной дороге. Одному из них Следственный комитет РФ предъявил обвинение по уголовной статье «Диверсия, совершенная группой лиц по предварительному сговору». В ходе расследования было установлено, что завербованный подросток привлек еще одного несовершеннолетнего (лицо, не достигшее возраста наступления уголовной ответственности) и вместе они поехали на перегон станций Орел – Стальной Конь, где совершили поджог. Оба подростка были задержаны силами правоохранительных органов. 24 октября 2024 года Орловский областной суд вынес приговор, в котором признал Р. виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 281 Уголовного кодекса РФ⁷, и назначил наказание с применением части 6.1 статьи 88 УК РФ – шесть лет лишения свободы с отбыванием в воспитательной колонии. 9 ноября 2024 года вынесенный приговор вступил в законную силу. Всего же спецслужбы совместно с МВД и СК России провели специальные мероприятия в 78 регионах в отношении 252 участников деструктивных пабликов, в том числе 156 несовершеннолетних⁸.

Вышеописанные примеры судебной и следственной практики подтверждают справедливость научных выводов о резком омоложении осужденных диверсантов, что является следствием обозначенной выше тенденции вовлечения иностранными

³ Горовой А. Успех приносит системная профилактика // Полиция России. 2024. № 6. С. 12–16.

⁴ В РФ в 2022 году отмечен рост особо тяжких преступлений с участием подростков. URL: <https://www.interfax.ru/russia/914033>.

⁵ Подробности о задержании школьников за диверсию в Омске. URL: <https://ya.ru/video/preview/2196867151265030058>.

⁶ Петров А. По подозрению в диверсии на железной дороге задержаны два орловских подростка. URL: <https://vechor.ru/accident/po-podozreniyu-v-diversii-na-zheleznoj-doroge-zaderzhany-dva-orlovskikh-podrostka>.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 17.11.2025).

⁸ ФСБ задержала 39 проукраинских радикалов, склонявших подростков к насилию. URL: <https://ria.ru/20241001/radikaly-1975720288.html>.

спецслужбами в преступную деятельность лиц с социальной и психологической незрелостью⁹.

В апреле 2025 года В. В. Путин на заседании Совета Безопасности РФ поднял вопрос о противодействии вовлечению молодежи в противоправную деятельность. Президент России указал: «Вопросы противодействия попыткам вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность – это одна из серьезных тем, одно из серьезных направлений в сфере молодежной политики... Спецслужбы врага втягивают в свои дела и тех, кто особенно уязвим в силу возраста. Необходимо обсудить меры по предотвращению вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправные действия»¹⁰.

Практически во все времена диверсионная деятельность разворачивалась тогда, когда между государствами возникали военные конфликты или неурегулированные споры. Нормативная база, регламентирующая ответственность за диверсионные преступления, складывалась веками, и каждый исторический этап приносил в понимание диверсии что-то новое¹¹.

Раскроем прежде содержание самого понятия. «Диверсия (от лат. *diversio* – расхождение, разнообразие) – скрытные специальные мероприятия диверсионно-разведывательных групп (ДРГ) или отдельных людей – диверсантов – по выводу из строя наиболее важных объектов или их элементов путем подрыва, поджога, затопления, а также применением иных способов разрушения, не связанных с ведением боя для достижения цели»¹². Как следует из приведенного определения, изначально акцент делался на действиях специально подготовленных военнослужащих по разрушению объектов военной инфраструктуры во время ведения боевых действий одним государством против другого. В настоящее время в УК РФ под диверсией понимается «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации» (ст. 281).

По мнению Т. В. Пикиной, которое мы разделяем, «недостаточная разработанность понятийного аппарата, связанного с характеристикой диверсии и преступлений

⁹ Пикина Т. В. Криминологическая характеристика личности преступника-диверсанта // Вестник военного права. 2024. № 3. С. 82–87; Бучаев С. М. Криминологические проблемы противодействия процессу становления личности преступника-террориста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019; Коробов П. В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

¹⁰ Путин предложил членам Совбеза обсудить попытки вовлечения молодежи в криминал. URL: <https://www.gazeta.ru>Политика>.

¹¹ Пикина Т. В. Эволюция института уголовной ответственности за преступления диверсионного характера // Вестник Чеченского государственного университета имени А. Кадырова. 2023. № 4. С. 165–171; Она же. Проблемные аспекты квалификации преступлений за совершение диверсии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 4. С. 259–265.

¹² Википедия. Свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Диверсия>.

диверсионной направленности... создает определенные проблемы в процессе их квалификации и разграничения со смежными составами преступлений»¹³.

Непосредственным объектом части 1 статьи 281 УК РФ являются общественные отношения в сфере охраны основ конституционного строя и безопасности государства; дополнительным объектом – общественные отношения, охраняющие жизнь, здоровье и имущество. К предмету отнесены предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры, объекты жизнеобеспечения населения, транспортные средства, средства связи, компоненты природной среды.

Объекты транспортной инфраструктуры – это технологический комплекс, включающий железнодорожные вокзалы и станции, тоннели, эстакады, мосты и т.д.¹⁴

Средства связи – это «технические и программные устройства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи»¹⁵.

Объекты жизнеобеспечения населения – «собираательный термин, охватывающий собой объекты коммунальной сферы, которые обеспечивают нормальную жизнь городов, населенных пунктов, централизованные системы водоснабжения и коммунальной канализации, склады продовольствия, объекты газоснабжения и т.п.»¹⁶.

Компоненты природной среды (были добавлены в статью 281 УК РФ Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157) – это «земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле»¹⁷.

Объективная сторона преступления включает совершение взрыва¹⁸, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение вышеуказанного предмета преступления. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157 в диспозицию части 1 статьи 281 УК РФ внес дополнение: «нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды». Представляется, что имеется в виду любой вред

¹³ *Ликина Т. В.* Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. С. 13.

¹⁴ О транспортной безопасности: Федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ: принят Гос. Думой 19 янв. 2007 г.: одобрен Советом Федерации 2 февр. 2007 г. (ред. от 08.08.2024).

¹⁵ Термины МЧС России. Средства связи. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3457>.

¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 4-е изд. М.: Проспект, 2012. С. 198. Цит. по: *Хромов Е. В.* К вопросу о терминологической несогласованности понятий «объекты жизнеобеспечения» и «объекты жизнеобеспечения населения» в УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 272–276.

¹⁷ Термины МЧС России. Компоненты природной среды. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1690>.

¹⁸ Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: Федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ: принят Гос. Думой 4 июля 2008 г.: одобрен Советом Федерации 11 июля 2008 г. (ред. от 25.12.2023). Пункт 3 статьи 2.

здоровью человека – легкий, средний и тяжкий. Состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 281 УК РФ, – формальный, поскольку взрыв, поджог и иные действия направлены на причинение вреда, то есть сами последствия могут не наступить. В частях 2 и 3 рассматриваемой статьи состав может быть материальным.

Субъективная сторона выражается в прямом умысле: виновный осознает, что посягает на общественные отношения в сфере охраны основ конституционного строя и безопасности государства путем совершения взрыва, поджога и иных общественно опасных действий, и желает совершить вышеуказанные действия. Также обязательно установить цель (мотив) преступления: подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Субъект преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, является общим – физическим вменяемым лицом, достигшим возраста 16 лет. Однако, как отмечает в своей диссертации Т. В. Пикина, «с учетом реалий сегодняшнего дня, а также очевидности того факта, что лицо способно осознавать общественную опасность совершения таких преступлений с более раннего возраста, равно как и преступлений террористической направленности (за большинство из которых возраст уголовной ответственности наступает с 14 лет), необходимо отметить тенденцию к снижению возраста такого субъекта до 14 лет»¹⁹.

В научном сообществе давно идет дискуссия относительно возраста по таким составам преступлений²⁰. Особенно актуализировался этот вопрос в связи с проведением СВО. Правоведы предлагают понизить возраст ответственности за диверсию до 14 лет²¹. Представляется, что данное предложение имеет смысл, так как за 2022 год и первое полугодие 2023-го только за диверсии на железной дороге было задержано 11 человек, из них 10 – несовершеннолетние²².

Анализ следственной и судебной практики показывает, что несовершеннолетние, как правило, действуют совместно с другими лицами. Например, вызвать желание совершить диверсию может какое-либо лицо в сети Интернет²³. В этом случае применяется институт соучастия в преступлении. Лицо, которое вызвало желание совершить преступление, в зависимости от обстоятельств дела (насколько активно оно содействовало реализации преступного умысла) может квалифицироваться либо как подстрекатель, либо как организатор диверсии. Если несовершеннолетнего склонял к диверсии совершеннолетний, последний также привлекается по соответствующей части статьи 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение

¹⁹ Пикина Т. В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия. С. 118.

²⁰ См., например: Коробов П. В. Указ. соч.

²¹ Правительство России одобрило уголовную ответственность за диверсию с 14 лет. URL: <https://rtvi.com/news/pravitelstvo-rossii-odobrilo-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-diversii-s-14-let/>.

²² Штурма Я. Шалость – не радость: кто стоит за диверсиями подростков на железных дорогах. URL: <https://iz.ru/1471275/iana-shturma/shalost-ne-radost-kto-stoit-za-diversiiami-podrostkov-na-zheleznikh-dorogakh>.

²³ В Томской области несовершеннолетний осужден за диверсию на железной дороге. URL: <https://kolpashevo.bezformata.com/listnews/tomskoy-oblasti-nesovershennoletniy/132141671/>.

преступления»²⁴. Несовершеннолетний будет признан исполнителем преступления, если объективную сторону вместе с несовершеннолетним выполняло несколько лиц. В этом случае им будет вменяться пункт «а» части 2 статьи 281 УК РФ. Санкции 281-й статьи очень внушительные: от 10 лет лишения свободы по части 1 до пожизненного лишения свободы по части 3. Максимальное наказание, которое может быть назначено несовершеннолетнему, – 10 лет лишения свободы с отбыванием в воспитательной колонии (ч. 6 ст. 88 УК РФ).

Остановимся на вопросе о склонении несовершеннолетнего к осуществлению диверсии путем физического или психического принуждения²⁵. Физическое принуждение может освободить от уголовной ответственности только в том случае, если оно является непреодолимым. В случае, когда физическое принуждение преодолимо, а также во всех случаях психического принуждения вопрос решается по правилам о крайней необходимости (ст. 40 УК РФ). Являлось ли физическое принуждение преодолимым, следует устанавливать в каждом конкретном случае, с учетом всех особенностей ситуации (как воздействует, на что именно воздействует, насколько интенсивно воздействие преступника). Из имеющейся в наличии информации о совершении диверсий на территории РФ можно сделать вывод, что такое исключяющее преступность деяния обстоятельство, как физическое принуждение, практически не применяется. Вопрос о психическом принуждении несовершеннолетнего к диверсии рассматривается по условиям правомерности крайней необходимости. Лицо не подлежит уголовной ответственности, только если вред, причиненный несовершеннолетним, меньше вреда предотвращенного (ст. 39 УК РФ). Как было указано выше, объектом рассматриваемого деяния (статьи) являются общественные отношения в сфере обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Если лицо сознательно причиняет вред указанному объекту, то на противоположной чаше весов должно находиться нечто такое, что важнее безопасности государства (тем более в период проведения СВО). Представить себе это «нечто» даже теоретически весьма затруднительно, поэтому крайняя необходимость в подобных ситуациях практически не применима.

Судя по открытой, то есть опубликованной в СМИ, информации довольно часто исполнителей преступления, в том числе несовершеннолетних, склоняют к совершению диверсий и терактов путем обмана²⁶. Думается, что все такого рода случаи с точки зрения уголовного права можно оценивать следующим образом. Если несовершеннолетнего склоняют к совершению диверсии тем, что у него имеется финансовый долг перед организатором, либо перед этим у несовершеннолетнего было реально похищено имущество (например, деньги с банковского счета) и организатор диверсии обещает в будущем (после совершения диверсии) вернуть похищенное имущество

²⁴ В ПТ двум подросткам и взрослому вынесли приговор по делу о диверсии. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/6661a6449a7947290b672c8d>.

²⁵ Двух организаторов поджогов на железной дороге приговорили к 17 и 22 годам колонии. URL: <https://iz.ru/1707420/2024-06-05/dvukh-organizatorov-podzhogov-na-zheleznoi-doroge-prigovorili-k-17-i-22-godam-kolonii>.

²⁶ Палей И. В России массово поджигают военкоматы. Как телефонные мошенники толкают людей на эти преступления? URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/02/voen/>.

или урегулировать вопрос с долговыми обязательствами, то лицо, совершившее диверсию, подлежит ответственности на общих основаниях. В данной ситуации обманом является только выполнение обещания после осуществления требуемых действий и исполнитель в момент совершения диверсии знает, на что совершает посягательство, какие последствия могут наступить и какой способ он применяет, то есть никакой ошибки, которая могла бы повлиять на квалификацию диверсии, данный вид обмана не создает.

Бывает, что лицо вводится в заблуждение относительно объекта, на который должно быть совершено посягательство. Например, несовершеннолетнему говорят, что, поджигая какое-либо сооружение, он тем самым мешает злоумышленникам взять на его имя кредит или отправить важные документы за границу и т.д.²⁷ В данной ситуации лицо, совершающее общественно опасные действия, ошибается в объекте: фактически происходит посягательство на обороноспособность государства, но сам посягающий считает, что нарушает общественный порядок либо отношения собственности. Такая ошибка в объекте посягательства изменяет уголовно-правовую оценку содеянного: действия виновного могут квалифицироваться как «умышленное уничтожение или повреждение имущества» (ст. 167 УК РФ) и «хулиганство» (ст. 213 УК РФ). Несложно представить себе и третью ситуацию. Несовершеннолетнего вводят в заблуждение относительно общественной опасности совершаемых действий – например, он может считать, что, уничтожая имущество на железной дороге, каким-то образом помогает российским спецслужбам. В этой ситуации лицо убеждено, что совершает общественно полезные действия, что, в соответствии с правилами о фактической ошибке, может изменить форму вины на «неосторожность». Однако в настоящий момент, в связи со сложными мировыми внешнеполитическими процессами, такое теоретическое построение вряд ли может быть использовано.

Следует обратить внимание и на то, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации²⁸ законодателем предусмотрены дополнительные гарантии в процессе расследования и судебного разбирательства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних, учитывающие их возрастные, социально-психологические, психофизические особенности и нормы этики и морали. К числу таких гарантий относятся: обязательное участие в уголовном деле законного представителя (ч. 2 ст. 426), защитника; участие психолога или педагога в процессуальных действиях (в определенных случаях по усмотрению должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело); «расширенный» предмет доказывания по уголовному делу; производство судебной экспертизы, когда необходимо определить психическое состояние подозреваемого и/или когда возраст подозреваемого имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, или отсутствуют, или вызывают сомнение (ст. 196); дополнительные основания прекращения уголовного

²⁷ *Сергеев Н.* Мошенники объявили войну военкоматам. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6136604>.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 15.12.2025).

преследования (ст. 27); особенность подсудности уголовных дел (ч. 3 ст. 31); специальная мера пресечения – отдача под присмотр (ст. 105); взыскание процессуальных издержек; основания возникновения права на реабилитацию, за исключением случаев вынесения судом постановления, предусмотренного пунктом 1 части 3 статьи 125.1 УПК РФ (ч. 4 ст. 133); особенности подследственности (ч. 2 ст. 151). Особенности касаются некоторых общих условий предварительного расследования: выделение уголовного дела; вызов несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого; время проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого и др. Не допускается в интересах расследования сохранять в тайне факт задержания несовершеннолетнего подозреваемого (ч. 4 ст. 96).

В заключение необходимо рассмотреть еще один вопрос, который может возникнуть на этапе предварительного расследования: как отличить диверсию (ст. 281 УК РФ) от террористического акта (ст. 205 УК РФ)? По объективным признакам (внешнему выражению) эти статьи очень похожи (поджоги релейных шкафов, военкоматов и т.д.). Разграничение проводится по субъективной стороне преступления. Преступник ставит перед собой разные цели: при теракте его целью является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо оказание воздействия на принятие ими решений, а при диверсии цель иная – подрыв экономической безопасности и обороноспособности РФ.

При изучении данного вопроса заслуживает внимания позиция Н. В. Мурина. По мнению ученого, диверсия направлена против Российской Федерации как государства, в то время как террористический акт может иметь своей целью оказание влияния на решения международных организаций, которые представлены несколькими государствами. И если диверсия на практике осуществляется по возможности скрытно, то террористический акт, напротив, носит максимально демонстративный характер, ибо задуман для устрашения населения и влияния на принятие решений органами государства²⁹. Сходное мнение выражают и другие ученые³⁰.

Складывающаяся сегодня в России криминогенная обстановка в части совершения преступлений диверсионной направленности обязывает законодателя реагировать на возникающие угрозы своевременно и с учетом исторического опыта, связанного с потенциальными или реальными вооруженными конфликтами. Аналогичная тенденция сохраняется во всех странах постсоветского пространства, а также в странах, вовлеченных в вооруженные конфликты или подобные конфликты уже переживших³¹.

²⁹ Мурин Н. В. Разграничение террористического акта со смежными составами преступлений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58). С. 298.

³⁰ См., например: Тихонин И. А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 477–484; Тутуков А. Ю., Татауров Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 169–170.

³¹ Ликина Т. В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар 2025. С. 3-4; Она же. Особенности уголовно-правовой охраны жизни лиц, обеспечивающих обороноспособность государства // Вестник военного права. 2025. № 2. С. 90–94.

Вывод. Обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на повышение уровня защищенности важных объектов, в том числе объектов транспортной инфраструктуры.

В регионах России участились случаи вербовки несовершеннолетних лиц для совершения диверсий на различных объектах жизнеобеспечения населения. В научном сообществе давно идет дискуссия относительно снижения возраста по таким составам преступлений. Особенно актуальной эта проблема стала в связи с проведением специальной военной операции. Правоведы на страницах научных исследований предлагают понизить возраст наступления уголовной ответственности до 14 лет. Авторы статьи убеждены, что на современном этапе это необходимо, учитывая все более активное вовлечение в преступную деятельность несовершеннолетних.

Безусловно, диверсия отличается от террористического акта. И разграничение проводится по субъективной стороне преступления. Преступник ставит перед собой разные цели: при теракте целью является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а при диверсии – подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства.

Библиографический список

Бучаев С. М. Криминологические проблемы противодействия процессу становления личности преступника-террориста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019.

Горовой А. Успех приносит системная профилактика // Полиция России. 2024. № 6. С. 12–16.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / [Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькина и др.]; под ред. Г. А. Есакова. 4-е изд. М.: Проспект, 2012.

Коробов П. В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

Мурин Н. В. Разграничение террористического акта со смежными составами преступлений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58). С. 295–298.

Пикина Т. В. Криминологическая характеристика личности преступника-диверсанта // Вестник военного права. 2024. № 3. С. 82–87.

Пикина Т. В. Особенности уголовно-правовой охраны жизни лиц, обеспечивающих обороноспособность государства // Вестник военного права. 2025. № 2. С. 90–94.

Пикина Т. В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025.

Пикина Т. В. Проблемные аспекты квалификации преступлений за совершение диверсии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 4. С. 259–265.

Пикина Т. В. Специфика уголовно-правового противодействия преступлениям против безопасности государства в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2 (75). С. 187–192.

Пикина Т. В. Типология личности преступника-диверсанта // III Ярославский юридический форум: сб. науч. ст. по вопросам уголовного права и криминологии (Ярославль, 27–28 сентября 2024 г.). Ярославль: Канцлер, 2025. С. 154–159.

Пикина Т. В. Эволюция института уголовной ответственности за преступления диверсионного характера // Вестник Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова. 2023. № 4 (52). С. 165–171. DOI: 10.36684/chesu-2023-52-4-165-171.

Тихонин И. А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 477–484.

Тутуков А. Ю., Татаров Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 169–170.

Информация для цитирования

Ex jure

Якубина Ю. П., Сорокин А. И. Особенности правовой оценки диверсии на современном этапе: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Ex jure. 2026. № 1. С. 123–134. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-123-134

Yakubina Yu. P., Sorokin A. I. Features of the Legal Assessment of Sabotage at the Present Stage: Criminal Law and Criminal Procedure Aspects. *Ex jure*. 2026. № 1. Pp. 123–134. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-123-134

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике по группе научных специальностей 5.1. – Право.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Междустрочный интервал – полустрочный. Размер шрифта (кегель) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единым файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствуется следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES IN EX JURE

The presented article must be original, not previously published, corresponding to the thematic scope addressed by scientific disciplines classified as 5.1 - Law.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal "Perm University Herald. Juridical Sciences" (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure
2026. № 1

Редактор Т. И. Ускова
Корректор М. И. Иванова

Компьютерная вёрстка: С. А. Овчинникова
Дизайн обложки: Т. А. Басова

Подписано в печать 28.01.2026
Дата выхода в свет 30.01.2026. Формат 70х100/16
Усл. печ. л. 11,13. Тираж 150 экз. Первый завод 25. Заказ 3

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36
Отпечатано в типографии ПГНИУ
+7 (342) 239 65 47

Распространяется по подписке и бесплатно

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8671870/?sphrase_id=396144
Подписной индекс 83987